А. Р. Андреев

Князь Василий Михайлович Долгоруков-Крымский

Документальное жизнеописание

Историческая хроника XVIII века

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Первая полная документальная биография одного из «екатерининских орлов» князя Василия Михайловича Долгорукова (1722–1782) – участника почти всех войн середины XVIII века – Крымских походов Миниха (1736–1737), русско-шведской (1741–1743) и Семилетней (1756–1763) войн, командующего российской армией, занявшей Крымский полуостров в 1771 году.

Екатерина Великая писала о В. М. Долгоруком: «К незабвенной славе России завоевал он Крымский полуостров, – отворил российскому флоту путь в Черное море». В книге публикуется переписка Екатерины II и князя Долгорукова-Крымского.

- Александр Радьевич Андреев
  - Хроника XVIII века
  - Василий Михайлович Долгоруков-Крымский
  - Официальная биография
    -
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7. Отставка. Московский Главнокомандующий. 1775–1782 годы
  - Библиография
    -
  - Приложения
    - Приложение 1
    - Приложение 2
    - Приложение 3
    - Приложение 4
    - Приложение 5
    - Приложение 6
    - Приложение 7
    - Приложение 8
    - Приложение 9
    - Приложение 10
    - Приложение 11
    - Приложение 12

- Приложение 13
- Приложение 14

Александр Радьевич Андреев
Князь Василий Михайлович Долгоруков-Крымский. Документальное жизнеописание

Хроника XVIII века

1730–1740 годы. Анна Иоанновна. 1731 год. Основание Ростова-на-Дону.

1733–1735 годы. Участие России (в связи с Австрией) в борьбе за польский престол.

1735 год. Русские войска впервые появились на Рейне. 1736–1739 годы. Турецкая война.

1736 год. Взятие Азова Минихом.

1737 год. Взятие Очакова.

1739 год. Взятие Хотина. Белградский мир с Турцией.

1740–1741 годы. Иоанн Антонович, а в виду его малолетства регенство Бирона.

1740 год. Арест Бирона Минихом и провозглашение Анны Леопольдовны, матери Иоанна Антоновича правительницей государства.

1741–1743 годы. Война со Швецией.

1741 год. Арест правительницы Анны Леопольдовны и Иоанна Антоновича цесаревной Елисаветой.

1741–1761 годы. Елисавета Петровна.

1742 год. Основание Оренбурга.

1743 год. Абоский мир со Швецией.

Границей между Швецией и Россией признана р. Кюмень, а наследником шведского престола объявлен Адольф-Фридрих, герцог Гольштейн-Готторпский.

1746 год. Союз с Австрией.

1751 год. Основание Елизаветграда.

1753 год. Уничтожение внутренних таможен.

1753–1761 годы. Участие в Семилетней войне.

1757 год. Неиспользованная победа Апраксина над пруссаками при Гроссегерсдорфе.

1759 год. Поражение пруссаков при Цюллихау. Поражение Фридриха русскими при Кунерсдорфе.

1760 год. Взятие Берлина.

1761 год. Взятие Кольберга.

1761–1762 годы. Петр III.

1762 год. Указ о вольности дворянства.

Петербургский переворот и арест Петра III.

1762–1796 годы. Екатерина И.

1768 год. Вмешательство России в польские дела. Русские войска действуют против Барской конфедерации, не соглашавшейся на предоставление диссидентам равноправности с католиками.

1768–1774 годы. Первая турецкая война.

1770 год. Поражение турецких войск при Ларге, Кагуле и Чесме.

1771 год. Поражение турецких войск при Мачине. Поход в Крым Долгорукого.

1772 год. Первый раздел Польши Россией,

Австрией и Пруссией. К России отошла восточная часть Литвы (земли между Западной Двиной, Днепром и Бугом).

1773–1775 годы. Восстание Пугачева.

1774 год. Мир в Кучук-Кайнарджи с Турцией.

Присоединение Азова, Кинбурна, округов Керчи и Еникале. Крымские и кубанские татары признаны независимыми. Свобода торгового море плавания в турецких водах.

1775 год. Уничтожение Сечи. 1780 год. Союз с Австрией.

1783 год. Присоединение Грузии и Крыма.

1785 год. Жалованная грамота дворянству и городам.

1787–1791 годы. Вторая турецкая война.

1788–1790 годы. Война со Швецией.

Брокгауз-Ефрон

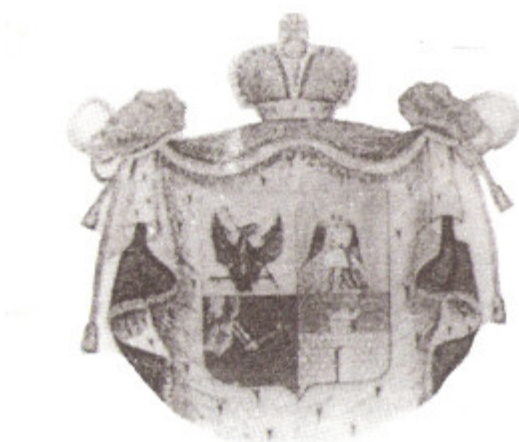
Хронология всеобщей и русской истории.

СПБ, 1905.

Василий Михайлович Долгоруков-Крымский

В ста километрах от Москвы по Минскому шоссе и в девяти километрах от Рузы находится дворянская усадьба Волыншина-Полуэктово-родовая вотчина потомков героя Куликовской битвы Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского. Его внук Полуэкт Борисович» давший имя усадьбе, в 1436 году погиб в бою с крымскими татарами под Белевом, защищая, как и его великий дед, свою родину – Россию. Через триста лет дочь потомка Волынских Анастасия вышла замуж за боевого майора

Василия Михайловича Долгорукова. В именин, переданном Василием Ивановичем Волынским двадцатилетнему князю в качестве приданного за дочь, Василием Баженовым был построен усадебный красавец-дом, ставший любимым местом отдыха генерал-аншефа и кавалера всех российских орденов князя Долгорукова-Крымского, «к незабвенной славе России завоевавшего Крымский полуостров и отворившего российскому флоту путь в Черное море." Какие причудливые кружева плетешь ты, российская история!



Фамильный герб князей Долгоруковых состоит из щита, разделенного на четыре равных части. В первой части изображен герб княжества Черниговского (на золотом поле черный одноглавый орел, с золотым венцом на голове; крылья у него распростерты, и в лаве своей он держит золотой крест); во второй части щита – герб великого княжества Киевского (на красном

поле ангел; одежда на ангеле сребротканная; в правой руке он имеет обнаженный серебряный меч, а в левой – золотой щит); в третьей части щита – на черном поле выходит из облаков рука со стрелою, в латы облеченная; в четвертой части щита – на голубом поле серебряная крепость. Кругом щита обвита цепь ордена святого Андрея Первозванного. Щит одет княжескою мантией и увенчан великокняжескою короною

Геройские дела, честь, правда, добродетель
Бессмертный есть тому свидетель,
Что он Отечеству, как сын Отцу служил,
Не подданным царям – по сердцу другом был

Официальная биография

«к незабвенной славе России завоевал он Крымский полуостров…, отворил российскому флоту путь в Черное море.»

Екатерина II.

Василий Михайлович, племянник фельдмаршала Василия Владимировича, родился 1 июля 1722 года. Тринадцати лет от роду записанный в солдаты, в царствование Анны, когда князей Долгоруковых запрещено было производить в офицеры, он столь отличился при взятии Перекопской крепости (1736), что великий Миних решился, в пользу его, нарушить волю императрицы, и произвел его в офицеры. По воцарении Елизаветы, он был пожалован поручиком (1741), секунд-майором (1742), находился адьютантом при своем дяде-фельдмаршале, пожалован премьер-майором (1743), подполковником (1745), полковником и командиром Тобольского пехотного полка (1747); ходил на Рейн в корпусе генерал-фельдцеймейстера князя Василия Аникитовича Репнина; произведен в генерал-майоры (25 декабря 1755 года) и участвовал в Семилетней войне, где приобрел чин генерал-лейтенанта (5 января 1758 года) и орден св. Александра Невского (18 августа 1759 года). Екатерина II, в день своего коронования (22 сентября 1762 года) произвела его в генерал-аншефы, и чрез 5 лет (22 сентября 1767 года) украсила Андреевской лентой. При открытии войны с Турцией, князю Василию Михайловичу вверен был корпус войск, назначенных для охранения наших крымских границ.

В 1769 году набег крымского хана Крым Гирея отражен был князем под крепостью Св. Елизаветы и Хан с уроном бежал обратно. В течение 1770 года, часть крымских войск, с новым ханом Каплан Гиреем, находилась при большой турецкой армии, а в 1771 году решено было Россиянам вторгнуться на полуостров. 12 июня 1771 года весь корпус, из 38 тысяч воинов состоящий, осадил крепость Ор-Капы (Перекоп), и, завладев линией, имел, 14 июня, кровопролитное сражение с ханом Селим Гиреем, предводившим 75000

татар. Хан был разбит наголову, и 16 числа крепость Перекопская отворила ворота победителю. 29 июня князь Василий Михайлович, с 27000 русских, разбил, при Кафе, девяностопятитысячное войско татарское. Успехи быстро следовали один за другим: Арабат, Козлов, Керчь, Еникале, Балаклава пали пред оружием русских. Хан Селим Гирей бежал в Царьград…

Подвиги доблестного вождя награждены были (17 августа 1771 года) Георгиевской лентой, табакеркой с портретом императрицы… алмазными знаками ордена Св. Андрея, шпагою с алмазами, за храбрость, 60000 рублей и лестным титулом – Крымский.

В последние два года жизни своей (с 11 апреля 1780 года) князь Крымский находился главнокомандующим в Москве, скончался в Москве, 30 января 1782 года и погребен в девяноста верстах от Москвы, в своем имении Полуехтове, в сооруженной им церкви Трех Святителей. Он женат был на Анастасии Васильевне Волынской, имел двух сыновей – Михаила и Василия и трех дочерей – Прасковью, Варвару, Федосью.

П.В. Долгоруков «Сказания о роде князей Долгоруких». М, 1840.

Долгоруков-Крымский Василий Михайлович (1722–1782), генерал-аншеф, в конце жизни главнокомандующий в Москве, сын действительного тайного советника и сенатора князя Михаила Владимировича Долгорукова, родился 1 июля 1722 года, тринадцати лет был записан в драгуны и в 1735 году произведен в капралы и вахмистры. Опала, постигшая Долгоруковых при Анне Иоанновне, коснулась и князя Василия Михайловича. Запрещено было и его производить в офицеры. Однако доблесть, проявленная им в 1736 году при штурме Перекопской крепости, заставила Миниха на собственный страх нарушить повеление императрицы и поздравить князя прапорщиком. Вслед за тем Долгоруков участвовал в штурме Очакова (1737), где потерял убитого тут же родного брата, под Хотином (1738) и в Шведской войне, где отличился главным образом в деле при Вилауоках (1740). Воцарение императрицы Елисаветы Петровны, вернув Долгоруковых из ссылки, создало ряд быстрых повышений и для Василия Михайловича. В 1741 году он Произведен в капитаны, в 1742 году – в секунд-майоры, в

1743 году – в премьер-майоры, в 1745 году в чине подполковника назначен генеральс-адьютантом к своему родному дяде, президенту Военной коллегии, генерал·фельдмаршалу князю Василию Владимировичу, а в 1747 году произведен в полковники с назначением командиром Тобольского пехотного полка. В новой роли князь Ваилий Михайлович по-видимому резко выдвинулся из числа остальных командиров. Об этом, например, говорит в своих записках князь Яков Петрович Шаховской: «Сии вышепоименованные четыре господина полковника (Захар Чернышев, Вилбоа, Мельгунов и князь Василий Михайлович Долгоруков), тогда уже славившиеся отличным достоинством и своим знатным поведением, от своего генералитета с отменными благосклонностями принимаемы были и почасту с ними в компаниях и в рассуждениях бывали». Следовательно молодого князя и тогда уже ценили как опытного начальника. Тот же отзыв дан и императрицей Екатериной II: «Во время Апраксина отличились пять или шесть полковников порядком их Полков, а именно: граф П. А. Румянцев, граф З.Г. Чернышев, П.И. Панин, Н.М. Леонтьев, князь В.М. Долгоруков, в кавалерии князь М.Н. Волконский.» Таким образом, в обоих отзывах повторяются только Чернышев и Долгоруков. В 1748 году вместе с тобольцами князь принял участие в походе на Рейн, в 1755 году был произведен в генерал-майоры, а вслед за тем пошел в составе армии, двинутой против Пруссии. Участие в Семилетней войне доставило Долгорукову чин генерал-поручика (1758), за бой под Кюстрином, и орден святого Александра Невского. Нельзя сказать, однако, чтобы в самих боях князь был счастлив: при Цорндорфе он ранен картечью в левую ногу, а 8 сентября 1761 года снова ранен, но уже тяжело, при штурме неприятельских батарей у Кольберга. Императрица Екатерина II, видимо знавшая Долгорукова еще раньше, быстро отличила будущего покорителя Крыма и в день своего коронования (22 сентября 1762 года) произвела его в генерал-аншефы, а в 1767 году возложила на него и орден святого Андрея Первозванного. С начала войны с Турцией Долгорукову вверили охранение наших границе Крымом, а в 1771 году под его же начальством была двинута тридцатитысячная армия для самого покорения этого полуострова. «Таким образом, говорит одно

жизнеописание Долгорукова, он прославил имя свое в тех местах, где за тридцать пять лет начал только знакомиться со славою.» Убедясь в невозможности покончить с крымцами путем простых переговоров, князь Долгоруков решил действовать силою. 25 мая его армия собралась на речке Маячке и 14 июня овладела укрепленною линией у Перекопа, которую защищали пятьдесят тысяч татар и семь тысяч турок; вслед за тем князь Василий Михайлович с двадцатью семью тысячами одержал при Кафе решительную победу над девяностопятитысячною татаро-турецкою армиею и одним этим успехом принудил к сдаче города Арабат, Козлов, Еникале, Керчь и Балаклаву. «Все сие служит следствием, писала ему Императрица, не только неустрашимости войск наших, но и разумного, доброго и искусного вашего предводительства, за что премного вам благодарствую.» Хан Крыма, Селим Гирей, бежал вскоре в Константинополь, и на его место был возведен сторонник русского правительства, Саиб Гирей. Дни Крыма были сочтены. Окончательное закрепление его за нами состоялось однако лишь после второй турецкой войны. В лестном рескрипте к Долгорукову Императрица благодарила его за победы, пожаловала ему орден святого Георгия I степени и шестьдесят тысяч рублей и произвела его сына, князя Василия Васильевича, в полковники. «Портрета моего в Крыму нет, писала она самому князю Василию Михайловичу, но вы его найдете в табакерке, кою при сем к вам посылаю. Прошу ее носить, ибо я ее к вам посылаю на память от доброго сердца.» В день торжественного празднования мира с Турциею (10 июля 1775 года) Долгоруков получил от Императрицы шпагу с алмазами, алмазы к ордену святого Андрея Первозванного и титул Крымского. Обманувшись в надежде получить в этот день жезл фельдмаршала, князь обиделся и вышел в отставку.

За два года до своей кончины вновь приглашен Императрицей на службу. Долгоруков был назначен (11 апреля 1780 года) главнокомандующим в Москву и приобрел здесь общие симпатии. Только два года стоял Долгоруков во главе Первопристольной столицы. Давно уже страдая мучительною подагрой, 30 января 1782 года он перешел наконец в вечность. Записки современников отчетливо рисуют всю печаль Москвы, невидимому искренне полюбившей своего недолгого правителя.

Долгоруков погребен в своем подмосковном селе Полуэктове, в девяноста верстах от столицы, в сооруженной им церкви Трех Святителей. Памятник ему воздвигнут в 1842 году в Симферополе его внуком, князем Василием Васильевичем. Василий Михайлович был женат на Анастасии Васильевне Волынскокой и имел от нее двух сыновей (Михаила и Василия) и трех дочерей (Прасковью, Варвару и Федосью).

Русский биографический словарь. СПБ, 1905.

Долгоруков-Крымский Василий Михайлович 1.7 / 1722 – 30.1.1782), князь, военачальник, генерал-аншеф (1762). Службу начал в 1735 году капралом в кавалерии. Вследствие опалы, которой подверглись представители рода Долгоруковых при императрице Анне Иоанновне, было запрещено производить его в офицеры. Однако за храбрость, проявленную при штурме Перекопа (20.5.1736), во время русско-турецкой войны 1735–1739 годов главнокомандующий генерал-фельдмаршал Х.А. Миних произвел его в прапорщики. Участник русско-шведской войны 1741–1743 годов. В 1745–1746 годах генеральс-адьютант своего дяди генерал-фельдмаршала В.В. Долгорукова. В 1747–1755 годах командовал Тобольским пехотным полком. В Семилетней войне 1756–1763 годов отличился в сражении под Кюстрином (август 1758 года) и в Цорндорфском сражении 1758 года, из-за ранения был вынужден на время оставить армию. В сентябре 1761 года участвовал в штурме Кольберга. С начала русско-турецкой войны 1768–1774 годов командовал войсками, охранявшими границы с Крымом. С 1771 года главнокомандующий армией (38 тыс. человек), направленной для занятия Крыма. Сосредоточив армию на реке Маячка, овладел 14.6.1771 года Перекопской укрепленной линией, которую обороняло 50000 татар и 7000 турок. 29.6.1771 года в сражении при Кафе разгромил турецко-татарскую армию, чем принудил к сдаче города Арабат, Керчь, Еникале, Балаклаву и занял Крым. Успехи Долгорукова способствовали возведению на крымский ханский престол сторонника России Саиб-Гирея, с которым Долгоруков от имени Российской империи заключил союз. 10.7.1775 года получил почетный титул Крымский. Обидевшись, что ему не дали чина генерал-фельдмаршала, вышел в отставку. С 1780 года

главнокомандующий в Москве.

Отечественная история. Энциклопедия. М, 1996.

Глава 1
Род князей Долгоруковых Долгоруковы и Анна Иоанновна. 1730–1739 годы

Долгоруковы – княжеский род Рюриковичей-произошли от князей Оболенских. Сын великого киевского князя Святослава Всеволодовича и полоцкой княжны Марии Васильковны Всеволод Святославич Чермный правил Черниговским княжеством до 1203 года, когда он после своего отца в свою очередь стал великим киевским князем. Его первой женой была польская королевна Мария Казимировна, родившая в 1195 году сына Михаила, с 1203 года князя Черниговского. После гибели Михаила Всеволодовича в 1246 году в Золотой Орде его четвертый сын Юрий получил в управление Тарусский удел, сделавшийся самостоятельным. Первым удельным князем Оболенским стал в начале XIV века сын Юрия Михайловича Тарусского Константин, получивший в управление город Оболенск с землями. Род Долгоруковых начал второй сын князя Константина Юрьевича Оболенского-князь Андрей. Его сын Иван Андреевич получил прозвище Долгорук. Сохранилась старинная роспись Разрядного архива за N 207: «Долгорукие князья произошли от князей Черниговских. В роде их у князя Андрея был сын князь Иван Долгорукой; от него пошли князья Долгорукие». Дети сына Ивана Долгорука Владимира – стали родоначальниками различных ветвей Долгоруковых.

В «Родословной книге российского дворянства», вышедшей в Петербурге в конце XIX века, сказано о ветви рода Долгоруковых, начавшейся с сына Владимира – Тимофея: «Особенно замечателен второй сын Тимофея Владимировича – Иван Тимофеевич, прозванный Рыжко. Его сын Григорий Иванович Меньшой (Черт) в 1563 году служил воеводою в Михайлова» потом в Волхове. Новосиле (1569 год), наместником шатским (1572 год), воеводою в Кукейносе (1573 год), в Пернове (1575 год), Кеси (1578 год), Падце (1579 год), Новгороде (1581–1583 годы).

Не меньше замечателен и сын его Алексей Григорьевич (Чертенок), упоминаемый с 1611 года и бывший воеводою в Свияжске (1624–1625 годы). Он умер 1 июля 1644 года. Его дети от жены Пелагеи Петровны Буйносовой-Ростовской – Юрий Алексеевич и братья его Дмитрий и Петр. Юрий Алексеевич в 1643–1644 году был воеводою в Белеве, потом в Путивле, возведен за отличия в бояре 21 ноября 1649 года, разбил и взял в

плен Гонсевского, возглавлял Казанский, Стрелецкий и Пушкарский приказы. Приказ Казанского Дворца».

Основателем отдельной ветви рода стал прадед Василия Михайловича Долгорукова-Крымского Дмитрий Алексеевич Долгоруков, внук Григория Ивановича Долгорукова-Черта и потомок одного из сыновей Владимира Ивановича Долгорукова – Тимофея Владимировича. В 1630 году Дмитрий Алексеевич был взят в стольники патриархом Филаретом, затем служил царям Михаилу Федоровичу и Алексею Михайловичу. В 1651 году он получил чин окольничего, в 1654 году был послан первым воеводой в Полоцк, в 1658 году стал брянским наместником, часто выполнял дипломатические поручения. В 1665 году его дочь Дарья Дмитриевна вышла замуж за украинского гетмана И.М. Брюховецкого – немалая честь для того времени. В 1671 году Дмитрий Алексеевич стал боярином, а позднее был назначен воеводой в Архангельск, где и умер 7 ноября 1673 года.

В 1654 году у Дмитрия Алексеевича родился сын Владимир. Владимир Дмитриевич в 1676 году получил чин боярина, был псковским и казанским воеводой, руководил Разбойным приказом, с 1687 года стал ближним боярином, позже – черниговским наместником. Он был женат на Евдокии Ляпуновой и имел шесть сыновей и дочь. Умер 12 июля 1701 года.

Его сын Михаил Владимирович родился 14 ноября 1667 года. В 1685 году вместе со своим братом Василием начал службу при дворе царей Ивана и Петра в чине стольника, позднее женился на княжне Евдокии Юрьевне Одоевской. Участвовавал в Крымском походе 1689 года. 22 февраля 1711 году Петром I назначен в первый состав правительствующего Сената. В конце 1717 года при образовании коллегий М.В. Долгоруков был назначен президентом Ревизион-коллегии. Его брат Василий служил в гвардейском Преображенском полку, участвовал в Северной войне, в чине капитана отличился при осаде Митавы. В 1708 году руководил подавлением восстания Кондратия Булавина, в котором на Дону был убит его родной брат Юрий, и стал полковником Семеновского полка. В 1709 году под Полтавой командовал конницей. В 1716–1717 году он сопровождал Петра I в Голландию и Францию. В марте 1718 году за царевича Алексея был лишен всех чинов, орденов и деревень и отправлен в Соликамскую ссылку. Тогда же по подозрению в причастии к побегу наследника престола Алексея за границу был арестован и Михаил Владимирович Долгоруков и сослан в одну из своих деревень. В январе 1721 года он был возвращен в Москву. Там 1 июля 1722 года и родился его второй сын Василий Михайлович Долгоруков, будущий Крымский.

С.М. Соловьев писал об этом историческом периоде, что «при царе Алексее Михайловиче члены Шестнадцати знатных родов имели право, обойдя низшие чины, поступать прямо в бояре: Черкасские, Воротынские, Трубецкие, Голицыны, Хованские, Морозовы, Шереметевы, Одоевские, Пронские, Шеины, Салтыковы, Репнины, Прозоровские, Буйносовы. Хилковы, Урусовы. Члены пятнадцати родов поступали сначала в окольничие и потом в бояре: Куракины, Долгоруковы, Бутурлины, Ромодановские, Пожарские, Волконские, Лобановы, Стрешневы, Барятинские, Милославские, Сукины, Пушкины, Измайловы, Плещеевы, Львовы. Из старых княжеских родов в это время преимущественно выдавались два рода: Рюриковичи Долгорукие и Гедеминовичи Голицыны. Долгорукие вышли на вид только при новой династии, особенно при царе Алексее Михайловиче. При Петре эта фамилия была очень хорошо представлена: двое Долгоруких с честию занимали важнейшие дипломатические посты – Григорий Федорович и Василий Лукич; третий, Василии Владимирович, считался одним из лучших генералов; наконец, четвертый, знаменитый сенатор, энергический князь Яков Федорович Долгорукий. Чем лучше была обставлена Долгоруковская фамилия, чем более считала за собой прав, тем тягоснее для нее было сносить преобладание Меншикова. Новая царица, связанная с Меншиковым прежними отношениями, естественная его покровительница, не могла нравиться Долгоруким, и тем приверженнее были они к законному наследнику».

В 1724 году Василий Владимирович Долгоруков также был восстановлен на службе в чине бригадира и направлен в русские *войска в* Персии. В 1726 году Екатерина I, ставшая за год до этого российской императрицей, присвоила ему звание генерал-аншефа. Василий Владимирович был назначен командующим русскими войсками в Персии. В феврале 1728 года Василий Владимирович Долгоруков стал генерал-фельдмаршалом. В 1730 году он был назначен членом Верховного Тайного Совета, созданного за четыре года до этого по инициативе А.Д. Меншикова и ставшего высшим органом исполнительной власти Российской империи. Михаил Владимирович Долгоруков в 1724 году стал губернатором Сибири и пробыл им до 1728 года. В апреле 1729 года он стал действительным тайным советником и был назначен членом Верховного Тайного Совета.

19 января 1730 года умер четырнадцатилетний внук Петра I российский император Петр II. В ночь на 19 января 1730 года Верховный Тайный Совет во время совещания о престолонаследии принял решение избрать на престол дочь

старшего брата Петра I и его соправителя до своей смерти в 1696 году Иоанна V Алексеевича герцогиню Курляндскую Анну Иоанновну. Долгоруковы и Голицыны, составлявшие большинство Совета, заставили Анну подписать в столице Курляндии Митаве так называемые «Кондиции», в соответствии с которыми будущая императрица не могла «без Верховного тайного совета согласия: ни с кем войны не вчинять, миру не заключать, вотчины и деревни не жаловать, государственный доход в расход не управлять…. А буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны российской. Анна».

Анна Иоанновна приехала в Москву в феврале 1730 года и уже через месяц, воспользовавшись ненавистью основной массы дворянства к «верховникам» – аристократам, порвала кондиции и упразднила Верховный Тайный Совет, с помощью гвардии восстановив самодержавие. Началось царствование, названное русским историком В.О. Ключевским «одной из мрачных страниц нашей истории». Вместо Анны Иоанновны страной управляли Бирон, Остерман, Волынский и Левенвольде. Одним из первых дел Анны стало воссоздание организованной в 1718 году для расследования дела наследника престола Алексея Петровича, бежавшего из России в Австрию, и распущенной в 1726 году Тайной розыскных дел канцелярии, во главе которой стал генерал Андрей Иванович Ушаков.

В начале апреля 1730 года начались допросы Князей Долгоруковых – Василия Лукича, Ивана Алексеевича, Алексея и Сергея Григорьевичей и их жен. Сохранился допрос Василия Лукича Долгорукова, Произведенный 10 апреля:.

«К допросу пункты:

1. Блаженныя памяти государя императора Петра Второго завещательное письмо или проекты оному письму были ль, и кто их сочинял, и где и в какое время, и ныне у кого обретается?

2. Другие кто именно об оном письме знали, и когда об них сказывал, или сам от кого слышал?

3. О обьявленном завещательном письме Ея Императорскому Величеству как доносил, что составлял оное Шафиров, и ведали ль братья ваши – князь Алексей, князь Сергей, князь Иван и племянник князя Иван Долгорукие, княгиня Александра и князь Сергеева княгиня Марфа, в какой силе о том Ея Императорскому Величеству приносил?

4. Показать обо всем вышеписанном самую истину без всякой утайки под смертной казнью. Князь Василий Лукич Долгорукой сказал: Во время Ея Императорского Величества походу из Митавы в Москву и в Москве, между другими многими словами

упоминал ли я о каком завещательном Его Императорского Величества письме и о Шафирове и о других, того за беспамятством не помню, а когда такие слова в памяти у самой Ея Императорского Величества, и то я соврал ложь, и в том всепокорно рабски прошу у Ея Императорского Величества, чтоб по природному своему милосердию милостиво меня раба своего простить позволила. Ежели утаил или неправду сказал, в том подтверждаю себя, как в четвертом пункте написано.

Во время болезни государевой не задолго до кончины имелись ли у вас частые съезды в Головинский дом, раза по два в день, а иногда и ночью, также и в других домах? О чем в тех съездах были у вас советы, и не было ль у вас о духовной и о наследстве по ней толкований?

Князь Василий Лукич Долгорукой сказал:

Во время болезни государевой не задолго до кончины, в Головинском дому по однова и по два раза в день, а иногда и ночью, он князь Василий приезживал ко брату своему князю Алексею Григорьеву сыну Долгорукову, собою и по призыву его, и в разговорах советовали между собою: ежели Его Императорскому Величеству приключится кончина, чтобы наследницей быть Ея Величеству государыне императрице Анне Иоанновне; такожь одинажды был он князь Василий в доме князя Михайла Володимирова сына Долгорукова (отца Василия Михайловича Долгорукова-Крымского – авт.), и в том доме с ним князь Михаилом да братом его князь Васильем Долгоруковыми рассуждали – быть наследницею Ея жь Императорскому Величеству, и как в Головинском, так и в помянутом князя Михаила Долгорукова доме во время тех разговоров, кроме вышеобъявленных Долгоруких, посторонних никого не было; а в других домах съездов он ни с кем никогда и совету о наследстве не имел; а о духовной очищено выше по первым пунктам.

Подписал своеручно: Князь Василий Долгорукий. Апреля 10 дня 1730 года.»

За день до этого, 8 апреля 1730 года, Сенат получил указ Анны Иоанновны о том, что действительный тайный советник Василий Лукич Долгоруков определяется губернатором в Сибирь, князь Михаил Долгоруков – в Астрахань; тайный советник Иван Григорьевич Долгоруков – воеводою в Вологду; князю Алексею Григорьевичу со всем семейством и брату его князю Сергею велено жить в дальних деревнях. Текст Указа сохранился: «Известны мы, что в некоторых губерниях губернаторов нет: того ради повелеваем Сенату определить губернаторами тайных

действительных советников: князя Василия Долгорукова в Сибирь, князя Михаила Долгорукова в Астрахань, тайного советника князя Ивана Долгорукова воеводою в Вологду».

В мае Михаил Владимирович Долгоруков был снят с должности астраханского губернатора и отправлен жить в свою Боровскую деревню – «Указали мы князя Михаила Долгорукова от Астраханской губернии отставить и жить ему в Боровской его деревни до указу, и сказать ему указ, чтоб он в той деревне жил во всякой тихости, не переезжая никуда без указу». В ноябре 1730 года Михаил Владимирович на месяц стал губернатором Казани и 23 декабря 1731 года был сослан в Нарву. Позже, до 1739 года, он с семьей находился в ссылке в своей вотчине в Галицком уезде под Костромой – селе Бояринове.

Василий Владимирович Долгоруков ненадолго стал президентом военной коллегии, но 23 декабря 1732 года был арестован и сослан, а его должность перешла к пятидесятилетнему Бурхарду Миниху, дослужившемуся в войсках Евгения Савойского и герцога Мальборо до генерал-майора и в 1721 году при Петре I поступившему на русскую службу. Остальные Долгоруковы еще в июне 1730 года были сосланы в свои деревни или содержались, как князь Сергей Григорьевич, в Раненбурге под караулом.

Через семь лет расправа над Долгоруковыми по сфабрикованному на основании доносов делу о «государственных воровских замыслах Долгоруких» была завершена. В материалах Тайной розыскных дел канцелярии за 1741 год сохранился допрос бывшего фаворита Петра II Ивана Долгорукова:

«Сентября в 11 день 1738 года в присутствии лейб-гвардии Преображенского полку капитана поручика господина Ушакова, поручика господина Суворова содержащийся князь Иван Долгорукой привожен в застенок и у дыбы по делу о чем надлежало расспрашивай обстоятельно. А в распросе оный князь Иван, стоя у дыбы, сказал: к поношению де чести Ея Императорского Величества показанные в повинке его князь Ивановой злые и вредительные слова такие «ныне де фамилия и род наш весь пропал; все де это нынешняя ваша императрица разорила» подлинно он Долгорукой говорил с злобы от горести своей и с печали, потому что сослан он в ссылку и содержится под караулом многое время и никуды его не пускают… При кончине блаженнного и вечнодостойного памяти Его Императорского Величества Петра Второго отец его князь Алексей и дядя его князь Василий Володимеров сын, да князь Василий Лукин сын Долгорукие в Головинском доме в спальне у отца его подлинно были и о сочинении духовной советовали и

слова такие, чтобы написать в духовной, якобы Его Императорское Величество сестру его княжну Катерину учиняет по кончине своей наследницею, говорил подлинно, да при том же был дядя его родной князь Сергей Григорьев сын Долгорукий, и после оных слов дядя его князь Василий Володимиров сын Долгорукой от отца его поехал, а отец де его князь Алексей и дядя его князь Василий Лукин сын да князь Сергей Григорьев сын Долгорукие и он князь Иван остались в оной спальне, и дядя де его князь Василий Лукин сын, седчи у комля на стуле, и взял лист бумаги да чернильницу, зачал было духовную писать, и говорил оной его дядя князь Василий: «моей де руки письмо худо, кто бы де полутшее написал»; и дядя же де его князь Сергей, взяв бумагу и чернильницу и оную духовную, с совету отца его и дяди князь Василья Лукина сына написал духовную. Вместо Его Императорского Величества в то жь время при тех своих дядьях, не читав, он князь Иван подписал тако, Петр; и тое подписанную духовную он князь Иван взял к себе.

И того жь числа вышеписанный князь Иван Долгорукой подыман на дыбу и из подлинной правды пытан. А в распросе с подъему из пытки оной князь Иван Долгорукой говорил то жь, что и сперва в распросе, стоя у дыбы, и с изветчиком своим Осипом Тишиным в очной ставке, и в прочих своих расспросах и очных ставках показал, и в том утверждался.»

12 ноября 1739 года был выдан именной указ, из которого население России узнало о том, что в «Новгороде князю Ивану Алексеевичу отсечена голова после колесования, князю Василию Лукичу, князьям Сергею и Ивану Григорьевичам просто отсечены. головы, князей Василия и Михайлу Владимировичей велено держать в ссылке и, кроме церкви, никуда не пускать.» Текст этого Указа гласил: «… А князь Василий И князь Михайло Владимировы дети Долгоруковы, о показанных злодейственных воровских помянутых родственников своих намерениях и противных делах ведая, не только нам о том не доносили, но как уже и ПО следствию о том открылось, то и тогда при произвождении того следствия сперва в ответах своих об Оном именно не объявляли, но потом, когда в том изобличены, тогда сами уже и они показали о том подлинно.

Приговорено: за такие их Долгоруковых безбожные злодейственные Государственные тяжкие злоумышленные вины, публично казнить смертию: князь Ивана Алексеева сына колесовать и отсечь голову, а князь Василью Лукину сыну, князь Сергию и князь Ивану Григорьевым детям отсечь головы ж, которая казнь при народном собрании в Новгороде им и учинена.

А помянутые князь Василий и князь Михайло Володимеровы дети Долгоруковы, выше объявленным генеральным собранием за показанные ж важные их вины, хотя к смертной казни и приговорены и по винам своим той казни достойны; однако же Мы, по природному Нашему Императорскому милосердию, оных Всемилостивейше от смертной казни освободили; а указали обоих их держать в ссылках, в разных местах, под надлежащим караулом, до смерти их неисходно, и, кроме церкви Божией, никуда не пускать».

Михаил Владимирович 12 ноября 1739 года был отправлен на вечное заточение в Соловецкий монастырь, а Василий Владимирович – в Шлиссельбург. С июля 1741 года Василий Владимирович содержался в Иван-городе, а Михаил Владимирович – в Шлиссельбурге.

После воцарения Елизаветы Петровны 4 декабря 1741 года князья Василий и Михаил Владимировичи Долгоруковы, возвращенные из заточения, были восстановлены в прежних чинах, им также были возвращены имения. А. Долгорукой в книге «Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские», вышедшей в Петербурге в 1869 году, писал: «По восшествии на престол Елизаветы Петровны, Долгорукие получили свободу, но об них указа не было. Императрица потребовала от сената дело о Долгоруких, и на докладе сената написано генерал-прокурором: «Ея императорское величество Долгоруких не винила и не осуждала, а потому и прощать не может. А высочайше повелеть соизволила освободить не медля, где кто из них окажется в живых. Княжну Екатерину Алексеевну возвратить в Санкт-Петербург, а за князем Василием Владимировичем послать и возвратить ему чины и ордена, и все те имения, кои еще не розданы; но все сие учинить не печатным указом».

М.В. Долгоруков, назначенный сенатором, умер в Москве 11 ноября 1750 года, пережив на пять лет своего брата-фельдмаршала.

Интересно свидетельство представителя рода-князя Петра Владимировича Долгорукова, издавшего в 1840 году в Москве книгу «Сказания о роде князей Долгоруковых»:

«Писать должно: Долгоруков, а не Долгорукой, или еще менее Долгорукий. Из числа родов, от Рюрика происшедших, роды, приявшие свое наименование от владения городом, волостью, селом, озером, горою иди от ближней реки, должны оканчивать имя свое на – *ий*, а роды, приявшие свое наименование от личного Прозвища родоначальника своего, должны оканчивать имя свое на – *ов* или на – *ин*.

Князья Долгоруковы считают в роде своем семь бояр, пять

окольничих, восемнадцать воевод, одного генерал-фельдмаршала, двух подполковников гвардии» четырех полных генералов, четырех членов Верховного Тайного Совета, семь Андреевских кавалеров, одного кавалера Георгия I степени, одного – второй, трех президентов коллегий, одного министра юстиции, семь послов, восемь генерал-лейтенантов, десять генерал-майоров, пять генерал-адъютантов, десять действительных тайных советников, десять сенаторов.

Князь Григорий Иванович Черт служил воеводою: в Михайлове (1563 год), в Волхове (1564 год), в поиске под Дорогобужем (1565 год), в том же году посылан был на помощь Болхова против Крымцев; в 1569 году был воеводою в Новосиле; по отшествии Крымского Хана, воеводою в Серпухове (1571 год), воеводою в Кокенгаузене (1573 год); находился при осаде Пернова (1575 год); и по взятии города назначен в него третьим воеводою; потом был воеводою в войска под Калугою (1576 год), в Нарве (1577 год), в походе к Великим Лукам (1580 год); осадным воеводою в Новгороде (1581–1583 годы); городовым воеводою в Брянске и в Почепе (1585 год); в походе под Нарвою (1590 год), и послан был в Воронеж, при первом известии о набеге казацком; в 1592 году охранял от Крымцев берега Оки. В последних годах царствования Бориса Годунова находился воеводою в Тюмени. Он оставил двух сыновей: Василия и Алексея.

Князь Алексей Григорьевич, младший сын князя Григория Ивановича Черта, был воеводою в Серпухове (1606 год), отнял у мятежников, в 1607 году, город Дедилов, был воеводою в Коломне (1608 год); в Брянске (1621 год), в Свияжске (1624 год), скончался 1 июля 1646 года. Вдова его, княгиня Пелагея Петровна, дочь боярина князя Петра Ивановича Буйносова-Ростовского скончалась 21 февраля 1654 года.

Его сын, князь Дмитрий Алексеевич, брат знаменитого боярина князя Юрия Алексеевича, служил окольничим (1 апреля 1651 года); в том же году посылай был в Валуйки для размена с Крымцами; потом находился воеводою в Полоцке (1655 год), пожалован был наместником Брянским (1658 год), получил шапку боярскую (1671 год), скончался в Холмогорах, в 1674 году. Он женат был, в первом браке, на дочери боярина Ильи Даниловича Милославского; имел сына князя Владимира, и дочь княжну Дарью, в супружестве за Гетманом Малой России и Российским боярином Иваном Мартыновичем Брюховецким.

Князь Владимир Дмитриевич, старший сын боярина князя Дмитрия Алексеевича, начал службу свою при Дворе царя Алексея, стольником, пожалован (1674 год) в окольничие, а через год по воцарении Федора (1677 год) боярином. По сожжении книг разрядных, начальство над комиссиею, имевшей поручение привести в порядок и в известность все родословные списки, вверено было князю Владимиру Дмитриевичу. Во время владычества царевны Софьи, князь Владимир находился воеводою в Малороссийских городах и принимал участие в двух несчастных крымских походах князя Василия Васильевича Голицына (1687–1688 годы). Скончался 12 июля 1701 года. Он отличался беззаветною храбростию на поле ратном и благородством души своей стяжал всеобщее уважение. От супруги своей Евдокии Ляпуновой имел он пять сыновей: Юрия, Василия, Михаила, Владимира и Ивана, и дочь княжну Федосью.

Князь Михаил Владимирович, третий сын боярина князя Владимира Дмитриевича, родился в 1668 году, служил стольником, потом комнатным стольником, и при самом учреждении Сената был из числа первых восьми Русских сенаторов (22 февраля 1711 года). Замешанный, вместе с братом своим князем Василием, в дело царевича Алексея, был он арестован (20 февраля 1718 года) в Петербурге, отвезен в Москву и сослан оттуда на житье в деревню. Получив, по прошествии трех лет, позволение приехать в Москву (9 января 1721 года), он был определен губернатором в Сибирь (15 января 1724 года), присутствовал при короновании Императрицы Екатерины, и потом уже отправился в Тобольск. Ко двору он возвратился лишь при Петре II, пожалован был действительным тайным советником и членом Верховного Тайного Совета (6 апреля 1729 года). При Анне он был назначен губернатором в Астрахань (8 апреля 1730 года); сослан на житье в свою Боровскую деревню (8 мая 1730 года); определен губернатором в Казань (28 ноября 1730 года); по ссылке брата своего фельдмаршала (23 декабря 1731 года) отрешен от должности и велено ему жить в деревне, а 12 ноября 1739 года велено его отправить на пожизненное заточение в Соловецкий монастырь, и кроме церкви, никуда не пускать. Елисавета, вступив на престол, возвратила ему свободу, чин действительного тайного советника и звание сенатора. Князь Михайло Владимирович скончался в Петербурге, 21 ноября 1750 года, на восемьдесят третьем году от рождения. Супруга его княгиня Евдокия Юрьевна (родилась в 1675 году, умерла 16 апреля 1729 года), дала ему трех сыновей: Сергия, Александра и Василия, столь знаменитого в летописях отечественных под

именем Крымского, и двух дочерей: княжна Анастасия Михайловна (1700–1745 годы) и Евдокия Михайловна (1707–1749 годы).

Князь Сергей Михайлович, старший сын князя Михаила Владимировича, родился в 1695 году, служил генерал-майором, скончался 11 *сентября* 1763 года. Князь Александр Михайлович родился в 1714 году, служил бригадиром, скончался 17 декабря 1750 года, вскоре после родителя своего».

Позднее Петр Владимирович Долгоруков писал в своей следующей книге «Вокруг трона. Петр II и Анна Иоанновна», вышедшей в Петербурге в середине XIX века: «Князь Михаил Владимирович, назначенный вначале губернатором в Астрахань, затем сосланный, одновременно с семьею князя Алексея Григорьевича в одну из отдаленных своих деревень, пожалованный вскоре, по ходатайству брата фельдмаршала и назначенный губернатором в Казань – был лишен должности и вновь сослан в дальнее поместье. У него было три сына: Сергей, 36-ти лет, Александр 17-ти и Василий 9-ти лет. Сергей, генерал-майор, был отставлен от службы и сослан в деревню, Александр разжалован в солдаты, без права производства, а Василию воспрещено учиться, даже грамоте, предписано с 15-ти лет служить рядовым всю жизнь. При осаде Перекопа он отличился, и фельдмаршал Миних, свидетель его храбрости, не зная его имени, тут же произвел его в офицеры. Узнав, что это Долгоруков, который был лишен права производства, фельдмаршал воскликнул: «Миних никогда не лгал: я ему объявил, что он произведен, и он останется офицером!»

Глава 2
Капрал Василий Долгоруков
Перекоп. Офицерский чин. Очаков, Хотим. 1734–1739 годы

После окончания следствия по делу Долгоруковых в 1730 году семья Михаила Владимировича Долгорукова была сослана в свою вотчину село Бояринове, находившееся в Галицком уезде недалеко от Костромы.

Сохранилось «Архивное известие о Долгоруких», хранившееся в документах Тайной розыскных дел канцелярии за 1741 год:

"А по справке явилось:

Дочерей упомянутого ж князь Михайла:

За Львом Александровым сыном Милославским – Анна.

За Александром Романовым сыном Брюсом-Настасья.

Девки – княжна Авдотья и княжна Аграфена, Обретаются в Москве, в доме своем.

Из Московской полицмейстерской канцелярии справкой показано, что онаго князь Михайла имеются 1 Москве неотписные два двора с каменным и деревянным строением.

Да в присланном в тайную канцелярию из полицмейстерской канцелярии доношении обьявлено, что онаго ж князь Михайла в Санкт-Петербурге имеются дворы, а именно: первый на Васильевском острову в Первой линии по большому каналу, с каменным и деревянным строением, второй на Санктпетербургском острову с деревянным строением. Но Именному блаженный и вечно достойные памяти великой государыни императрицы Анны Иоанновны, за подписанием собственные Ея Императорского Величества руки, указу, сентября 23-го дня 1740 году, повелено: движимое и недвижимое имение онаго князя Михаила собственное-имение отписать на Ея Императорское Величество. Соизволила Ея Императорское Величество из высочайшего своего милосердия всемилостивейше оставить и пожаловать для пропитания детям онаго князь Михаила, которые в службе находятся, а деревень за ними не имеется, такожде и дочерям его, которые не в замужестве, то матери их имение, хотя оное по приданству за отцем их было справлению, да сверх онаго князь Михайла имения на каждого его сына и дочь по сороку душ.

У помянутого князя Михайла Долгорукова сыновей:

Князь Александр, в службе с 1729 года, с января месяца, а

мая с 22-го дня 1739 года имеется в Санкт-Петербургском драгунском полку подполковником.

Князь Сергей, в службе имелся с 1715 года, а с 1736 года был в Рижском гарнизоне премьер-майором, и 1739 года майя 2-го дня, по именному Ея Императорского Величества указу, от военной и штатской службы отставлен, и велено жить ему в подмосковной его деревне в селе Покровском безвыездно.

Князь Петр да князь Василий в 1736 году, по именному Ея Императорскому указу, для определения в службу в полки Украинского корпуса из военной коллегии отосланы к господину генерал-фельдмаршалу Миниху, а мая 17-го дня 1736 года оный генерал-фельдмаршал рапортовал, что о написании их в драгуны и о причислении в Троицкий полк к генерал-фельдцейхместеру князю Гессен-гамбургскому предложено."

Тринадцатилетний мальчик в апреле 1736 года вместе со своим братом Петром стал драгуном Троицкого полка в армии Бурхарда Миниха, которая шла завоевывать Крымский полуостров. Уже через месяц, 27 мая, капрал Долгоруков совершил свой первый подвиг при штурме Перекопской укрепленной линии, первым под турецким огнем взойдя на двадцатиметровый крепостной вал. Приказом генерал-фельдмаршала Миниха по армии войска были извещены о том, что тот из солдат, кто первым взойдет на вал, станет офицером. Миних поздравил юного драгуна прапорщиком.

Тридцатипятилетний путь к славе князя Василия Долгорукова начинался с Крыма.

1 июня 1730 года указом Анны Иоанновны, только что восстановившей самодержавие, была образована воинская комиссия, созданная по инициативе Миниха и призванная «исправить многие непорядки и помешательства, явившиеся и происходившиеся в армии после смерти Петра Великого». Менее, чем через год Сенат и императрица утвердили состав и порядок управление российской армии.

Армия состояла из пехоты, кавалерии, включавшей казачьи войска, артиллерии, инженерных, гарнизонных войск и ландмилиции. Полевая пехота по штатам военного времени включала в себя 3 гвардейских и 50 армейских полков – 75000 солдат и 2200 офицеров. Драгунские полки, включавшие в себя 10 мушкетерских и 2 гренадерские роты и составлявшие в то время единственную регулярную конницу в России, не могли успешно противостоять западной и турецкой легкой коннице, что со всей очевидностью продемонстрировал Прутский поход 1711

года. Первые 10 драгунских полков начали преобразовывать в кирасирские, однако не хватило ни денег, ни лошадей, и было Создано только 3 кирасирских полка. В 1731 году полевая кавалерия по штатам военного времени состояла из одного гвардейского, трех кирасирских и 29 драгунских полков – 21000 солдат и 1200 офицеров. Каждый пехотный полк стал иметь 4 трехфунтовых пушки – по 2 на батальон, драгунские полки получили по 2 таких же пушки, бившие на 500 шагов. Основной частью российской регулярной армии был полк, во главе которого стоял полковник, имевший в своем распоряжении штаб, состоящий из подполковника, премьер и секунд майоров и 8 полковых офицеров. Высшими тактическими соединениями армии были бригады и дивизии. Армейская артиллерия состояла из полковой, полевой, осадной и крепостной. Полевая артиллерия имела на вооружении пушки 3,6, 8 и 12 фунтов, бивших на 500–800 шагов, а также одно-и двухпудовые мортиры, бившие до полутора километров, и полупудовые гаубицы. Основным орудием осадной артиллерии были 18-ти и 24 фунтовые пушки и 5-ти и 9-ти пудовые мортиры. Прислуга с орудиями и ездовые с лошадьми подчинялись разным командирам, что снижало эффективность пушечного огня, вскоре ставшего основной ударной силой русской армии. Входившие в состав артиллерийских войск инженерные части занимались совершенствованием существующих крепостей и созданием укрепленных линий на южных границах России. К 1731 году в России было 74 штатных и 16 нештатных крепостей. По инициативе Миниха было закончено строительство Украинской линии, прикрывавшей от набегов крымских татар украинские земли между Днепром и Северным Донцом. Линия представляла собой непрерывный земляной вал, протянувшийся на 268 километров и усиленный 16 небольшими крепостями, между которыми были построены реданы, люнеты и редуты. С внутренней стороны линии были построены помещения для войск – блокгаузы. Гарнизонные войска состояли из 70000 пехотинцев и 5000 драгун. Ландмилиция, состоявшая из 27000 человек и предназначавшаяся, в основном, для внутренней службы, часто усиливала полевую армию. Украинская ландмилиция состояла из 20 конных полков.

Организации и устройству армии и флота в России всегда придавалось огромное значение. В 1700 году был образован Особый приказ, через год переименованный в приказ военных дел. Служба генерал-комиссара обеспечивала войска оружием, обмундированием и денежным довольствием. Провиантский приказ занимался снабжением войска продовольствием и

фуражом. Пушкарский приказ, в 1701 году переименованный в Приказ артиллерии, ведал артиллерийскими и инженерными делами. В 1706 году Приказ военных дел был преобразован в Ближнюю канцелярию.

В 1718 году высшее центральное управление армией и все военные дела были сосредоточены в ведении созданной Военной коллегии, подчиненной Сенату. В 1732 году президентом Военной коллегии стал Бурхард Миних, сменивший сосланного дядю Василия Долгорукова – Василия Владимировича. С 1736 года Военной коллегии подчинялись все лица и учреждения, принадлежавшие к военному ведомству. Коллегию возглавлял президент, вице-президент и два советника. При военной коллегии состояли один генерал-инспектор и 3 военных инспектора, два раза в год инспектировавшие войска, госпитали, лазареты и провиантские магазины. При коллегии находились Главная канцелярия, Особое повытье и несколько контор. Главная канцелярия занималась комплектованием, устройством, службой и инспектированием войск, выдачей патентов на чины, увольнением штаб и обер офицеров со службы, военным судом и делами казачьих войск. Особое повытье ведало делами о беглых солдатах, о приеме на службу недорослей и отставками нижних чинов – солдат. Генерал-кригс-комиссариатская контора собирала подати для военного ведомства и распределяла деньги по другим конторам. Обер-цалмейстерская выдавала денежное довольствие, Амуничная или мундирная – вещевое, Провиантская контора занималась провиантом и фуражом. Существовали Артиллерийская канцелярия, Контора фортификации и Счетная контора, ревизовавшая счета военного ведомства. Координацию между всеми конторами осуществляла еще одна – Военная контора. Впоследствии, в 1840-х годах, прошла небольшая реорганизация военного ведомства – в прямое подчинение Сената были выведены Главный комиссариат, Провиантская канцелярия и Канцелярия главной артиллерии и фортификации. Армия комплектовалась с Помощью рекрутской системы, введенной 8 ноября 1699 года царским указом «О приеме в службу в солдаты из всяких вольных людей». Солдатский состав набирался в основном из крестьянского и других податных сословий, «охочих людей» записывали без ограничений. «Начальные люди» выставляли одного пешего рекрута с 50 дворов и одного конного – со 100 дворов. Дворяне выставляли одного рекрута с 30 дворов или платили 11 рублей. Из дворян же комплектовался и офицерский корпус российской армии. Срок офицерской службы в 1730-х годах составлял 25 лет. Офицеров готовили военные школы, «Шляхетский кадетский корпус*', «Морской корпус»,

Артиллерийская и Инженерная школы. Сбор рекрутов вначале проводил Поместный приказ на так называемых станциях. После получении указа о рекрутском наборе на станциях по переписным книгам собирали и комплектовали партии рекрутов – команды численностью 500-1000 человек, приводившиеся к присяге. После этого команды переходили в подчинение Военного приказа, распределявшего их по полкам. По указу от 20 февраля 1705 года от каждой крестьянской общины в армию с каждых 20 дворов отправлялся 1 человек, срок службы которого составлял 20 лет. После принятия присяги солдаты, также как и их дети, переставали быть крепостными. С 1711 года наборы проводились по нарядам Сената.

Солдаты одевались в длинные до колен кафтаны, под которыми носился комзол и штаны чуть ниже колен. Пехота была обута в башмаки, конница – в сапоги. Верхней одеждой служила епанча – короткий плащ до колен без рукавов и пуговиц. На голове носилась шляпа с тульей, имевшая поля, с трех сторон загнутые кверху. Пехота имела на вооружении ружья с трехгранным штыком и шпаги, драгуны – ружья без штыка, два пистолета и палаш. Снаряжение пехотинца состояло из ранца, патронной или гранатной сумки и водоносной фляги, драгуны имели кожаную переметную суму, лядунку для патронов и особую перевязь с крюком для носки ружей в конном строю, надевавшаяся через плечо.

Полевое управление войск осуществлялось по уставу 1716 года. Во главе армии должен был стоять генералиссимус, но, как правило, это был или генерал-фельдмаршал или генерал-аншеф. Управление войсками в военное время осуществлялось через находившийся при армии «полевой штаб» (позднее – генеральный) во главе с генерал-квартирмейстером, при котором имелась военно-походная канцелярия. Отдельными родами войск командовали генерал-от-инфартерии, генерал-от-кавалерии и генерал-фельдцейхместер. Для обсуждения сложившейся обстановки созывался военный совет, бывший совещательным органом. Дивизии, бригады и полки своих штабов не имели, управление войсками осуществлялось через адьютантов и личные канцелярии генералов, бригадиров и полковых командиров.

По воинскому уставу 1716 года и дополнения к нему 1731 года – «Экзерциции пешей», пехотный строй мог быть развернутым, состоящим из линий колонн и каре. Стреляли залпами, по шеренгам. Строевая служба кавалерии регламентировалась «Экзерцицией конной в полку Его Императорского высочества». Конный строй обычно разворачивали в 2 или 3 шеренги, в походе полк шел в колоннах

по четыре повзводно и по-эскадронно. Обучение атаке производилось небольшим аллюром – «маленькой рысцой», что Не соответствовало реальным боевым условиям. Драгун учили стрелять из ружей и пистолетов на скаку.

В 1736 году генерал-майором В.В. Фермором по Приказу Миниха была составлена «Диспозиция боевого порядка и маневров в генеральной баталии с турками». После утверждения она была разослана в полки в виде «Генералитетского рассуждения». Фермор писал, что «Турки рассчитывают на шумную и стремительных) атаку с великим криком при большом количества войск». Против турок войска должны были выстраиваться прежним четырехшереножным развернутым строем, стрельба должна была вестись по очереди плутонгами пошереножно. Для защиты от турецкой кавалерии применялись пики с рогатками. Драгуны в пешем строю должны были действовать так же, как и пехотинцы.

После начала боевых действий основным построением войск стало каре, сначала одно большое, позднее разделявшееся на несколько поменьше, что обеспечивало маневренность войск. При штурме крепостей и укреплений войска, разделенные на несколько колонн и имея перед колоннами гренадер с гранатами, атаковали одновременно, оказывая помощь друг другу – «когда которая колонна свободный путь себе сделает сквозь те палисады, а прочие еще нет, то могут и другие колонны тем местом идти и означенный палисад порубливать и путь шире делать и надлежащее каждой колонне другой в том давать содействие». Об уровне подготовки говорит то, с 1736 года в унтер-офицеры запрещено было производить неграмотных-недостатка в кандидатах не было.

Во главе Турции после восстания 1730–1731 годов и свержения султана Ахмеда III стояла воинственная и явно враждебная России группа крупных придворных пашей-феодалов во главе с верховным визирем Али-пашой и крымским ханом Каплан Гиреем. В 1725–1735 годах татарским набегам неоднократно подвергались Полтавщина, округа Бахмута, Правобережная Украина, степное Предкавказье, донские степи. В результате этих набегов тысячи русских людей уводили в рабство, поселки и деревни разрушались. Татарские набеги почти прекратились только с созданием Украинской укрепленной линии. В 1734 году Али-паша и французский посол в Константинополе Вильнев от имени своих стран подписали секретный договор о нападении Турции на Россию в следующем году. Направляемая Францией через Вильнева Оттоманская Порта

готовилась к завоеванию украинских земель. В турецкую крепость Хотин были отправлены продовольствие, артиллерия и войска, капудан-паша с флотом был переведен в Черное море. Крымский хан Каплан Гирей получил приказ султана усилить свои Набеги на украинские земли.

10 марта 1735 года был подписан договор между Россией и Персией, по которому Россия возвращала персам Дербент, Баку и Сальян, завоеванные при Петре I. Оттоманская Порта послала войска крымского хана занять отданное Персии побережье Каспийского моря. Турецко-татарское войско прошло в Персию по российским землям. Руководители российской политики Левенвольде, Остерман и Бирон решили «по выступлении хана учинить внезапное нападение на Крым и Перекоп и, ежели возможно, овладеть полуостровом, а дело это поручить Запорожским и Украинским казакам с несколькими Ландмилицкими и полевыми полками под общим наблюдением графа Вейсбаха. Между тем, потребные к прямой войне все надлежащие приуготовления учинять». 23 июля 1735 года командующий русской армией фельдмаршал Миних получил приказ Кабинета министров открыть военные действия против Турции и Крымского ханства, для чего из Польши перейти на Украину и готовиться к походу на крымских татар. Осенью 1735 года корпус под командованием генерала Леонтьева двинулся в Крым. Время похода было выбрано неудачно – позднее начало и рано наступившая в степи зима вынудили вернуться отряд Леонтьева, за две недели дошедший только до Каменного Затона в 280 верстах от русской границы, и без боя потерявший 9000 солдат и столько же лошадей. Фельдмаршал Миних писал о плане войны:

«На 1736 год – Азов будет наш. Мы станем господами Дона, Донца, Перекопа, владений Нагайских между Доном и Днепром по Черному морю, а может быть, и самый Крым нам будет принадлежать. На 1737 год подчиняется весь Крым, Кубань, приобретается Кабарда; Императрица – владычица на Азовском море и гирл между Крымом и Кубанью. На 1738 год-Подчиняются без малейшего риска Белгородская и Буджакская орды по ту сторону Днепра, Молдавия и Валахия, который стонут под игом турок. Спасаются И греки под крылья Русского Орла. На 1739 год знамена и штандарты Ее Величества водружаются… где? в Константинополе.»

Для выполнения этого плана были сформированы семидесятитысячная Днепровская армия под командованием самого Миниха – для действий против крымского хана, и двадцатипятитысячная Донская армия под командованием

фельдмаршала Петра Петровича Ласси – для действий против Азова.

Генерал-фельдмаршал граф Ласси родился в Ирландии 30 октября 1678 года. В 1700 году он поступил на русскую службу к Петру I, участвовал во многих битвах русско-шведской войны, в 1705 году стал майором, был тяжело ранен в Полтавском сражении, в 1710 году в чине полковника в числе первых вступил в захваченную Ригу и был назначен ее комендантом, в 1711 году участвовал в Прутском походе русской армии. В 1712 году Ласси был произведен в генерал-майоры, в 1720 году – в генерал-лейтенанты, участвовал в галерном походе русских войск к берегам Швеции, позднее вместе с генерал-адмиралом Апраксиным проводил мирные переговоры, в ходе которых шведская королева Ульрика-Элеонора согласилась на все предложенные ей Петром I условия мира. В 1725 году Ласси был награжден Екатериной I орденом святого Александра Невского, стал генерал-аншефом и главнокомандующим всех русских войск, стоявших в Петербурге, Новгороде, Карелии, Ингрии и Эстляндии, в 1726 году – назначен рижским генерал-губернатором. В 1733 году во главе двадцатитысячной армии Ласси воевал в Польше. В 1734 году Франция объявила войну Австрии и в соответствии с союзным договором, заключенным в Вене 6 августа 1726 году между Австрией и Россией, по просьбе австрийского императора Карла VI, 8 июня 1735 года 20-тысячный русский корпус во главе с командующим П.П. Ласси выступил из Польши в Силезию, потом в Богемию. 15 августа у Рейна русские войска соединились с австрийской армией принца Савойского. Русский корпус в боях не участвовал, начались мирные переговоры между Францией и Австрией. Было заключено перемирие и русские войска ушли домой, к Азову. После этого похода Ласси получил звание фельдмаршала.

12 апреля 1736 года вице-канцлер Остерман направил турецкому визирю ноту, в которой говорилось о том, что несмотря на «вечный мир», заключенный между Россией и Турцией 5 ноября 1720 года в Константинополе, Оттоманская Порта вела враждебные действия против Российской империи на Кавказе, донских и украинских землях. «Сей год в самом деле и всему свету показал, сколь тщетна сия надежда Ея императорского Величества на мир была и в каком малослышанном уничтожении мир и дружба российская у Порты имеетца. Желание России найти удовлетворение за оскорбление и урон, причиненные ей Портой миронарушительными предприятиями, и установить мир на условиях, могущих гарантировать более прочным образом безопасность государства

и подданных, вынуждает Императрицу двинуть против турок свои войска».

Сразу же после этого Донская армия осадила Азов. Оттуда Миних отправился в Царичанку (нынешний Волгоград – авт.), где был назначен сбор Днепровской армии.

Крымский полуостров был отделен от освоенных российских земель «диким полем» – огромными безводными степями, поход по которым был очень труден сам по себе. Вход в Крым защищала хорошо укрепленная Перекопская крепость. За Перекопом опять начинались безводные степи.

В отличие от ранних крымских походов русское командование знало о дороге в Крым почти все. В составленной еще в 1627 году в Разрядном приказе по «государеву указу» Книге Большого чертежу, описывавшей всю территорию России и граничащих с ней стран, так говорилось о Крымском полуострове:

«Крымская Орда промеж моря Азовского и моря Черного. Море Черное обтекло с полудни и от западу, Другое Азовское море обтекло с полуночи, и к востоку, И с полудни.

А от Крымские Орды Черным морем, от Корсуни за Черное море в Турскую землю, прямо на полдни 240 верст до другого берега Черного моря.

А в море Черное пала река Сангарис; а в Сангарис реку пала река Ганус; Сангарис реки протоку 80 верст, а реки Гануса протоку 40 верст.

А от Сангарис реки 30 верст, у Черного моря, город Кае пень.

А от Каспеня 100 верст город Халкидон, стоит к берегу к Черному морю.

А от Халкидона до Костянтинополя города промеж ими прошло гирло морское из Белого в Черное море; а по старому Чертежу от Халкидона до Костянтинополя города 15 верст, а Костянтинополь город стоит к берегу Белому морю. А Крымская Орда писана в книге сей дорогою Муравским шляхом и Азовского моря реки.

А от Перекопи до царева двора, которой двор на реке на Алме, а другой двор в Бахчисарае, верст с 90; а меж тех дворов версты с 3; а в тех дворех живет крымской царь; а от моря тот двор, что на реке на Альме, верст с 10, а Бахчисарай от моря верст с 13.

А в Бахчисарае палаты царевы, и поварня, и конюшни каменные, а стоит под горою ниско.

Да от Перекопу же едучи, на праве, у моря на берегу, город Козлов каменной, а от Перекопи до Козлева верст с 50; а от Козлева до Бахчисарай верст с 40.

А от Перекопи до Бахчисарая и до Козлева, по обе стороны

дороги, деревни татарские, а воды копаные колодези, а рек нет.

А до Кафы от Бакчисарая верст с 60, а по обе стороны той дороги деревни же татарские, а воды копаныя и родники есть.

А у татар во всех деревнях пашни пашут, а сеют пшеницу, да ячмень, да полбу».

Второй базой русской армии стал лагерь на реке Белозерке, откуда Шестидесятитысячная армия Миниха, прикрываемая 15000 запорожских и украинских казаков, вышла 4 мая 1736 года и через три дня достигла Кизикермена, создав там третий опорный пункт. Оттуда армия шла уже тремя колоннами, вблизи Перекопского перешейка в связи с угрозой нападения крымских татар перестроившись в большое каре. Выдержав нападение двадцатитысячной татарской конницы в Черной долине, 17 мая русская армия подошла к Перекопу и построила здесь укрепленный лагерь.

Перекопская линия представляла собой непрерывный восьмиверстный вал, достигавший в высоту 20 метров. Перед валом был выкопан широкий пятнадцатиметровый ров, глубиной 10 метров. Вал был укреплен 6 большими башнями, имел двухтысячный турецкий янычарский гарнизон со 184 орудиями. За укреплением сосредоточилась стотысячная армия крымского хана Каплан Гирея. В центре вала находилась крепость Ор-Капу с единственными воротами на Крымский полуостров. Миних провел тщательную рекогносцировку – самым слабым оказался левый фланг вала. Военный совет русской армии принял решение – на правом фланге произвести отвлекающее нападение, а основными силами из 15 пехотных и 11 Конных полков атаковать левый. В ночь с 19 на 20 мая после отвлекающей атаки на правом фланге и мощного орудийного обстрела Ор-Капу скрытно построившаяся в три колонны русская пехота и спешившиеся драгуны пошли на штурм левого фланга Перекопских укреплений. После кровопролитного боя, захватив небольшие участки вала, русские солдаты втащили туда пушки на канатах, и, обстреляв турок, овладели всеми перекопскими башнями и укреплениями и самой крепостью Ор-Капу. Оставшиеся в живых янычары были Пленены, татарская конница отошла вглубь полуострова. Потери русских войск при штурме составили Около 200 убитых и раненых.

22 мая русская армия без боя вошла в Перекоп. В архивах сохранилось «Всеподданейшее донесение графа Миниха от мая 24 дня 1736 года о взятии Перекопа». Миних писал императрице Анне: «Взятье сего девственного места учинено без всякого кровопролития, а в приступе линии и весьма крепких каланчей только 6 человек убито, да 6 человек тяжкими и 170 легкими

раны ранено. Взятие сего Крыма, ежели Бог соизволит, может до окончания июля месяца воспоследовать и до прибытия, к препятствию того, довольной турецкой армии, с чем Ваше Императорское Величество всенижайше поздравляю.»

Устроив в Перекопе 4 базу русской армии и оставив там сильный гарнизон, Миних пошел на Гезлев-Евпаторию, выделив двенадцатитысячный отряд под руководством генерала Леонтьева для захвата Кинбурна. 4 июня русские войска без боя заняли Гезлев, захватив 16 пушек и месячный запас продовольствия для всей армии. 8 июня был взят и Кинбурн. 16 июня русская армия подошла к Бахчисараю, на подступах к которому на подготовленных позициях стоял Каплан Гирей со стотысячным войском. Ночным броском, совершив обходной маневр, русская армия зашла в тыл ханскому войску. Хан не принял боя и ушел в горы. Миних сжег Бахчисарай, а через десять дней занял Ак-Мечеть (Симферополь – авт.), почти полностью разрушив город. Татары налетали небольшими отрядами, отбивали обозы, истребляли отсталых, но серьезного сопротивления не оказывали. В это же время Донская армия Ласси взяла Азов. За время боевых действий русские войска потеряли 2000 человек, однако тяжелые местные условия, отсутствие достаточного количества воды и как следствие множество больных, хроническая нехватка продовольствия, невозможность, по тогдашним обстоятельствам вести компанию зимой, заставили Миниха вернуться домой. 6 сентября 1736 года русская армия вышла к Перекопу и отдохнув, отошла на зимние квартиры на Украину.

Очевидец и участник крымской компании, впоследствии адъютант Миниха Генрих Манштейн оставил «Современные записки о России в историческом, политическом и военнодейственном отношении», вышедшие в конце XVIII века в Москве. Вот его описание похода русской армии в Крым в 1736 году:

«6-го апреля 1736 года граф Миних, сняв осаду Л зова, двинулся со своими войсками к Царицину-городку, лежавшему на украинской линии, в двух милях от Днепра, для принятия начальства над главною армией.

В этом пункте, в день своего прибытия, 19 числа, нашел он уже несколько полков пехоты и драгун, Которыми командовал принц Гессен-Гомбурский. К 21-му числу прибыло сюда и все остальное войско, состоявшее из двенадцати полков драгун, пятнадцати-пехоты, десяти – милиции, десяти эскадронов гусар и двенадцати тысяч казаков, в том числе 5000 донцев, 3000 запорожцев и 4000 украинцев. В общей сложности составилось войско, от пятидесяти до пятидесяти четырех тысяч человек.

Генералы, присоединившиеся в этом походе к Миниху, были: принц фельдцейхмейстер Гессен-Гомбурский, генерал-лейтенанты Леонтьев и Измайлов, генерал-майоры Шпигель, князь Репнин, Магнус. Бирон, Штофельн, Гейн, Тараканов, Лесли и Аракчеев.

Всем полкам выданы были съестные припасы месяца на два: офицерам тоже приказано было запастись тем-же, по крайней мере на такой-же срок. Фельдмаршал желал взять с собою еще больший запас, тем более, что в продолжении зимы сделаны были очень значительные заготовления; но желание это не могло исполниться, по недостатку в подводах. Это Обстоятельство не остановило предположения фельдмаршала – прервать мирные сношения с Крымом и немедленно открыть военные действия. Однако, для избежания голода, генерал-майору князю Трубецкому полено было поспешить к армии с обозами тотчас как только представится возможность иметь достаточно для этого рабочего скота. Кроме того, некоторые полки, стоявшие на зимних квартирах в значительном расстоянии от границы и сборного пункта, получили приказание присоединиться к главной армии. Обозу надлежало следовать к сборному месту под прикрытием этих полков. Но князь Трубецкой, слабодушный и нерешительный, так медлил исполнением возложенного на него поручения, что Миних возвратился в Украину еще до выступления его в поход, – и возвратился потому, что съестные припасы совершенно истощились и войско, как увидим, гибло от голода. Другая более важная причина, почему Миних без достаточного количества съестных припасов, отправился в поход, заключалась в том, что он никогда еще не воевал Крым и знал его только по рассказам казаков, приезжавших сюда по делам торговым. Основываясь на этих рассказах, фельдмаршал полагал найти в плодородном Крыму все необходимое для армии, и не счел нужным запастись съестными припасами на более продолжительное время.

Приготовившись окончательно к нападению на Крым, армия разделилась на пять частей. Одною частью командовал генерал Шпигель; этот отряд состоял из трех полков драгун и одной колонны легких войск, и образовал авангард. Другою частью командовал принц Гессен-Гомбурский, третьей – генерал-лейтенант Измайлов, четвертой – генерал-лейтенант Леонтьев, а пятой частью и волонтерами – генерал-майор Тараканов. Фельдмаршал почти всегда находился при авангарде, от которого все остальные войска держались в довольно значительном расстоянии. Генерал-майор Тараканов подвигался еще медленнее: он прибыл к сборному месту лишь тогда, когда вся армия уже выступила в поход.

Войско следовало по течению Днепра. Вскоре оно достигло до Каменного затона, за порогами, что неподалеку от Сечи, главного местопребывания запорожцев. На этом месте первые четыре колонны соединились 10-го мая. Затем армия совершила еще пять переходов, не встретив на пути и следов неприятельских. Наконец 17-го мая, когда войска сделали привал у речки Дружки, неприятельская партия в 100 человек, показалась на расстоянии полумили от авангарда. Казаки тотчас сели на коней и обратили ее в бегство. На другой день гораздо значительнейшая неприятельская толпа стала приближаться к правому крылу, но вскоре обратилась назад, не вступив в дело и с казаками.

19-го мая фельдмаршал двинул на неприятеля пять отрядов по 400 человек драгун и 150 казаков в каждом. Так как местоположение было ровное, то отрядам отдан был приказ следовать в таком друг от друга расстоянии, чтобы они в случае нужду могли защищать себя взаимно. Начальство над всеми этими отрядами поручено было генерал-майору Шпигелю. Еще войско не успело сделать и двух французским миль, как встретило Ногайцев (в числе 200), которые, увидев наши войска, – обратились в бегство. Казаки немедленно стали их преследовать, настигли и несколько человек убили, а двух взяли в плен.

Вслед за тем, войско, в прежнем порядке, двинулось вперед, но не пройдя и двух миль, Шпигель должен был с поспешностию остановиться и поставить драгун в каре: 20000-нос неприятельское войско шло ему на встречу. С ожесточением и криками неприятель бросился на одну сторону каре, засыпал отряд наш множеством стрел. Однако, драгуны, презирая опасность, не упали духом и действовали своими зарядами так удачно и хорошо, что неприятель отступил, не решаясь более приближаться к каре, и держась во СТО шагов от него. Не смотря на блестящую оборону, положение русских было все-таки незавидное: неприятель нападал на них то с одной, то с другой стороны, И в ответ на ружейные выстрелы карабинер, посылал тучи стрел.

Узнав об опасном положении генерала Шпигеля, фельдмаршал с 3000 драгун и 2000 казаков, присоединившись к генералу Леонтьеву, поспешил ему на помощь. За ним последовал и полковник Девич с десятью ротами пехоты гренадер и остальною кавалерией». Видя приближение помощи, Ногайцы поспешно удалились, оставив на поле до 200 человек убитыми. Хотя Шпигель в продолжение шести часов собственными силами удерживал напор неприятельский, однакож потерял убитыми и

раненными не более 50-ти человек. В числе последних был сам Шпигель и полковник Вейсбах, оба были ранены стрелами.

Сражение это осталось не без важных последствий для обеих сторон: татары более прежнего стали опасаться русских; русские же, в свою очередь, стали питать к татарам презрение. К этому-то первому впечатлению надобно отнести тот перевес, который русские почти постоянно имели над татарами.

От пленных татар получено сведение, что хан, во главе стотысячного войска находится в двадцати французских милях от русского лагеря и что отраженные татары посланы были начальником своим, Калгой-Султаном, – наблюдать за движениями русской армии, о приближении которой ему стало известно только десять дней назад. Собравши эти сведения фельдмаршал сначала остановился со всеми своими силами на том месте, где Шпигель сражался с неприятелем, на Черной долине, а потом, 21-го мая, устроив войско в одно каре и поместив внутри его обоз, двинулся вперед. Этот боевой порядок, во все продолжение крымской компании, русские соблюдали всякий раз, когда только ожидали нападения со стороны неприятеля.

Некоторые другие татары, взятые казаками в плен, тоже подтвердили известие о том, что неприятельская армия простирается по крайней мере до 100000 человек. Равным образом от них узнали, что всем крымцам без изъятия велено было приготовиться к обороне в случае вторжения русских.

Наконец войско достигло до татарских колодцев, где и расположилось лагерем. В этой местности, на протяжении четырех миль в окружности, нигде нельзя найти источника; но в земле, не глубже одного вута, находят хорошую воду. Войско стояло здесь несколько дней. 24-го мая казаки схватили двух гонцов, следовавших из Константинополя с письмами от великого везиря к хану, из которого узнали, что этот последний лишен всякой надежды на помощь со стороны

Порты. Кроме того, в письме великий везирь сильно упрекал татар, в том, что они были главною причиной разрыва Турции с Россией. 26-го мая войско совершило еще один переход на шесть французских миль, и остановилось на берегу речки Каланчака. Во время перехода, татары с обычными криками и стремительностью нападали на каре и окружали его со всех сторон; но русские, действуя решительно и неустрашимо, вскоре заставили их искать спасения в бегстве.

После этого войско двинулось на Перекоп и 28-го мая остановилось в расстоянии пушечного выстрела от него, построило батареи и приступило к осаде крепости.

Приступив к осаде Перекопа, Миних отправил письмо к хану, в котором объяснил, что послан своею императрицею наказать татар за их частые набеги на Украйну, и что имеет повеление опустошить весь Крым, если эта страна не согласится добровольно принять русского гарнизона в Перекоп и признать над собою покровительство Русской державы. Письмо оканчивалось тем, что в силу этих только условий, могут быть начаты переговоры о мире; но что, вместе с тем, Перекоп должен сдаться русской армии на капитуляцию.

В ответ на это письмо, хан 30-го мая послал к графу Миниху татарского мурзу сказать, что его весьма удивляет, почему русские пришли опустошать его страну, тогда как ему предварительно вовсе не объявлено было о войне; что крымские татары никогда не беспокоили Россию своими набегами; что эти набеги, по всей вероятности, сделаны были одними-Ногаями; что он, хан, никаким образом не в состоянии удержать этих последних от хищничества, несмотря на долгое подчинение их его верховной власти и что, наконец, Россия, по своему усмотрению, должна ограничиться наказанием одних этих бродяг, к чему последняя действительно уже приступила в прошедшем (1735) году. Ко всему этому хан присовокупил еще то, что, находясь в тесной зависимости от константинопольского двора, без ведома и воли последнего, не можем уступить Перекоп, потому-что в нем находится турецкий гарнизон, который, вопреки его желанию, не согласится на подобную уступку. Но с тем вместе хан, однакожь, обещал в непродолжительном времени вступить в Россию в мирные переговоры, прося между-тем прекратить на время наступательные военные действия, и заключил свое письмо тем, что, в случае отказа в этом последнем его желании, он тоже не останется в бездействии и будет упорно защищаться всею землею до последней капли крови.

Убедившись на деле из всего этого ответа, что без решительно удара нельзя уничтожить и ослабить Крымского ханства, фельдмаршал, отпустив от себя мурзу, просил уведомить хана, что, по причине отвержения им предложенных условий мира, он вскоре увидит все свои земли опустошенными, а города – обращенными в пепел и груды развалин, потому-что честность татарская не подает надежды на скорое вступление в переговоры о мире.

Немедленно по удалении татарского посла, фельдмаршал отдал армии приказ – двинуться вперед в боевом порядке. В лагере не оставалось никого, кроме больных и прикрывавших обоз, человек по десяти из каждой роты. Войско, разделенное на шесть каре, двинулось к левой стороне Перекопской черты:

саперам же, в числе 2500 человек, велено было итти к правой стороне черты, дабы до рассвета сделать на нее фальшивое нападение – с целью привлечь сюда главное внимание неприятеля.

Между тем главные силы русских, еще часа за два до рассвета, незамеченные татарами, остановились в двухверстном расстоянии от черты. Татары, с наступлением дня, увидев все русское войско в боевом порядке, там где они вовсе не ожидали его, пришли в совершенное недоумение и не знали, что предпринять.

Русские войска с величайшею неустрашимостью приступили к делу; но овладеть валом было чрезвычайно трудно: этому препятствовали, как его чрезмерная ширина и глубина, так и весьма сильный неприятельский огонь. К счастию, во рву не было воды, и потому войско спустилось в него и с помощью пик и штыков, успело счастливо выбраться на противоположную сторону. Тем временем артиллерия своим огнем удерживала слабый напор неприятеля.

Увидев, что дело приняло такой серьезный оборот, татары, бросив слабоукрепленный лагерь, удалились. Поэтому все остальное войско без малейшего препятствия перешло чрез вал, который, как увидим из следующего краткого описания его, в случае натиска со стороны неприятеля, грозил-бы не малою опасностью.

Вал имел в длину около семи верст или двух французским миль, и простирался от Азовского до Черного моря. Чрез него был только один переход, по дороге в Перекоп, в самой средине черты, – переход, вдоль коего тянулось шесть башен, охраняемых орудиями. В ширину-же имел этот вал двенадцать, в глубину – семь сажень, а в высоту – семьдесят фут. Толщина брустверов была соразмерна глубине и ширине вала. Над сооружением такого вала трудилось пять тысяч человек в продолжение многих лет и татары считали его неодолимым. Впрочем в Крым можно было бы проникнуть и другим путем, – чрез рукав Азовского моря, примыкающий к черте, который, как узнали впоследствии, в летнее время до того высыхает, что в нем остается воды не более трех футов; следовательно, переход не представлял бы здесь больших затруднений. Этим-то именно путем воспользовался Граф Ласси во время двух последующих своих походов в Крым.

В названных выше башнях, тянувшихся вдоль черты, все еще держался гарнизон, состоявший из янычар. Одна из этих башен, находившаяся ближе всех других к войску, не переставала производить ружейную пальбу, при чем убито несколько рядовых.

Поэтому Миних отдал приказ принцу Гессен-Гомбургского отправить офицера под необходимым прикрытием взять эту башню приступом. Капитан гренадерского Санкт-Петербургского полка Манштейн вызвался исполнить это поручение и немедленно отправился к башне, имея под командой шестьдесят человек. Неприятель, дав этому маленькому отряду приблизиться к башне, открыл сильный огонь; но несмотря на это, отряд ворвался в нее и потребовал от янычар сдаться. Турки на это уже было согласились и положили оружие, как вдруг один из гренадер смертельно ранил штыком одного янычара. Это обстоятельство ожесточило турок: они снова взялись за оружие и стали защищаться; шесть гренадер легло на месте, а шестнадцать были ранены. В числе последних находился сам капитан. В отмщение за такой поступок, русские солдаты с ожесточением бросились на янычар, коих было 160 человек, и изрубили до одного. Янычары, оберегавшие прочие башни, поступили благоразумнее: они ушли заранее вместе с татарами. В этот день русские потеряли одного офицера и 30 нижних чинов убитыми, и 1 офицера 176 нижних чинов раненными.

По удалении неприятеля, фельдмаршал немедленно послал 1000 человек сделать некоторые пункты черты удобными для передвижения обоза, оставшегося по ту сторону вала; а генерал-майор Тараканов с своими волонтерами занял лагерь, оставленный ввечеру предыдущего дни татарско-турецкими войсками.

Вслед за тем Миних потребовал от Перекопского паши сдать город и заключить капитуляцию, но последний просил перемирия на двадцать четыре часа для надлежащего обсуждения дела, на что фельдмаршал и согласился.

По окончании перемирия, 1-го июня, паша отправил к фельдмаршалу двух офицеров – просить свободного выхода из Перекопа для турецкого гарнизона, с целью присоединиться к хану. Но, получив отказ и поняв всю шаткость своего положения, он должен был вступить в дальнейшие переговоры о мире. Переговоры эти кончились тем, что ему с гарнизоном предоставлен был свободный выход на следующих условиях: 1., достигнув ближайшей гавани, отправиться ему со своей свитой и гарнизоном прямо в Турцию и 2., дать обязательство в продолжение двух лет, со дня заключения договора, не помогать крымским татарам в войне с Россиею.

Договор этот был однако ж немедленно нарушен: едва только выступив из города, паша захвачен был в плен, со всем своим гарнизоном, состоявшим из 2554 человек. Паша изъявил громкий ропот против такого поступка, но фельдмаршал объявил ему, что

договор нарушен им на том основании, что Порта и хан поступили против смысла прежде заключенного договора, задержав у себя более двух сот русских купцов и обещал ему свободу только в случае отпущения этих последних.

По удалении турецкого гарнизона, восемьсот гренадер заняли Перекоп и, не смотря, что запасы для продовольствия войска были не обильны, Миних учредил в нем главную свою квартиру. В разных частях города найдены оставленные неприятелем шестьдесят полевых орудий. Некоторые из них имели русский герб: они находились в руках татар со второй половины XVI-го столетия, т. е. со времени не удачных походов князя Голицина в Крым. Улицы Перекопа, как и всех других мусульманских городов, были чрезвычайно узки. Город защищен был со всех сторон башнями, имевшими вид старинных укреплений. Стены этих башен были сложены из такого ломкого песчаного камня, что разрушались от первого пушечного выстрела и поэтому не могли выдержать продолжительной осады.

Начальником Перекопа назначен был полковник Девич. Белозерский полк, которым он командовал, размещен был в городе. За тем, присоединив к этому гарнизону еще шестьсот казаков, фельдмаршал обратил все внимание на охранение перекопской черты.

Четвертого июня генерал-лейтенант Леонтьев получил приказание с 10000 регулярного войска и 3000 казаков обложить со всех сторон Кинбурн, небольшой укрепленный город при истоке Днепра, близ Очакова, с намерением перерезать буджакским татарам переправу через эту реку.

В этот же день фельдмаршал собрал военный совет для обсуждения мер, необходимых к продолжению войны с татарами. Совет положил сосредоточить главные силы у Перекопа, до тех пор, покуда компания не будет окончена, а для опустошения Крыма и обессиливания врагов время от времени посылать во внутрь этой страны только незначительные отряды. Но это решение совета не согласовалось со стратегическими соображениями Миниха: ему хотелось как можно скорее проникнуть в Крым и решительным ударом уничтожить следы врагов. Поэтому он представил совету всю непрактичность его доводов, всю бесполезность от завоевания Перекопа, если не будут приняты более решительные меры к ослаблению татар. Употребление в дело небольших отрядов, – говорил он, – не только ни к чему не приведет, но даже и опасно; потому-что малая горсть не в силах надлежащим образом вторгнуться вглубь Крыма, не подвергаясь разным лишениям и неизбежным опасностям. Военачальники же, со своей стороны, представили

Миниху, что они не имеют никакой возможности пробраться в Крым, при чувствительном недостатке в продовольствии для армии; что съестные припасы могут быть достаточны еще дней на двадцать – не более, и что им поэтому необходимо ожидать до прибытия с припасами первых обозов. Фельдмаршал не согласился и отвечал на это такими словами: «находясь в земле своих врагов, армия должна стараться содержать себя на счет татар; ибо главные выгоды для России от этой компании заключаются в том, чтобы не дать этим хищникам ни одной минуты вздохнуть свободно и чтобы, по мере возможности, опустошать их землю, если нельзя будет иным образом водвориться в ней навсегда.»

Отвергнув таким образом решение своих генералов, фельдмаршал велел на другой день выступить в поход. Это обстоятельство послужило поводом к той безграничной вражде, которую отныне стали питать друг к другу Миних и принц Гессен-Гомбургский. Поступки последнего, как в этом, так и в последовавших за ним походах, заслуживают всякого порицания.

Оставив 5-го июня окресности Перекопа, фельдмаршал со всею армиею, построенною в каре, решился проникнуть во внутрь Крыма. Татарская конница, наблюдавшая за всеми движениями его, немедленно окружила его со всех сторон; но, действуя весьма нерешительно, она после нескольких пушечных выстрелов, должна была удалиться.

8-го июня татары могли-бы легко одержать совершенный перевес над русскими, если б умели воспользоваться временем; потому что армия, следуя по направлению к Евпатории (Козлова) достигла морского рукава, именуемого Балчиком, где переправа, за неимением пловучих мостов, представляла большие затруднения. Хотя казакам и удалось отыскать несколько мест, чрез которые армия могла перейти в брод, – но это влекло за собою расстройство боевого порядка, в котором должно было следовать войско, не Подвергая себя, в противном случае, опасности. Заметив крайне затруднительное положение русской армии, толпа татарских всадников (в числе двухсот человек), желая истребить ее голодом, с ожесточением Просилась на обоз, между-тем как главные силы татар, рассположенных в расстоянии одного пушечного выстрела от залива, оставались в бездействии. Русские воспользовались этим бездействием татар как нельзя лучше: счастливо перебравшись чрез залив, они по-прежнему построились в каре и ударили во врага, который частию должен был отступить с большою потерею, частию-же – проложить себе путь помощию сабель.

На другой день армия расположилась на отдых, который,

однако, был непродолжителен. Фельдмаршал в этот же день узнал, что неприятель находился в трех милях от него, и потому приказал генерал-майору Гейну вечером выступить против татар со всеми гренадерами, 1500 драгун и 2000 донских казаков. Ему велено было следовать всю ночь тихо и осторожно, дабы с рассветом мог-бы застигнуть татар врасплох.

Если-бы для исполнения этого предприятия выбран был не Гейн, а кто-либо другой, то сверх всякого ожидания, дело увенчалось бы полным успехом и большая часть неприятельской армии была бы уничтожена; но генерал Гейн, вместо того, чтобы ускорить поход, половину ночи занимался устройством и расположением своих отрядов, и после двинулся с ними также без всякой поспешности. Донские казаки были исправнее: они двинулись в поход с наступлением ночи-и на рассвете достигли до неприятельского стана, напали на спавших татар. Произошла жестокая резня. В лагере немедленно пробудилась тревога. Татары бросились на коней и, заметив, что лагерь окружен одними казаками, напали на них с такою стремительностью, что заставили их тотчас отступить с значительным уроном; одно только приближение Гейна спасло их от конечной гибели. Устрашенные татары бросились в бегство, оставив врагам свой лагерь с обильными запасами корма для скота.

С наступлением дня фельдмаршал с оставшимися при нем войсками тоже двинулся вперед. Он остановился лагерем на том же самом месте, которое было оставлено прежде неприятелем. Со стороны татар урон состоял из 300 человек, а со стороны русских-простирался до такого же числа. Разница состояла, только в том, что первые потеряли несколько предводителей своей армии.

Генерал Гейн, за неуспешное исполнение возложенного на него поручения, был предан военному суду и приговорен к лишению всех прав состояния и к оставлению его на всю жизнь простым драгуном в милиции. Поступок Гейна не заслуживал такого строгого наказания, но подобная строгость в России почти необходима; мягкостию и снисходительностию в ней ничего не сделаешь; тут никто ничего не станет предпринимать без принудительных мер. Эта строгость пустила в этой земле такие глубокие корни, что если даже отдается приказание по армии, то оно уже предварительно непременно должно сопровождаться теми угрозами наказаний, которые ожидают офицеров в случае неточного исполнения.

Хотя русские, как мы сейчас видели, мало или почти ничего не выиграли от своего нападения на татар, однако эти последние стали с той поры менее доверять своим силам. Они уже более не решались останавливаться лагерем невдалеке от лагеря русского,

и русские полки в продолжение нескольких дней наслаждались совершенным спокойствием. Наконец татары снова показались, но не в большом числе и на значительном расстоянии от русского лагеря.

После этого войско все более и более приближалось к Евпатории, и 15-го июня оно остановилось в двух французских милях от города, который в то время татарами предан был пламени.

16-го июня, по приказанию графа Миниха, гренадерские полки, в соединении с донскими и запорожскими казаками, приготовились, под начальством генерала Магнуса Бирона, напасть на Евпаторию. Но эти приготовления оказались вовсе не нужными, потому-что, вступив в город, войска наши нашли его оставленным не только неприятельскими войсками, но И жителями, а предместья обращенными в пепел. Бежавшие татары не пощадили также домов, принадлежавшим купцам-христианам. Многие из этих домов еще горели в то время, когда войска наши заняли город. Все магометанское население Евпатории удалилось в Бахчисарай, а турецкий гарнизон, сев на 30 судов, отправился в Константинополь. Во всем городе Осталось только до сорока человек армянских торговцев.

Евпатория была окружена крепкими каменными стенами и башнями. Ров, вырубленный в цельной скале, был очень широк. Гавань – довольно обширная: в ней могло стоять в безопасности от бурь до двухсот кораблей. Евпатория считалась лучшим и важнейшим торговым городом на всем крымском полуострове. В нем было до 2500 по большей части каменных домов, несколько красивых мечетей, одна христианская церковь (в предместий) и постоянно находился 3000-ный турецкий гарнизон.

Собираясь оставить город, жители возможно тщательнее старались скрыть свое имущество: одни зарывали его в землю, другие опускали его в колодцы. Но казакам и солдатам не большого труда стоило отыскивать все это по свежим следам и таким образом воспользоваться богатой добычей, состоявшею из значительного количества золота, серебра, жемчуга, а также разных шелковых материй, платья и прочего. В особенности найдено было множество медной посуды, так что всей невозможно было собрать. Из военных трофеев русским войскам достались 21 медная пушка и множество свинцу. Сарацинское пшено и пшеница оказались в таком изобилии, что этого запаса достаточно было на продовольствие в продолжение некоторого времени гораздо большей армии, чем русские войска, занявшие Евпаторию. Из этого запаса по приказанию Миниха, было роздано продовольствие войску на тридцать четыре дня, так как в это

время некоторые полки начинали терпеть недостаток в хлебе. Что-же касается пресной воды, то войска терпели в ней недостаток во все время похода от Перекопа до Евпатории. Оставляя свои деревни, татары не только выжигали подножный корм, но и портили колодцы, наполняя последние разными нечистотами. Проточная же вода в этих местах редкость: на протяжении тридцати пяти французских, миль от Перекопа до Евпатории есть всего три речки. Хотя кое-где вытекают ручейки из соляных озер, но вода в них к употреблению не годна. Поэтому не трудно понять, как были утомлены войска переходом по такой местности, а это утомление имело последствием разные болезни. Особенно вредное влияние на состояние здоровья солдат имело то, что они, вместо кислого ржаного, принуждены были питаться пресным пшеничным хлебом, к которому не привыкли. Пшеницу мололи на ручных мельницах, которые удавалось находить в опустевших деревнях, чрез которые проходили войска. Казакам досталось в добычу 10000 овец и несколько сот голов рогатого скота. Солдаты чрезвычайно обрадовались этому случаю; потому что они в продолжении четырнадцати дней не пользовались уже мясною порцией.

18-го июня генерал-майор Ласси прибыл к войску из Украины с обозом, следовавшим под прикрытием двух тысяч человек. На пути многочисленные толпы татар делали на него нападение; но он так искусно отбивался взятыми из Перекопа двумя полевыми орудиями, что неприятель, после четырехчасового преследования принужден был отступить с уроном. Толпы татар приближались к самым рогаткам, внутри которых прикрываемый отрядом, находился обоз; но мужество Ласси, которому удалось самому заколоть одного из смельчаков шпагою, преодолело все опасности.

Пять дней, расположившись лагерем, войско простояло под стенами Евпатории. Время это употреблено было на отдых и заготовление в достаточном количестве свежего хлеба. 21 июня выступили в поход по направлению к Бахчисараю. На этот раз пришлось Следовать по самой счастливой местности. Нигде еще, с самого вступления в Крым, войска не встречали столь богатых и роскошных пастбищ, такого обилия воды, как в пространстве между Евпаториею и Бахчисараем. Причиною сохранения на этом пространстве трав было то, что татары вовсе не предполагали, чтобы русские войска могли двинуться по этому пути, тем более, что фельдмаршал распустил слухи, будто намерен возвратиться в Перекоп. Поверив этим слухам, татары опустошили только те земли, по которым по их соображениям, должна была следовать русская армия.

22-го фельдмаршал послал отборный отряд, составленный из двух полков драгун, четырех пехоты и небольшого числа казаков – вытеснить неприятеля, засевшего в некоторых деревнях, находившихся на левой стороне от центра главных наших сил. Начальство над этим отрядом поручено было генерал-лейтенанту Измайлову и генерал-майору Лесли. Отряду пришлось иметь дело с неприятелем; но сначала без всякого для нас успеха. Татары, сверх ожидания, оказали большую стойкость; но не долго и, уступив храбрости наших войск, искали спасения в бегстве, бросив селения, в которых победители нашли много скота, который и был роздан всему войску. Потеря русских в этом деле заключалась в убитых: 1 офицер, 2 нижних чина и 2 казака и раненых 1 штаб-офицер и 20 нижних чинов.

В тот же день от пленных татар получено известие, что хан ожидает подкрепления от Капудан паши (турецкого адмирала) в числе шести или семи тысяч турецкого войска, и что это последнее уже прибыло в Кафу (Феодосию), на судах, прибывших из под Азова, взятого русскими.

27-го армия прибыла к тесным проходам, прикрывавшим окрестные Бахчисарайские равнины. Неприятель расположился насупротив весьма выгодным образом на возвышенностях. Поелику дорога, к Бахчисараю ведущая, крайне была затруднительна, шествие же войск надлежало скрыть от неприятеля, то фельдмаршал и решился пробраться с сему городу с одним лишь отборным войском своим. Тотчас по пробитии зори выступил он в поход, который совершаем был с таким порядком и поспешностию, что неприятельский стан был обойден, не будучи не мало от татар замечен; и они не мало изумились, увидев на рассвете россиян у самого Бахчисарая. Большой отряд татар, смешавшись с янычарами, двинулся вперед и напал с великим ожесточением на донских казаков и Владимирский пехотный полк, неподалеку от них стоящий. Неприятельское нападение было учинено с такою стремительностью, что они сломили казаков и взяли пушку у сказанного пехотного полку. Но фельдмаршал послал на подкрепление их генерал-майора Лесли с пятью пешими полками и несколькими полевыми пушками, против которых татары не могли долго устоять, обратились в бегство и покинули взятую ими пушку.

По отступлении неприятеля граф Миних отрядил четвертую часть армии для разграбления города, в то время, как все прочие стояли под ружьем. Все жители побросали свои домы и скрылись с лучшими своими пожитками в горах, несмотря на то однакож русские приобрели знатную добычу.

Ханский дворец, из многих красивых и огромных зданий

составленный, точно как и весь город, обращены были в пепел.

Июня 29-го армия выступила из окрестностей Бахчисарайских и расположилась на берегу реки Алмазы лагерем, куда и обоз пристал.

3 июля фельдмаршал отправил генерал-поручика Измайлова и генерал-майора Бирона с восемью тысячами казаков и десятью пушками для осаждения города Ах мечетя или Султан-Сарая, столицы калги-султана и знатнейшего татарского дворянства (мурз). Русские нашли город совершенно пустой, ибо жители за два дни перед тем все оттуда выбрались: найденный там провиант перевез в лагерь, город же, состоящий из тысячи восьми сот домов, большею частью деревянных выжжен весь без остатка. Неприятель атаковал сей отряд на возвратном его пути, но и в этот раз победа была на стороне русских, у коих было убитых Четыре человека рядовых и шесть казаков, да несколько раненых.

С самого того дня армии не случалось уже видеть неприятеля иначе, как в некотором отдалении, и ТО на небольшие партии разделенного.

…Треть армии состояла из больных, а большая часть солдат до того были слабы, что едва могли передвигать ноги свои. Почему и положено было возвратиться в Перекоп, чтобы доставить войскам отдохновение.

17-го июля армия расположилась лагерем близ Перекопа.

Фельдмаршал Миних простоял лагерем у Перекопа до 28 августа и в продолжение сего времени сделал разные распоряжения для продовольствования войск и для облегчения возвратного их в Россию похода.

Турецкий в Перекопе гарнизон, следовавший всюду за армией, был отправлен с надежным конвоем в Украину, поелику хан не соглашался освободить содержимых им в неволе российских купцов.

Фельдмаршал вследствие учиненного им Ея императорскому Величеству представления о невозможности удержаться в Крыму, получил именное повеление возвратиться с войском своим в Украину.

28-го августа по утру российская армия выступила из Крыму двумя колоннами. Войска проходили спокойно от самого выступления их из Крыма до 27-го сентября, в которое время пришли они к реке Самаре, и неприятель нимало не отваживался учинить на них нападение.»

Целью компании 1737 года Миних поставил завоевание Крыма, рассчитывая достигнуть этого или покорением городов Крымского ханства или полным разорением полуострова.

Необходимо было взять турецкую крепость в устье Днепра – Очаков, обеспечивающий его обладателю практически полное господство над Крымским полуостровом. В начале мая 1737 года семидесятитысячная армия Миниха перешла Днепр. В поход шли 32 пехотных полка, 29 драгунских полков, конногвардейцы, кирасиры и 18000 казаков, 3000 артиллеристов сопровождали полевую и осадную артиллерию. Штатный обоз полка русской армии состоял из сотни повозок и более двухсот лошадей. Дополнительно с обозом обычно шло еще около 200 повозок. Обоз передвигался очень медленно. За месяц похода на Очаков обоз прошел немногим более двухсот вёрст. Только 10 июля русская армия подошла к крепости, защищаемой двадцатитысячным гарнизоном. 12 июля начался штурм Очакова. Русским артиллеристам удалось взорвать пороховые погреба крепости, при взрыве погибло несколько тысяч турок. Полуразрушенная крепость сдалась русской армии. Оставив в Очакове гарнизон, Миних пошел к Бендерам, однако освободить Бессарабию в этом году не удалось. Недостаток продовольствия, воды, травы для лошадей и скота, болезни, от которых умерло 16000 солдат, заставили русскую армию в конце августа 1737 года вернуться на Украину.

Этим же летом сорокатысячный русский корпус П.П. Ласси, состоявший из 20 пехотных и 14 конных полков, совершил второй поход на Крымский полуостров. Ему помогала эскадра контр-адмирала Бредаля, построенная на Десне на брянских верфях. Русские войска от реки Берды прошли по берегу Азовского моря к Молочным Водам и 14 июня 1737 года расположились там лагерем. 18 июня через понтонный мост корпус Ласси через Сиваш вошел в Крым по Арабатской косе. Ханские войска, прикрывавшие Перекоп, двинулись к Арабату, но русский корпус на плотах из пустых бочек, бревен и рогаток успел переправиться через лиман. Произошел ряд сражений с войсками крымского хана, в результате которых Крымские татары отступили к Карасубазару. Большое сражение произошло в 26 верстах от Карасубазара, ханское войско было отброшено к городу, у которого произошел последний бой русских войск с пятнадцатитысячной ордой крымского хана. Русские войска с боем взяли Карасубазар, разграбили его и сожгли. Также было сожжено около тысячи татарских селении, взято 30000 быков и 100000 баранов. Однако отсутствие баз в Крыму, плохое снабжение и непривычные местные условия заставили Ласси отказаться от похода на Кафу и осуществить закрепление Крымского полуострова за Россией. 15 июля русские войска вновь ушли из Крыма.

В августе 1737 года по инициативе турок и крымских татар в городке Немирове собрался конгресс представителей Турции, Австрии и России. Договориться не удалось, и в октябре 1737 года сорокатысячное турецко-татарское войско под руководством бендерского паши попыталось отбить Очаков. Четырехтысячный русский гарнизон успешно оборонялся две недели и турки ушли домой. Большую помощь русскому гарнизону оказывала достроенная в Брянске знаменитым адмиралом Наумом Акимовичем Сенявиным Днепровская флотилия. Практически за одно лето 1737 года контр-адмиралом Дмитриевым-Мамоновым, а потом Н.А. Сенявиным на брянских верфях было организовано строительство 70 плашкоутов – несамоходных грузовых судов, 400 дубель-шлюпок – одномачтовых гребных судов, вооруженных пушками, много прамов – плоскодонных парусных судов с пушками большого калибра, галер и кончебасов – гребных судов, применявшихся для действий на мелководье и в реках. Адмиралу Сенявину помогал его сын мичман Алексей, будущий постоянный соратник прапорщика Долгорукова.

13 января 1738 года императрица Анна Иоанновна утвердила план будущей кампании, составленный Минихом. Главная стотысячная армия Миниха должна была вторгнуться за Днестр и разгромить турок в Молдавии, Донская армия опять шла на Крымский полуостров.

Летом 1738 года тридцатитысячный русский корпус под командованием Ласси вошел на Крымский полуостров во время отлива по дну почти высыхающего летом Азовского моря, обманув крымского хана, ждавшего русских с сорокатысячным войском у Перекопа. Обойденная Перекопская крепость *с* двухтысячным янычарским гарнизоном и 100 пушками сдалась 26 июня 1738 года. Ласси прошел по всему Крыму, который оказался почти пустым. В разоренном Крыму солдат было нечем кормить и русские, взорвав перекопские укрепления, в октябре вернулись на Украину. Местные крымские условия из за жары, эпидемий и безводия обеспечивали выход из строя большего количества солдат, чем при сражениях. Помимо сухарей и каш солдатам давали сбитень, уксус, чеснок и хрен, что немного облегчало походную жизнь, но не спасало от болезней. За крымские походы Ласси стал графом.

Перейдя 4 июля через Буг, стотысячная русская армия Миниха 7 августа подошла к Днестру, за которым стояла турецкая армия. Боя не было, противники не пошли на обострение. В это время началась эпидемия чумы, и в сентябре 1738 года русские войска ушли из Кинбурна и Очакова к Киеву. Крепости были взорваны и разорены, однако в эту компанию

русские войска потеряли то, что было завоевано в 1737 году.

25 мая 1739 года девяностотысячная русская армия со 174 орудиями и с Минихом во главе собралась в Василькове, у польской границы, и через Черновцы пошла по направлении к Хотину. Впереди армии, разделенной на 4 дивизии, шли авангарды, охраняемые разъездами. С боями 22 июня русская армия прошла к Бугу, переправилась через него и 18 июля подошла к Днестру, за которым стояла стотысячная турецко-татарская армия Вели-паши. Часть армии переправилась через Днестр у деревни Синьковицы и, выдержав ожесточенный бой, позволила оставшемуся корпусу Румянцева переправиться через реку. Вели-паша имел 100000 солдат и 70 орудий, русских же было около 40000 и 8000 казаков с 250 пушками. На военном совете было принято решение идти к Хотину, до которого оставалось 50 верст. Чтобы обмануть турок Миних разделил армию – корпус Румянцева двигался к Хотину по дороге, а Миних обошел горы по так называемым «перекопским узинам» и 9 августа вышел к Хотину с юга. Турки не мешали русским, надеясь окружить и уничтожить. 16 августа 50000 русских со 150 Пушками встретила на равнине под Хотином девяностотысячная турецкая армия. Татарская конница зашла в тыл русской армии.

Миних решил пробиваться к Хотину. Утром 17 августа 1739 года девятитысячный отряд Густава Бирона начал ложную атаку правого турецкого фланга, собрав против себя почти все турецкое войско. В полдень русская армия, построенная в три каре, двинулась вперед на ослабленный турецкий фронт. Несколько атак янычар было отбито орудийным и ружейным огнем, решившим исход боя. В пять часов вечера у деревни Ставучаны конница и янычарская пехота, произведя мощную атаку русских каре, была так разбита картечным огнем, что турки бросили свой лагерь и ушли к Бендерам, увлекая за собой и почти весь гарнизон Хотина. Татарская конница ушла в Буджак. Через два часа русская армия заняла турецкий лагерь, захватив 50 пушек и весь обоз. Турецкая конница под командованием Гендж-Али-паши попыталась сбить русских, но опять была рассеяна и отброшена. Потери русских составили 13 убитых и 54 раненых, турки только убитыми потеряли более 1000 человек. Сохранилась «Всеподданейшая реляция графа Миниха о Ставучанском бое»:

«В седьмом часу пополудни на гору взошли и в неприятельский лагерь вступили, где оставшего от неприятеля 19 медных пушек, 4 мортиры, несколько знамен, бессчисленное множество бомб, Картечь, ядер и особливо шанцевых инструментов, до 1000 палаток, немалое число всякого запасу и фуражу, который весьма нужен, в знак совершенной виктории

получено, а оной в наивящей конфузии будучи посрамлен, со стыдом оставя свой лагерь, ретироваться принужден.

Всемогущий Господь, который милостию Своею нам предводителем был, всевышнею Своею десницею защищая, что мы чрез неприятельский беспрерывный огонь и в такой сильной баталии убитых и раненых менее 100 человек имеем.»

Адьютант Миниха Генрих Манштейн писал о Ставучанском бое и взятии Хотина:

«28 августа весьма рано по утру вся Российская армия принялась за оружие. Фельдмаршал притворясь будто хочет напасть на окопавшийся неприятельский лагерь, приказал Генерал-поручикам Левендалю и Густаву Бирону, взяв три баталиона гвардии, три полка армейских, два драгунских, четыреста человек сторожевых, и несколько легкого войска, да тридцать пушек и четыре мортиры, подойти к правому их крылу на половину пушечного выстрела. С обеих сторон происходила перестрелка и бомбардирование, но почти без всякой удачи, особливо со стороны Турков, которые до полудня потерявши более ста выстрелов, убили у россиян одну только лошадь.

Фельдмаршал сделал сие движение только для того, чтобы привлечь все внимание неприятеля на сию сторону, и воспрепятствовать ему привести в лучшее оборонительное состояние линии левого крыла, едва им лишь начатые. Сия хитрость имела желаемый успех, потому что он поставил на правом своем крыле две новые батареи, и начал строить новую линию. В продолжении сего времени Фельдмаршал делил прилежные наблюдения над неприятельским лагерем, и нашел, что малый источник Шуланец, текущий влеве у неприятеля, не вовсе неудобен был для переходу, хотя его почитали неприступным по причине топких его берегов, и что употребя хворост, коего запасено было довольное количество, можно было удобно перейти болото и мелкий источник. Таким образом нетрудно было обойти и лагерь неприятелей, Которые вовсе не думая, чтобы можно было напасть на них с сей стороны, оставили ее совершенно неукрепленною.

Фельдмаршал в полдень дал приказание армии выступить левым крылом, а отделению Левендаля и Бирона стать в боевой порядок. Тотчас навели множество мостов на Шуланец. Болото завалили хворостом, покрыли толстыми дубовыми досками, и войско переправилось под прикрытием ужасного огня артиллерии без всякого сопротивления со стороны неприятелей. В два часа по полудни Россияне уже были при подошве горы, на вершине коей стоял Турецкий лагерь.

Тогда конница устремилась против них со всех сторон, но

принуждена была везде уступать сопротивлению, не получив ни малейшей выгоды. Между тем русские подвигались все вперед, и отчасу более приближались к Турецкому стану. В пять часов вечера неприятель снова сделал нападение с чрезвычайной запальчивостью. Янычары с саблею в руках с неустрашимостью бросались на гренадеров и пехоту. Артиллеристы и мушкатеры производили по них столь сильный огонь, что, хотя они проникали до рогаток, ничего не могли однакожь сделать важного; оказавши невероятные усилия чтоб пробиться сквозь них, они наконец принуждены были отступить в беспорядке. Турки, намереваясь еще защищать свой лагерь, перевели пушки на правое крыло, но Россияне будучи всегда под закрытием сильного огня артиллерии, без остановки подавались вперед. Вскоре после сего Турки зажгли свой лагерь и обратились в бегство с такою поспешностью, что в семь часов вечера, когда Россияне взошли на высоты и вступили в их стан, не было в оном ни одного человека. Легкие войска, отправленные для преследования беглецов, едва могли догнать весьма не многих, которые и были побиты. Турки оставили в лагере и на дороге сорок два медных орудия и шесть мортир; в их стане еще найдено более тысячи разбитых палаток, да сверх того множество багажу, муниции и разных припасов. Потеря неприятеля долженствовала быть велика, поелику на месте сражения положено было их более тысячи человек; со стороны же Россиян убитыми и ранеными простиралось не свыше семидесяти человек. Победа столь славная никогда не была выиграна с таким малым уроном. Сие сражение происходило близ малой деревни Ставучаны, лежащей в праве от армии.

Фельдмаршал, чтоб воспользоваться победою, на другой день пошел к Хотину с тридцатьютысячным корпусом и осадною артиллерией. Паша, правитель Хотина, потребовал честной капитуляции. 31 августа турецкий гарнизон, состоящий из 763 человек, вышед из крепости, положил оружие и знамена; и в тоже время на место его вступил Российский. Хотин есть один из крепчайших турецких городов. Все крепостные строения находятся там в лучшем состоянии и частию высечены из камня. В крепости найдено 157 медных пушек и 22 мортиры металлических; в магазинах же бесчисленное множество муниции и съестных припасов».

19 августа русская армия подошла к Хотину, который с остатком гарнизона сдался без боя. Русские войска вступили в Молдавию, которая перешла в российское подданство с сохранением внутренней самостоятельности. Через две недели Миних занял Яссы и пошел к Дунаю, за который поспешно

уходили турецкие войска. Русская армия готовилась вступить на территорию Турции. 24 сентября войска были остановлены – Миних получил приказ прекратить военные действия. Через месяц по получении нового приказа Миних вернул армию на Украину.

В сентябре 1739 года в Белграде Турция и Росссия, где Российскую империю представлял французский посол в Константинополе Вильнев, заключила мир, по которому приобрела только свой же Азов. Молдавия осталась у Турции. Черное море также оставалось закрытым для русских военных и торговых кораблей. Русский историк В.О. Ключевский писал: «Россия не раз заключала тяжелые мирные договоры, но такого постыдно смешного договора, как Белградский 1739 года ей заключать не довелось и авось не доведется».

Фельдмаршал Б.Х. Миних оставил интересные записки, напечатанные в Санкт-Петербурге в 1874 году. Он писал:

«В 1736 году, 12 марта, я отправился в крепость святой Анны и послал оттуда лазутчиков, разведать об азовских каланчах; 16-го я с небольшим отрядом Иг ноты и донских казаков переправился через Дон и с этой горстью людей обложил Азов. Внезапно, не потеряв ни одного человека, я овладел каланчами, которые преграждали подступ к крепости со стороны Дона. Изумленные янычары оставили эту крепость без кровопролития, вследствие чего Азов был окружен со всех сторон.

По возвращении генерала Ласси с Рейна, где он командовал русским вспомогательным корпусом, я предоставил ему дальнейшее ведение осады, но так как при нем не было хороших инженеров, то он взял Азов лишь после больших усилий, при чем этот храбрый генерал был ранен в ногу.

Сам я с частью армии пошел в Крым. Известно, с каким счастливым успехом окончил я не только эту экспедицию, но и всю войну. Во время этой войны я далеко проникал в турецкие владения, а каждую зиму проводил в Петербурге. Война кончилась изумительной битвой при Ставучанах, взятием Хотина и покорением Молдавии.

Несчастный белградский мир, заключенный австрийцами, внезапно остановил быстрые успехи русских войск, предводительствуемых фельдмаршалом, графом Ласси и мною.

Со времени этой войны, турки и татары стали уважать русское войско и хорошо обходиться с русскими пленными, которых, однакож, у них было очень мало. Татары говорили, «что теперь русские стали уже не те; что в прежнее время десять татар обращали в бегство сто русских, а теперь сто татар отступают при виде десяти русских».

Турки сознавались, что не могли выдержать атаки и огня русских войск, ни в поле, ни в крепостях, что, они (турки) боятся и уважают русских».

Все, что нам известно о Василии Долгоруком за этот период, это то, что за штурм Перекопа он стал офицером, участвовал в осаде Очакова, Ставучанской битве и взятии Хотина, тогда же погиб и его родной брат Петр. Семнадцатилетний прапорщик участвовал в первом бою и при первом поражении турецкой армии в открытом поле при Ставучанах, достигнутом благодаря тактическим передвижениям и мощному артиллерийско-ружейному огню русской армии. Впоследствии армия генерала Долгорукова завоюет Крымский полуостров менее, чем за месяц, при российско-крымскотатарских дипломатических переговорах князь не допустит ни одной ошибки, и Екатерина II поручит ему подписать мирный договор с Крымским ханством от имени Российской империи.

Глава 3
Русско-шведская война. Женитьба
От поручика до генерала. 1740–1755 годы

17 октября 1740 года умерла императрица Анна Иоанновна. За две недели до этого она подписала манифест о назначении своим преемником Иоанна Антоновича, двухмесячного правнука Ивана V Алексеевича, брата Петра I. Регентом до семнадцатилетия Иоанна VI был назначен герцог Курлянский Бирон. Дочь Петра I Елизавета при воцарении новой Брауншвейгской династии была лишена права на престол. Бирон, имевший практически неограниченную власть в течение десяти лет, быстро возбудил недовольство матери младенца Иоанна Анны Леопольдовны, дочери герцога Мекленбург-Шверинекого Карла Леопольда и Екатерины, дочери Иоанна V Алексеевича. 9 ноября 1740 года Бирон после двадцатидвухдневного правления был арестован Минихом. Временщика и его двух братьев Густава и Карла, герцога Бисмарка, А.П. Бестужева-Рюмина сослали на север. Правительницей России до совершеннолетия своего сына стала Анна Леопольдовна, присвоив себе титулы великой княгини и императорского высочества. Ни она, ни ее муж, принц Брауншвейг-Беверн-Люненбургский Антон Ульрих, не занимались государственными делами. Власть в Империи принадлежала Кабинету министров, в котором, по прежнему, было только двое русских – А.М. Черкасский и М.Г. Головин. Первым министром стал Миних, но интригами вице-канцлера А. Остермана 3 марта 1741 года Анна Леопольдовна уволила его в отставку.

В ночь с 24 на 25 ноября 1741 года Елизавета Петровна во главе гвардейцев Преображенского полка арестовала Анну Леопольдовну в спальне Зимнего дворца. Арестованные вместе с ней в своих петербургских домах Остерман, Миних, Левенвольд и Головкин были сосланы в Сибирь, бывшая правительница – в Холмогоры. На рассвете 25 ноября 1741 года дочь царя Петра I Елизавета стала российской императрицей: «Темный» период российской истории XVIII века закончился.

Императрица Елизавета Петровна

Императрица Елизавета Петровна

В начале своего правления Елизавета вернула из ссылок русских вельмож, пострадавших во время правления Анны Иоанновны. Среди них были и оставшиеся в живых князья

Долгоруковы. Прапорщик Василий Долгоруков при воцарении Елизаветы Петровны получил давно заслуженный им чин поручика. Родной дядя Василия, боевой фельдмаршал и герой почти всех войн первой трети XVIII века Василий Владимирович Долгоруков в декабре 1741 года был назначен Президентом Военной коллегии.

В июле 1741 года, за четыре месяца до воцарения Елизаветы, получившая дипломатическую и финансовую помощь Франции и Пруссии Швеция, воспользовавшись смертью Анны Иоанновны, свержением Бирона и Миниха, посчитала возможным взять реванш за Северную войну 1700–1721 годов и вернуть себе земли Восточной Прибалтики. Генрих Манштейн Писал: «Швеция была также весьма недовольна Петербургским двором. Она давно уже ожидала только благоприятного случая напасть на Россию. В Швеции было тогда две партии. Одна называлась партией шапок, состоящая из Дворянства, армейских офицеров и некоторых сенаторов, и она хотела войны; другая, под названием колпаков, имея начальником короля, состояла из пожилых людей, и таких, которые знали силу России, и сии последние настоятельно требовали Продолжения мира. Партия шапок с гордостью говорила: На одного Шведа надобно десять Россиян, нашей армии, чтоб быть победоносной, стоит только показаться. И так война была обьявлена в Штокгольме 1 августа 1741 года.»

24 июля 1741 года Швеция объявила войну России. В шведском манифесте были названы причины войны – убийство в Силезии возвращавшегося из Турции с секретными документами о шведско-турецком союзном и военно-наступательном договоре шведского дипкурьера майора Синклера, приписанного русским, отказ России от поставок зерна в Швецию, «устранение царевны Елизаветы от русского престола» и освобождение России от засилья иностранцев. «Освобождать» Россию Швеция собиралась для начала захватив Петербург и весь русский север до Архангельска. Шведские войска вступили в Финляндию. У шведов не было главнокомандующего, все решения голосованием принимал военный совет полковых командиров, при разногласиях запрашивавший Стокгольм.

Манифест о войне со Швецией был объявлен в России 12 августа 1741 года. После быстрой мобилизации российскими войсками были прикрыты все возможные направления нападения шведов – 7000 солдат находились в Петербурге, 9000 – в Кронштадте, 35000 – под Выборгом и 25000 – в Прибалтике. Балтийский флот в составе 14 линейных кораблей, 3 фрегатов и

10 вспомогательных судов прикрывал северную столицу Российской империи с моря.

В середине августа 5000 шведских и финских) войск под командованием генерал-лейтенанта Будденброка сосредоточились у Фридрихсгамма, 3000 солдат генерал-майора Врангеля – у Вильманстранда. 21 августа 25-тысячный русский корпус под командованием героя крымских походов фельдмаршала П.П. Ласси скорым маршем из Выборга подошел к Вильманстранду. В корпусе шел на свою очередную войну девятнадцатилетний поручик Василий Долгоруков. 23 августа армия Ласси, атаковав шведов у крепости, вынудила их отступить в Вильманстранд. На плечах отступавших шведов русские войска ворвались внутрь. Крепость была сожжена, около 3000 шведов убито и 2300 взято в плен. Русские войска потеряли убитыми 525 и ранеными 1837 воинов. После взятия Вильманстрандта Лассер и пошел вперед. Шведская армия, увеличенная до 17000 человек, отступала во главе со своим новым командующим К. Левенгауптом. После воцарения Елизаветы было объявлено перемирие и боевые действия затухли. Русские войска ушли на зимние квартиры к Выборгу, шведы – к Фридрихсгамму. Во время начавшихся мирных переговоров шведы захотели пересмотреть Ништадский мир, 28 февраля 1742 года переговоры были свернуты и русская армия получила приказ «Начать воинские действия противу неприятеля, дабы оными неприятель к прямому желаемого мира склонению принужден быть мог.» 7 июня началось наступление из Выборга на Фридрихсгамм 36-тысячного русского корпуса. Армия Ласси шла вдоль берега Финского залива, прикрываемая и снабжаемая балтийским флотом – эскадрой адмирала Мишукова. 13 июня Ласси стало «известно о сосредоточении 19 пехотных и 7 конных шведских и финских полков на хорошо подготовленной и укрепленной позиции у Мендолакса. Первый бой произошел 20 июня у реки Вираоки. За этот бой князь Василий Долгоруков получил чин секунд-майора. Отбросив шведов, оставив обозы и взяв продовольствия и бояприпасов на 10 дней, армия Ласси пошла вперед по труднопроходимой местности и 25 июня подошла к Мендолаксу. Шведскую позицию с фронта взять было очень трудно, с флангов к шведской позиции вела только одна узкая дорога. Русские войска пошли в атаку и отбросили шведов к Фридрихсгамму, без боя овладев городом. В течение 1742 года шведские войска в Финляндии постепенно, отступали, оставляя свои крепости. 29 июня русские взяли Фридрихсгам, 30 июня Борго, 7 августа Нейшлот, 16 августа Таваст. 24 августа 1742 года воиска Ласси, подойдя к Гельсингфорсу-Хельсинки по лесной дороге,

построенной еще солдатами Петра I во время Северной войны, зашли в тыл шведской армии и отрезали их от Або-Турку. Шведская армия стала снабжаться только морем. Началась эпидемия и шведский флот ушел из Гельсингфорса в Карлскрону. Эскадра адмирала Мишукова заперла шведов с моря. 24 августа 17-тысячная шведская армия капитулировала, I сентябре сдался и Гельсингфорс – столица княжества Финляндского. Русским войскам досталась вся артиллерия – 90 орудий, десять финских полков были расформированы и распущены по домам, а шведские войска с паспортами, выданными Ласси, морем на галерах возвратились в Швецию. К ноябрю 1742 года русские войска заняли всю Финляндию, и шведы были вынуждены пойти на мирные переговоры, которые, однако, не принесли результатов. По планам русского командования военные действия в 1743 году должны были вестись на шведских берегах. В начале года боевых действий практически не было, шведский флот также уходил от боя. «Остаток компании походил больше на потухающую ссору, и Россияне во всех стычках имели верх над Шведами.» В начале июня русская армия на галерах прибыла к Гельсингфорсу. После нескольких вялых стычек 16 июня 1743 года в Або был заключен прелиминарный мирный договор, подписанный от России генерал-аншефом Александром Ивановичем Румянцевым и от Швеции баронами Седеркройцем и Нолькеном. 7 августа 1743 года теми, же уполномоченными в Або был заключен мирный договор, по которому Швеция признала условия Нищтадского мира 1721 года, к России отошла часть Восточной Финляндии – Кюменегордская губерния – весь бассейн реки Кюми с городами Фридрихсгаммом, Вильмандстрандом и Нейшлотом. Русско-шведская граница от побережья Финского залива теперь проходила прямо на север по руслу реки Кюми и по его первому притоку слева и по границам бассейна реки Кюми на востоке до Нейшлота и далее по старой русско-шведской границе.

В 1770-х годах брат Никиты Панина граф и генерал Петр Иванович Панин в своих «Замечаниях на Записки Манштейна о России 1724–1744 годов», изданных в Петербурге в 1879 году, писал о русско-шведской войне:

«Швеция, вовлеченная в пагубную войну, не знала как закончить оную. В то же время, упраздненный в Стокгольме престол повергал сейм в недоумение I избрании короля. Сторона под названием шляп, воспламенившая войну, ласкаясь найти подкрепление и пособие к продолжению оной, намеревалась возвести на шведский престол сына датского короля; миролюбивая же сторона, называвшаяся колпаками, утверждала, что избрав королем российского наследника, можно будет

заключить выгодный мир, хотя, впрочем, и не надеялись, чтобы в Петербурге приняли таковое предложение. Напоследок, восторжествовали колпаки и Швеция, вместе с миром, получила от руки российской императрицы короля Адольфа Фридриха, бывшего епископа Любского, администратора Голштейн-Готторпского, родного дядю наследника российского престола. Мир постановлен был в Абове уполномоченными от России генералами графом Александром Ивановичем Румянцевым и бароном фон Люберасом, а от Швеции сенатором бароном Цедерирейцом и государственным секретарем бароном Нолкеном. Сим миром Россия приобрела крепость Нейшлот и Кименсгердскую область».

После заключения мира в Або князь Василий Долгоруков стал премьер-майором. Во время этой войны русская армия, благодаря образовавшейся отрядной системе научилась сосредотачивать основные Силы на главных направлениях. Именно таким способом генерал-аншеф Долгоруков в июне 1771 года за три недели займет весь Крымский полуостров.

В 1743 году Василий Долгоруков женился на Анастасии Васильевне Волынской, происходившей из древнего княжеского рода, основателем которого был герой Куликовской битвы Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский. Отец Анастасии Василий Иванович отдал в приданое за дочь старинные имения Волынщину-Полуэктово, расположенное в ста километрах от Москвы, на реке Озерне, недалеко от Рузы, и Знаменское-Губайлово у реки Сходни (рядом с современным подмосковным Красногорском).

В 1745 году князь Василий Долгоруков получил чин подполковника и был назначен генеральс-адьютантом своего семидесятивосьмилетнего дяди – президента Военной коллегии генерал-фельдмаршала Василия Владимировича Долгорукова, который за пять лет своего руководства русской армией ввел много улучшений в организации и снабжении войск. Тогда же родился его первый сын Михаил, через пять лет, в 1750 году – Василий, в 1755 году – дочь Прасковья, затем дочери Варвара и Федосья. Адьютанство продолжалось меньше года. 11 февраля 1746 года фельдмаршал Василий Владимирович Долгоруков умер. Через год князь Василий Михайлович стал полковником и командиром Тобольского пехотного полка, которым прокомандовал восемь лет.

Полевая пехота русской армии в 1747 году состояла из 3

гвардейских и 50 армейских полков, кавалерия – из 1 гвардейского, 6 кирасирских, 6 конно-гренадерских и 18 драгунских полков.

В соответствии со штатом 1716 года полк насчитывал 1348 человек. Полком командовал полковник, в подчинении которого находились подполковник и майор. Полк состоял из 2 батальонов, разделенных на 8 рот. В 1747 году полк получил третий батальон, включавший 4 роты. Ротой командовал капитан, ему подчинялись поручик и подпоручик. Прапорщик отвечал за ротное знамя в бою. Подпрапорщик помогал прапорщику. В штате роты также были лекарь, писарь, фурьер-квартирмейстер и каптенамус, отвечавший за амуницию, вооружение и за боевые припасы – свинец и порох. Непосредственно солдатами командовали сержант и капрал, которому подчинялось капральство из 20 человек. Капралу помогал ефрейтор. Все солдаты и капралы были вооружены шпагами и семикилограммовыми фузеями калибра 14 миллиметров со штыком. Каждый полк имел 4 медных трехфунтовых пушки и 8 шестифунтовых мортирок.

Высшими соединениеми были бригады, состоявшие из 3 полков, дивизии, включавшие от 3 до 5 бригад, и корпуса.

22 апреля 1745 года начался второй этап войны между Францией и Австрией за австрийское наследство, шедшей после смерти императора Карла VI с 1740 года.

22 мая 1746 года в Санкт-Петербурге был подписан русско-австрийский союзный трактат, в соответствии со вторым секретным артикулом которого Россия должна была выставить 30-тысячный вспомогательный корпус или заплатить 500000 рублей Австрии в случае войны ее с Францией или Пруссией. Австрию поддерживала Англия, Голландия и Швеция, Францию – Испания, Пруссия, Бавария, Турция и Польша. Англия также обратилась к России за помощью – попросив русские войска участвовать в европейской войне. Россией и Англией 12 июня, 8 и 27 ноября в Петербурге были подписаны три военные конвенции. В соответствии с первой конвенцией Россия обязалась держать на северной границе Литвы со стороны Балтийского моря и Лифляндии 30-тысячный корпус и 50 галер, прикрывая шведские земли. Англия оплачивала содержание русских войск – по 100000 фунтов стерлингов ежегодно. В ноябре 1747 года Россия обязалась переправить на Рейн в Германию через Польшу и Саксонию 30000 солдат в помощь Англии и Голландии, которые помимо содержания русского корпуса в 300000 фунтов стерлингов и 200000 голландских гульденов, должны были выплатить России 300000 фунтов стерлингов.

Франция теснила Австрию и, в соответствии со вторым секретным артикулом русско-австрийского союзного трактата и русско-английской военной конвенцией, в марте-июне 37-тысячный русский корпус под командованием генерал-фельдцейхмейстера князя Василия Аникитовича Репнина по Польше и Пруссии прошел в Германию. В поход на Рейн шел и Тамбовский пехотный полк князя Василия Долгорукова. В июле 1748 года экспедиционный корпус вступил во Франконию, не сделав ни одного выстрела. Франция вынуждена была предложить Австрии мир, который был заключен 18 октября 1748 года в Эз-Лашапеле, как часть Аахенского мирного договора. Русские войска возвратились домой с новым командующим, заменившим Репнина, неожиданно умершего 30 июля в Бамберге. Восьмилетняя война «за австрийское наследство» закончилась.

Вот так воевали русские в 1748 году!

В это время из полковых командиров и начала формироваться блестящая плеяда русских военначальников, включавшая в себя по отзывам современников и будущей императрицы Екатерины Великой! Румянцева, Чернышева, Вильбоа, Панина, Волконского и Долгорукова.

25 декабря 1755 года тридцатитрехлетний князь Василий Долгоруков стал генерал-майором.

Глава 4
Семилетняя война. Кюстрин Цорндорф. Кольберг. 1756–1762 годы

Закончившаяся Аахенским миром в октябре 1748 года война за австрийское наследство, в которой Австрия потеряла Силезию, отошедшую Пруссии, и часть земель в Италии, полученных Испанией, никого не удовлетворила. Разбить и расчленить Габсбурскую империю не удалось. Недовольными остались все участники войны. В 1754 году разгорелся новый конфликт между поддерживаемой Пруссией Англией и Францией, деливших колонии и определявших, кто будет хозяином на морях.

17 мая 1755 года Франция обьявила войну Англии.

В январе 1756 года Англия и Пруссия заключили союз – Вестминстерскую конвенцию, а 1 мая 1776 года Франция и Австрия подписали договор о нейтралитете и обороне. К этому договору присоединились Россия, Швеция, Саксония и Испания.

29 августа 1756 года без объявления войны Пруссия, создавшая почти 200-тысячную армию, напала на Саксонию и заняла Лейпциг и Дрезден. Началась Семилетняя война. Австрия выступила на помощь Саксонии, но была разбита. Капитулировала и Саксония, уже в середине сентября занятая прусской армией. 22 января 1757 года в Санкт-Петербурге канцлером и президентом Государственной коллегии Иностранных дел графом Алексеем Петровичем Бестужевым-Рюминым, вице-канцлером графом Михаилом Илларионовичем Воронцовым и послом Австрийской империи в Петербурге князем Миклошем Юзефом Эстергази фон Галатфа была подписана русско-австрийская конвенция об участии России в войне с Пруссией, подтвердившая трактат от 22 мая 1746 года. Австрия и Россия выставляли стотысячные армии против Пруссии. Австрия воевала с Пруссией в Силезии, Россия должна была наступать на Восточную Пруссию. Стороны обязались не заключать с Пруссией ни мира, ни перемирия без совета друг с другом.

В апреле 1757 года прусская армия вторглась в Богемию, осадила Прагу, но город взять не смогла. В это время в войну вступила Россия.

В 1756 году русская армия была самой большой в Европе – 172000 солдат и 233 орудия. Армия делилась на 5 дивизий – Московскую, Петербургскую, в которой служил князь Василий Долгоруков, Новгородскую, Лифляндскую и Украинскую. Гарнизонные войска составляли 74000 человек, казачьи,

включавшие донские, украинские отряды, башкир и казанских татар – 27000 воинов. Большую роль в усилении войск сыграли и новые уставы, принятые в 1755 году – «Описание пехотного полкового строя, разделенного на три части со всеми нужными к тому примечаниями» и «Экзерциция и учреждение строев и всяких церемониалов регулярной кавалерии». Русская артиллерия, имевшая гаубицы Данилова-Нартова и единороги Шувалова, была лучшей в мире. Единорог стрелял восьмикилограммовыми снарядами калибра 152 миллиметра с дальностью выстрела на полтора километра. Снаряды выпускались ежеминутно со скоростью 400 метров в секунду. При весе в 1180 килограммов скорость передвижения единорогов доходила до 12 километров в час. В 1756 году была организована особая инженерная часть из 1300 саперов и понтонеров-составлявшая десятую часть всех инженерных войск. По табели о рангах – по воинскому штату – в русской армии в 1755 году не было генерал-фельдмаршалов. В строю находились 6 генерал-аншефов – А.Б. Бутурлин, С.Ф. Апраксин, А.И. Шувалов, П.И. Шувалов, П.С. Салтыков, Ю.Г. Ливен и В.В. Фермор, 10 генерал-поручиков, 20 генерал-майоров и 20 бригадиров, Русский флот состоял из 21 линейного корабля, 2 бомбардирских судов, 5 фрегатов, 2 прамов, 4 пакета ботов, 83 галер и 66 других гребных судов.

Во главе всех российских военных ведомств была Военная коллегия, которая назначала главнокомандующего армией. 8 января 1756 года по инициативе канцлера Бестужева-Рюмина была образована «Конференция при высочайшем дворе», ставшая высшим органом государственного управления. Конференция – высший военный совет, ведала всеми вопросами «политики и войны». Членами Конференции стали Бестужев-Рюмин, Трубецкой, Бутурлин, Воронцов и братья Шуваловы. Первые полгода заседания Конференции проходили под председательством императрицы Елизаветы Петровны.

В 1756 году командующий армией был лишен самостоятельности как при ведении военных операций, Так и при осуществлении административно-хозяйственного управления войсками – все определяла и решала Конференция.

Для войны в Восточной Пруссии была сформирована 60-тысячная армия, состоявшая из 6 корпусов. Первые 3 корпуса возглавлял генерал-поручик Василий Лопухин. Вторым корпусом из 15000 человек командовал князь Василий Михайлович Долгоруков. Войска корпуса были расквартированы в разных местах. Кирасирский его императорского высочества, 3-й кирасирский, Сербский конный и Чугуевский полки стояли в

Лифляндии и Курляндии, Киевский кирасирский полк – в Пскове, Казанский полк – в Великих Луках, Новотроицкий полк – в Торопце. Венгерский и Грузинский полки были расквартированы около Наренбурга. Корпус Долгорукова был сосредоточен на границе псковских земель в ноябре 1750 года и передан под командование П.А. Румянцева. Генерал-майор Долгоруков получил бригаду – Новгородский, Псковский и Вятский полки.

В мае 1757 года русские войска фельдмаршала С.Ф. Апраксина вступили в Восточную Пруссию и заняли Мемель, Тильзит, Инстербург и Гумбинен. Балтийский флот блокировал побережье Пруссии. Кенигсберг прикрывала 40-тысячная армия фельдмаршал.» Левальда. Русская армия двумя колонами от Ковно и Мемеля начала наступление на Кенигсберг.

Войска соединились у Инстербурга. 19 августа 1757 года при Гросс-Егередорфе состоялось грандиозное сражение, кончившееся победой русской армии. Во второй дивизии Василия Лопухина во главе своей бригады сражался и Василий Долгоруков. У русских погибли 1500 солдат и 3 генерала, были ранены 4500 солдат и 8 генералов. Прусская армия потеряла убитыми 2500 солдат и 5000 ранеными и в беспорядке отступила к Кенигсбергу. Однако Апраксин не стал наступать на Кенигсберг. Русские войска через Мемель и Тильзит отошли на зимние квартиры в Курляндии и Лифляндии. Бригада князя Долгорукова вошла в состав дивизии генерал-поручика Голицына и зимовала во Фрауенбурге, на правобережье Виндавы. Компания 1757 года была завершена в сентябре. Апраксин был снят Конференцией с должности, отдан под суд и посажен в тюрьму, где и умер в 1760 году. За это время прусская армия во главе с Фридрихом разгромила французскую армию под Росбахом, а австрийскую-под Лейтеном.

В октябре 1758 года новый главнокомандующий В.В. Фермор разделил армию на 3 дивизии – генерал-аншефа Броуна, генерал-майора Ивана Салтыкова и генерал-поручика Голицына, состоявшую из 5 бригад-Племянникова, князя Долгорукова, Пальменбаха, Нумерса и Уварова.

В январе 1758 года русская армия с В.В. Фермором взяла Кенигсберг и заняла всю Восточную Пруссию, которая была превращена в русское генерал-губернаторство. Большую помощь армии оказал Балтийский флот – Ревельская эскадра адмирала Люиса и Кронштадская адмирала Мишукова соединились у Пиллау и заняли Мемель, превратив его в опорную базу Балтийского флота и блокировав берега Восточной Пруссии. В боевых действиях участвовал и капитан III ранга А.Н. Сенявин, командуя линейными кораблями «Александр Невский», «Уриил», «Полтава» и «Иоанн Златоуст», позднее, при штурме Кольберга

получивший чин капитана I ранга. Русский флот полностью обеспечивал сухопутную армию продовольствием и снаряжением. Благодаря действиям флота Англия так и не выступила на стороне Пруссии против России. Боевые действия Англия вела в Индии и Северной Америке, где одержала победу над Францией.

Стратегическая задача, поставленная перед русской армией в начале войны, была выполнена. В конце января 1758 года Румянцев, Рязанов, Захар Чернышев, Александр Вильбоа и князь Долгоруков были произведены в генерал-поручики. Вновь присоединеные территории надо было удержать, заняв для этого мощную крепость Кюстрин. В начале января русские дивизии генералов Броуна и Голицына вышли из Гумбинена и через месяц заняли города Грауденц и Торн. Отдельный отряд генерал-поручика Долгорукова из 5 полков в марте занял города Ковно и Гродно и немного позднее соединился в Торне с русским обсервационным корпусом, сформированным Шуваловыми и шедшим на театр военных действий из России. В апреле 1758 года русские войска вошли в Силезию, а в мае – в Померанию. 4 августа основные силы русской армии начали осаду Кюстрина, где бригада Василия Долгорукова, снова воевавшая в дивизии Голицына, отличилась вместе со своим князем. Началась почти десятидневная бомбардировка крепости. Крепость стала гореть, сгорели сосредоточенные в Кюстрине огромные запасы сена и зерна-1 миллион 200 тысяч гектолитров. 12 августа к Кюстрину из Силезии подошла прусская армия Фридриха II. Русские войска отошли на правый берег Одера и заняли удобную позицию у деревни Цорндорф. 14 августа произошло кровопролитное Цорндорфское сражение, не принесшее Победы ни 42-тысячной русской, ни 33-тысячной Прусской армиям. Обе армии только убитыми потеряли по 12000 солдат. В русской армии из 21 генералов 5 осталось в строю, остальные были ранены, попали в плен или убиты. Командир 4-й пехотной бригады дивизии Голицына князь Долгоруков был ранен в ногу картечью. По сохранившемуся свидетельству прусского офицера, раненые русские солдаты, оставшиеся на поле боя, были заживо зарыты в ямы вместе с мертвыми. Армия Фридриха ушла в Саксонию, а войска Фермора – к Лансбергу, а потом на зимние квартиры. Василию Долгорукову было поручено привести в порядок Обсервационный корпус, расстроенный после Цорндорфского сражения. За то, что Фермор не воспользовался выгодным положением русских войск после Цорндорфского сражения, он был отстранен. Новым командующим 50-тысячной русской армии в июне 1759 года стал П.С. Салтыков.

В июне 1759 года войска Салтыкова вступили в Брандербург,

12 июля возле деревни Пальциг 40-тысячной русской армией был разбит 28-тысячный прусский корпус Веделя. 31 июля русские войска заняли Франкфурт-на-Одере. Впереди был Берлин. Недалеко от Франкфурта-на-Одере, под Кунерсдорфом, 1 августа 1759 года армия Фридриха II была разгромлена, потеряв 17000 солдат убитыми – 35 процентов – своего состава. Русские войска потеряли 13000 убитыми. «Но до пятого часа победа еще сумнительна была; потом подведены генерал-поручиками Вильбуа и князем Долгоруковым из авангарда Воронежский и Нарвский полки…» Штурмовать Берлин было некем и Салтыков ушел в Силезию, а потом на зимние квартиры – на нижнюю Вислу. Василий Михайлович Долгоруков 18 августа 1759 года был награжден орденом, святого Александра Невского.

К середине 1760 года русская армия сосредоточилась в Познани и двинулась в Силезию. Перед приходом русских 15 августа прусская армия разбила австрийцев при Лигнице. Совместной операции не получилось, Австрия все время меняла свои планы, не хотя чрезмерного усиления России, а Конференция все свои действия согласовывала именно с Австрией, делая возможным поражение русских войск. Понимая это, Салтыков сдал командование войсками Фермору и уехал в Петербург.

Армия Фридриха ушла в Чехию воевать с австрийцами и Берлин остался без прикрытия. 28 сентября 1760 года русский корпус Чернышева и Тотлебена-3 гусарских, 2 конно-гренадерских, 5 казачьих и 7 пехотных полков – был под Берлином. Во главе Вятского и Невского полков в корпусе Чернышева находился и князь Долгоруков. Город сдался. Однако через три дня русские войска ушли из города – Фридрих возвращался спасать свою столицу. Армия Фермора стала на зимние квартиры на среднем левобережье Одера.

В 1761 году основные русские войска во главе с новым командующим А.Б. Бутурлиным воевали в Силезии, корпус П.А. Румянцева – в Померании. Румянцев осадил главную прусскую крепость Кольберг. Блокаду крепости помогал осуществлять и Балтийский флот. К Кольбергу в помощь Румянцеву массированным маршем была направлена 3-я дивизия генерал-поручика Долгорукова. 19 сентября дивизия Долгорукова у Корлина остановила прусский корпус генерала Платена, отбросила его от Кольберга и Долгоруков соединился с Румянцевым. В октябре 1761 года Румянцев, поручив осаду Кольберга князю Долгорукову, у Трептова разбил отряд генерала Кноблоха, шедший в прусскую крепость. При последующем штурме Кольберга князь Долгоруков был тяжело ранен. В

крепости взорвался пороховой погреб, почти кончилось продовольствие. С большим трудом 5 декабря 1761 года Кольберг был взят русскими войсками. В плен сдались 2903 солдата и 88 офицеров; Русским досталось и 146 орудий. Пруссии грозило полное поражение и раздел государства.

25 декабря 1761 года умерла императрица Елизавета Петровна. Ее племянник, родной внук Петра 1 герцог Шлезвиг-Голштинский Карл-Петр-Ульрих объявленный тетей в 1742 году наследником российского престола и ставший новым русским императором под именем Петра III, прекратил военные действия, приказав командующему русскими войсками в Померании генерал-поручику князю Волконскому подписать перемирие с губернатором Штеттина герцогом Брауншвейгским Вильгельмом, что и было сделано 5 марта 1762 года. 24 апреля в Санкт-Петербурге государственным канцлером и президентом Коллегии иностранных дел России Михаилом Воронцовым и адъютантом (!? – авт.) Фридриха полковником фон дер Гольцем был подписан «бессрочный» мирный трактат между Россией и Пруссией, по которому Россия возвращала Пруссии Восточную Пруссию, Померанию и Силезию, а русские войска должны были воевать с бывшими союзниками. В мае с помощью России был заключен мир и между Пруссией и Швецией. 6 марта 1762 года Петр III образовал Воинскую комиссию, начавшую реформировать русскую армию по прусскому образцу – войска одели прусские мундиры, был введен прусский устав, полки вместо старых территориальных названий стали называться по фамилии полкового командира, Конференцию сменил Военный совет.

28 июня 1762 года Петр III был свергнут и убит. Новая императрица Екатерина II разорвала союз с Пруссией и 13 августа издала указ, по которому «все сделанное в полках прежнее отменить и быть на таковом же основании, как при жизни Императрицы Елизаветы.» Однако мирный договор был подтвержден, война не была продолжена, а русские войска отозваны из Пруссии. Пруссия вышла из войны значительно ослабленной, чего и добивалась Россия. 15 февраля 1763 года Австрия и Пруссия подписали Губертусбургский мир, по которому Силезия осталась у Пруссии, а Саксония сохранила независимость.

Участник боевых действий капитан армии Фридриха И.А. Архенгольц в своей «Истории Семилетней войны в Германии с 1756 по 1763 год», опубликованной в Москве в 1841 году, писал: «15 февраля был подписан мир в Губертсбургском замке, что в Саксонии; и тем был положен конец общим бедствиям. После семи кровопролитных компаний дела находились в той же точке,

как и при начале войны. Таким образом кончилась эта семилетняя война, достопримечательнайшая из всех, какие сохранились в летописях других царств, которая не уступает ни в чем самым изумительным браням времен новых и древних, война обильная разными чрезвычайными действиями, обманувшая ожидание всей Европы, и которая останется назидательною для генералов, людей государственных и для философов грядущих поколений.»

Франция и Англия в 1763 году подписали Парижский мир, по которому Англия получила французскую Канаду, часть Индии и другие территории и колонии, принадлежавшие раньше Франции. Англия стала единственной страной, выигравшей в этой войне.

Глава 5
I Русско-турецкая война. 1762–1770 годы

В середине августа 1762 года князь Василий Михайлович Долгоруков был вызван из армии в Петербург для участия в коронации новой императрицы. Сохранилось письмо-вызов Екатерины II, текст которого многое говорит как о характере боевого генерал-поручика, так и о взаимоотношениях его с молодой хозяйкой Зимнего дворца, с которой, очевидно, он был хорошо знаком и ранее:

«Петербург, 20 августа 1762 года.

Князь Василий Михайлович! Я знаю, что вы просить не любите, никто же вас не вспомнит; следовательно мне надлежит к вам писать, дабы вы по желанию нашему сюда ехали. А команду поручите кому под вами следует, снесясь о том с фельдмаршалом Салтыковым; а я всегда к вам как и прежде была благосклонна.

Екатерина.

P.S. Первое число сентября я отсель поеду в Москву.»

22 сентября 1762 года, в день коронационных торжеств, сорокалетний князь Василий Михайлович Долгоруков стал генерал-аншефом. Следующее упоминание князя Василия в исторических документах относится к 1767 году, когда 22 сентября, в честь пятилетнего правления Екатерины II, он был награжден ею высшим орденом Российской империи – Андрея Первозванного.

Русский историк С.Ф. Платонов писал о Екатерине II:

«Во внешних сношениях и столкновениях Екатерина не стремилась подражать кому бы то ни было из своих предшественников и вместе с тем умела понять исконные задачи русской политики и потому была прямой подражательницей Петра. Мы видели, что из трех вопросов русской внешней политики, стоявших на очереди при Петре, – шведского, польского и турецкого – Петр разрешил только первый.

Императрица Екатерина Великая

Императрица Екатерина Великая

Его ближайшие преемники не разрешили ни второго, ни третьего. Их разрешила Екатерина II. Ко времени Екатерины задачи России состояли в том, чтобы взять у Турции Крым и северные берега Черного моря, иначе говоря, достигнуть на юге естественных географических границ империи. По отношению к Польше задачи России состояли в том, чтобы освободить православно-русское население Польши от католическо-польского владычества, т. е. взять у Польши старорусские земли и

достигнуть с этой стороны этнографических границ русской народности. Екатерина счастливо исполнила все это: Россия при ней завоевала Крым и берега Черного моря и присоединила от Польши все русские области, кроме Галиции. В этом заключались важнейшие результаты внешней политики Екатерины, увеличившей народонаселение империи на 12 миллионов душ.»

Завоевывать для России Крым предстояло Василию Михайловичу Долгорукову.

С.Ф. Платонов писал о дальнейшем развитии событий: «Боясь чрезмерного усиления России, Франция, действовавшая против России прямо в самой Польше, действовала и посредством Турции: она подбила Турцию на войну, и с 1769 года силы России поделились между двумя врагами.»

25 сентября 1768 года великий визирь Турции Арестовал русского посла А.М. Обрезкова – тем самым Турция объявила войну России. Оттоманская Порта сосредоточила свои войска у крепости Хотин ни Днестре, планируя нанести главный удар на Варшаву взять ее и идти к Смоленску и Киеву. Третья турецкая армия с Северного Кавказа должна была наступать на Астрахань. Крымский хан получил султанский фирман о походе на Украину. Однако незванных гостей встретили русские войска.

Еще в конце 1762 года Екатериной II была образована комиссия для проведения реформ в русской армии. В 1762 году войска состояли из 3 гвардейских, 4 гренадерских и 46 мушкетерских пехотных полков. По новому штату 1763 года полки состояли из двух батальонов, каждый – из шести рот. Русская армия по месту нахождения была разделена на 8 дивизий и 3 охранных корпуса. В том же году при каждом полку появились и егерские команды, состоявшие из 60 рядовых, 4 унтер-офицеров и 1 офицера, сыгравшие значительную роль в разгроме Оттоманской Порты. В 1764 году был разработан новый устав – «Инструкция пехотного и конного полка полковнику», а годом ранее образован Генеральный штаб. Начальником Генерального штаба, основными задачами которого были разработка в мирное время данных для боевой деятельности войск, подготовка офицеров к службе штаба в военное время и картографические работы, был назначен вице-президент Военной коллегии. Армия постоянно росла и к 1768 году достигала полумиллиона человек. Постоянно увеличивалось число карабинеров и кирасир, полк образца 1768 года. имел 2 гренадерские и 10 мушкетерских рот. Тяжелую конницу составляли 25 полков в каждом из которых было 5 эскадронов – 750 человек, драгунских полков оставалось всего 7.

Будущий район боевых действий был хорошо изучен русскими войсками. 21 октября 1763 года указом Правительственного Сената «в помощь» киевскому генерал-губернатору Глебову был определен канцелярии советник Петр Веселицкий – «для управления по Киевской губернии пограничных дел». Еще через месяц – 11 ноября – Коллегия иностранных дел велела учредить при Киевской губернской канцелярии особую «секретную экспедицию для дел по заграничным сношениям». В том же году Россия предложила Турции заключить торговый договор и попыталась получить от султана разрешение держать на Черном море торговые суда, но получила отказ и запрет открывать! в турецких городах русские купеческие конторы – Оттоманская Порта не давала развиваться южной торговли России.

Петр Веселицкий прибыл в Киев в сентябре 1765 года. В состав «секретной экспедиции» кроме него вошел и надворный советник Никифоров, бывший несколько лет консулом России в Крыму. В соответствии с указом Екатерины II на Крымском полуострове была создана сеть «конфидентов» или «секретных корреспондентов». Самым серьезным из них был Якуб-ага – переводчик крымского хана Крым Гирей, завербованный майором Никифоровым с грамадным по тем временам содержанием – 900 рублей в год. Донесения Якуба читала и Екатерина II. В 1765 году новый крымский хан Селим Гирей назначил Якуб-агу дубоссарским пашой. В письме из Коллегии иностранных дел генерал-губернатору Елисаветградской губернии Воейкову говорилось, что «Якуб я ко хитрый и пронырливый человек своими представлениями в великий кредит вошел у хана Селим Гирея и от него был всем министрам Порты рекомендован.» Сохранилось донесение Якуба киевскому генерал-губернатору Глебову из Фокшан от 31 марта 1766 года – Якуб-ага после подробного изложения всех крымских новостей писал: «О всех происхождениях в России и Польше мне самому поручено хана уведомлять. Мне, как живущему здесь, на границе, строго приказано все наблюдать, и особливо отправляемы бывают в Россию и Польшу чистые шпионы. Я ж, о всяком важном и нужном деле давать знать не упущу. Здешнее правительство весьма тревожится нынешним разграничием, опасаясь, что России достанется вся польская украина.» В 1767 году Якуб был назначен «главным переводчиком и экспедитором иностранных дел» Крымского ханства и вернулся в Бахчисарай. Связь с Якубом осуществлялась только русскими офицерами. Впоследствии Якуб стал и французским агентом и был раскрыт.

В течение зимы 1768–1769 года боевых действий с обоих

сторон не велось – шла подготовка к войне. В Петербурге для управления боевыми действиями был создан Военный совет при высочайшем дворе. Русские войска были разделены – 1-я армия из 60000 солдат под командованием генерал-аншефа А.М. Голицына была сосредоточена под Киевом с задачей в дальнейшем взять Хотин, а 2-я армия П.А. Румянцева – 40000 солдат – базировалась у Кременчуга и Полтавы, защищая южную границу Российской империи. 6 январе 1769 года армия Румянцева, в которой князь Василий Долгоруков командовал дивизией, остановила и отбросила 70-тысячное войско крымского хана Крым Гирея, сумевшего дойти до Бахмута – в набегах крымского хана на российские земли была поставлена окончательная точка. 2-я дивизия генерал-аншефа Долгорукова в марте 1769 года заняла Азов, участок азовского побережья и Таганрог, в котором по указу Екатерины II контр-адмирал А.Н. Сенявин начал строительство Азовской флотилии. Таганрог имел мелкую гавань и Сенявин, ставший 4 июня вице-адмиралом, писал в Петербург о строительстве Азовской флотилии для поддержки завоевания Крыма: «Когда же и при восьми кораблях будут и галеры, то не только без всякой опасности и помешательства от неприятеля могут в своем месте быть вооружены и не одна восточная часть, но и весь Крым долженствует, содрогнувшись, передать себя в монаршее покровительство, где известный 3 места: Еникаль, Керчь и Кефа будут служить к строению больших кораблей.»

В июле и сентябре 1769 года для проведения глубокой разведки и сковывания татарских войск по приказу Румянцева корпус генерал-поручика Берга из двух полков несколько раз подходил к Сивашу и Перекопу, поддерживаемый Азовской флотилией, надежно прикрывавшей Азов и устье реки Дон.

Весной 1769 года 1-я армия Голицына перешла Днепр и в июле осадила Хотин, стремясь не допустить соединения турецких и польских войск. К Хотину подошли 40-тысячное татарское и 100-тысячное турецкое войско и русские полки ушли за Днестр, отбив и остановив наступавшего за ним противника. У турок кончилось продовольствие, они отступили к Яссам и 10 сентября армия Голицына заняла Хотин. А.М. Голицын был отозван в Петербург и получил там звание генерал-фельдмаршала. На его место был назначен П.А. Румянцев. До приезда нового командующего 2-й армии П.И. Панина временное руководство 12 пехотными, 4 кавалерийскими полками и казаками – всего 23000 солдат – было поручено князю Василию Долгорукову. Сохранился ордер Румянцева Долгорукову от 27 августа 1769 года о вступлении во временное командование 2-й армией и указание

ближайших действий на случай наступления противника:

«N 1. Ее императорское величество, высочайшим императорским рескриптом от 13 августа отозвав ко двору из первой армии господина генерал-аншефа и кавалера князя Александра Михайловича Голицына, главную команду оной всемилостивейше мне препоручить соизволили, а на мое место во вторую армию отправив командующим господина генерал-аншефа и кавалера Петра Ивановича Панина, повелевает, дабы я по получении сего указа оставил настоящую мою армию купно с запорожским войском под Команду вашего сиятельства. Я во исполнение сего высочайшего ее императорского величества повеления препоручаю вашему сиятельству в команду всю настоящую мою армию и войско запорожское. Еще осталось мне в самом окончании изъясниться в том удовольстве, которым я непрерывно пользовался, как В отличных поступках вашего сиятельства, так и всей вверяемой вам команды.»

Румянцев, разработавший правила построения русских войск при атаке на турецко-татарскую армию, по которым основным боевым строем стали каре, а в штыки шли гренадеры, прикрываемые мушкетерами, ведшими огнестрельный огонь, успешно Применил свои знания во время боевых действий.

Возглавив 1-ю армию Румянцев продолжил наступление и уже 26 сентября взял Яссы, а немного позднее – Бухарест. Екатерина II стала называть себя великой княгиней Молдавской. В октябре 1769 года ПИ. Панин получил указ императрицы и привлечении на свою сторону ногайских орд. В места их кочевок были отправлены русские эмиссары. 24 июня в Чесменском сражении эскадрой А.Г. Орлова был уничтожен турецкий флот. 17 июня 1770 года Петр Румянцев разгромил турок в урочище Рябая Могила, а 7 и 21 июля прогремели Ларга и Кагул, где впятеро большие, чем русская армия, турецкие и татарские войска были разгромлены. Перед боем Румянцев сказал ставшие историческими слова: «Слава и достоинство наше не терпят, чтобы сносить присутствие неприятеля, стоящего на виду у нас, не наступая на него.» В течение трех месяцев армия Румянцева взяла турецкие крепости Измаил, Килию и Аккерман. После этих побед ногайцы – Едисанская, Буджакская, Аккерманская, Едичкульская и Джамбулукская орды-перешли в росийское подданство. Можно было, не опасаясь удара в спину, начинать завоевание Крымского полуострова, где в это время сосредотачивались турецкие и татарские войска крымского хана Селим, Гирея, вернувшегося домой с главного театра боевых действий и организовывавшего с помощью двадцати турецких советников во главе с Абазех-Мухаммед-пашей и турецкого

флота, обеспечивавшего транспортные перевозки, оборону Крымского ханства. Главнокомандующий 1-й – Дунайской – армией, теперь уже граф П.А. Румянцев, получивший право действовать императорским именем, писал командующему Азовской флотилией вице-адмиралу А.Н. Сенявину:

«Операции вашей флотилии весьма бы споспешествовали военным действиям нашим, если вы 1 пройдете со своими судами в Черное море и отрежете всю помощь к крепостям неприятельским, что лежат при берегах морских в Крыму, которые потому и были бы уже в руках наших.» В конце сентября 1770 года корабли Азовской флотилии – «Хотин», «Азов», «Таганрог», «Новопавловск», «Корон», «Журжа», «Модон», «Морея», «Яссы» и «Бухарест» – перешли из Азова в Таганрогскую гавань. Немедленно там было начато строительство 32-пушечных фрегатов, способных противостоять турецким кораблям.

2-я армия Петра Панина в начале июля 1770 года осадила крепость Бендеры и 16 сентября приступом взяла ее. При штурме, продолжавшемся всю ночь, погибло более 10000 русских солдат. Таких потерь Екатерина Великая не прощала никому, даже брату канцлера Российской империи, и Петр Панин получил орден и отставку. Командующим 2-й армии стал князь Василий Михайлович Долгоруков.

Глава 6
Крым. 1771–1775 годы

Основной целью военных действий России в 1771 году было определено овладение Крымским полуостровом 2-й армией князя Долгорукова. 1-я армия Румянцева обеспечивала прикрытие Молдавии, Валахии и Бессарабии и крупных боевых действий не вела.

Крымские походы Василия Голицына, Бурхарда Миниха и Петра Ласси показали, что успешное завоевание Крымского ханства зависит не только от численности войск, направленных на Крымский полуостров (и у Голицына и у Миниха было до сотни тысяч воинов). Выбор главного направления удара, организация баз снабжения армии – вот что должно было принести победу. Завоевание Крымского полуострова и осуществил со своей армией генерал-аншеф Василий Михайлович Долгоруков. Интересен сохранившийся рескрипт Екатерины II генералу Петру Панину от 2 апреля 1770 года, в котором российская императрица высказала «Нашу систему в рассуждении Крымскаго полуострова и всех, под властью тамошнего Хана состоящих, Татарских народов:

Совсем нет Нашего намерения иметь сей полуостров и Татарский орды, к оному принадлежащая, в Нашем подданстве, а желательно только, чтобы они отторгнулись от подданства Турецкого и остались навсегда в независимости.

Велико уже и знатно быть может приращение силам и могуществу Российскому из их от власти Турецкой отторжения, и в независимости и собственной свободности утверждения; ибо единым сим обстоятельством возможно, что Оттоманская Порта, в рассуждении беспосредственно самой России, ея границ и соседства, претворится в небытие моральное, по тому, что ей не кем и ни с которой стороны неудобно будет делать никаких важных предприятий на Российския границы, да и тем же самым положится навсегда новое и довольно важное препятствие переводить ей свои войска и чрез Дунай, имея тогда в правом боку независимых от нея Татар.

Но чтоб распространить было возможно в самом деле сию политическую пользу при настоящей войне, то Мы решительную и приемлем резолюцию, когда Татара согласятся от Порты отторгнуться, не полагать оружия, хотя бы то излишнюю Нам кампанию стоить могло, пока Порта не признает торжественно, в своем с нами мирном договоре, независимою областью Крыма с

принадлежащими к нему ордами, как по случаю войны и ея следствий от подданства Турецкого добровольно отложившихся, для своего собственного и своих земель спасения, обращая при том Мы Наш всегдашний вид и свободнаго мореплавания на Черном море, к их же в том ободрению и вспомоществованию.

Препоручается вам, продолжая начатую с Татарами обсылку и негоциацию, склонять их не к Нашему подданству, но только независимости и отложению своему от Турецкой власти, обещая им торжественно наше ручательство, покров и оборону.

Известно, сколь велика легкомысленность Татарская, преданность их к Магометанству, а к Христианам недоверие и некоторая врожденная непримиримость. Мы по тому и уповаем, что вы со всею возможною предосторожностью сие важное дело производить будете, применяясь к их нраву, и обращая и самой войны происшествия к их побуждению.»

Перед самым началом похода 2-й армии в Крым Екатерина II писала князю Долгорукову, сменившему Петра Панина:

«По представлениям вашим о негоциации с Татарами вообще, и особенно с Крымскими, признавая Мы оныя с удовольствием, происходящими от вашей к службе Нашей ревности, обльявляем вам чрез сие ближае и со всей точностию Наше Монаршее соизволение, каким образом та и другая производима быть Имеет, для свершения обеих с равномерным успехом.

Соглашение с Крымцами по всем, по ныне учиненным, стараниям и попыткам, как единственно открыться может от операций и успехов Нашего оружия, вашему предводительству порученнаго, то и дальнейшее сей важной негоциации производство не инако, как собственному вашему же попечению, предоставляется, в несумненной надежде на ваше искусство, осторожность и тщание в приобретении всех выгодностей, предмет оной составляющих…

Известный Якуб, чтоб был также в походе при вас, зависит от вас же; остается, чтоб вы, по его коварному нраву и подозрительному состоянию, допускали его к делам со всею возможною осторожностию и примечание за ним во всякое время продолжалось.

На подарки, по встречающимися вам случаям, а особливо по ожидаемой с Крымцами негоциации, имеете вы взять из находящихся в Татарской Комиссии вещей, сколько заблагорассудите, а и Мурз сколько вам при себе и с ними Татар иметь и на каком содержании, для употребления их по оной же негоциации и по другим могущим случиться надобностям, собственно вам же распорядить поручается.

В протчем Мы пребываем к. вам Нашею Императорскою

милостию благосклонны.

Дан в Царском селе 10 мая, 1771 года.

Подлинный подписан собственною Ея Императоскаго Величества рукою тако:

Екатерина.»

Поход против Крымского ханства готовился почти год. На полуостров русские войска должны были войти через перекопский перешеек и со стороны Керченского пролива, через Сиваш. Целью похода русские военачальники определили разгром ханского войска и овладение всеми крепостями на крымском побережье. Для похода была сформирована специальная экспедиционная армия численностью 48000 человек, из состава которой в основной корпус под командованием самого Долгорукова вошло 24000 человек, в Сивашский отряд генерала Щербатова – 4000 человек. 22000 солдат прикрывали коммуникации и базы снабжения, организованные по всему пути армии.

План Крымского похода составил вице-президент Военной коллегии и начальник Генерального штаба граф Захар Чернышев.

Главный корпус Долгорукова должен был атаковать и занять Перекопскую линию, а Сивашский отряд генерала Щербатова по Арабатской стрелке подойти к Перекопу с тыла. После занятия Перекопа отряд Щербатова должен был войти в Керчь и Еникале, в корпус Долгорукова – идти на Кафу, выделив из своего состава отряд для занятия Козлова, Ахтиара и Балаклавы. Перебросить корпус Щербатова через Сиваш и прикрывать с моря армию Долгорукова должна была Азовская флотилия вице-адмирала А.Н. Сенявина – старого приятеля князя Василия Михайловича по осаде Кольберга, состоящая из 17-ти больших кораблей, имевших 57 десантных лодок. Этот документ сохранился:

«План на предстоящую компанию для второй армии к занятию и покорению Крыма, с содействием Вооруженной флотилии. Принадлежит графу Захару Чернышеву.

Назначаемая к сему предприятию армия состоит из 5 кавалерийских, 6 гусарских и 2 пикинерских полков конницы. Пехоты же в 11 полках в Московском легионе – 31 баталион, да егерей – 2 баталиона. Казацких войск донских 5000, Малороссийских 6000, Запорожского войска – 6000, артиллерии осадной, полевой и легкой – всего до 60 орудий. Итого 51583 человека.

Главное сборное место назначается близ новой линии около Александровской крепости. Все войска к б числу мая в главное сборное место прибудут. Из главного сборного места всей армии

выступить 11 числа мая и держась Днепра следовать до урочища Балки Валивалы, что против Кизикерменю, а от оного к Перекопской линии. Всего расстояния от помянутого сборного места до Перекопа 290 верст. К Перекопу армия прибудет 1 июля. Командующему армией князю Долгорукову делать покушения на Перекопскую крепость, и ежели оную тот час схватить возможности не будет, то оставить ее для блокирования отряду под командованием одного генерала, а самому же главнокомандующему с армией следовать к Карасу-Базару. Отдельному же корпусу перейти через Сиваш у Ениши способом флотилии и овладеть городом Арабатом. По овладении же Арабатом идти тому корпусу к Керчи и Ениколю и стараться сии оба места также взять. Армии следовать к Кафе.

Корпусу, назначенному к овладению Перекопской крепостью, оставя в ней гарнизон, идти к Козлову, а заняв сие место и оставя в нем также гарнизон, следовать к Бахчисараю и до Балаклавы, которую равномерно взять.

По овладению Арабатом, Керчью и Ениколем стараться командующему овладеть и Бельбеком.»

Этот план был выполнен безукоризненно – все береговые крепости Крымского ханства были заняты в течение десяти дней, с 18 до 29 июня, что не позволило Турции высадить мощный десант для поддержки ханского войска на крымском побережье.

Армия собралась в главном сборном месте на Днепровской линии на реке Маячке в конце мая. 27 мая Сивашский отряд генерала Щербатова двинулся к Геническу. Немного позднее на Перекоп пошла и вся армия князя Долгорукова. 12 июня армия подошла к перекопской крепости Ор, Сивашский отряд погрузился на корабли Азовской флотилии. За десять дней до этого 10 небольших русских кораблей без труда отбросили в Керченский пролив 14 линейных турецких судов. 22 июня А.Н. Сенявин докладывал графу З. Чернышеву: «По сейчас я могу уверить ваше сиятельство, что милостью божиею на Азовском море владычествует флаг всероссийской императрицы, с чем и имею честь ваше сиятельство поздравить. Я же скажу, что прошел Азовское море вдоль от одного края до другого и теперь опять на половине.»

В ночь с 13 на 14 июня разделенная на 7 колонн армия князя Долгорукова начала штурм всей Перекопской линии. Две колонны штурмовали центр, одна – левый фланг укреплений, а четыре – правый. На сильно укрепленных участках Перекопской линии производились только демонстрации, отвлекающие неприятеля от направления главного удара, который был нанесен на самом слабом участке укреплений. Через сутки Перекопская

линия пала, а семитысячный гарнизон крепости Ор капитулировал. Еще через сутки на Арабатской стрелке высадился Сивашский отряд Щербинина, в ночь на 18 июня при поддержке эскадры Сенявина штурмом взявший крепость Арабат. Армия Долгорукова вошла на Крымский полуостров и в кровопролитном бою разбила стотысячное войско крымского хана Селим Гирея, сразу же после разгрома вместе с Абазех-Мухаммед-пашой бежавшего в Константинополь. Возглавивший ханское войско Ибрагим-паша попытался укрепиться в Карасубазаре, но не выдержал и отошел к Кафе, ожидая прибытие турецкого десанта. Князь Долгоруков отправил отряд Щербинина к Керчи и отряд генерала Брауна к Козлову-Евпатории, а сам двинулся навстречу Ибрагим-паше. 22 июня Козлов был взят. Сивашский отряд с помощью Азовской флотилии занял Керчь, Еникале, и почти сразу же Тамань, тут же заново укрепленные Сенявиным. Вход в Азовское море для турецкого флота был закрыт. Впрочем турецкие корабли, крейсируя в Керченском проливе у Кафы, постоянно уклонялись от боя и, после занятия русскими войсками на противоположном берегу пролива Таманской крепости, ушли в Константинополь.

29 июня армия князя Долгорукова подошла к Кафе, перед которой турками и татарами были построены мощные оборонительные сооружения. Русские войска после сильного артиллерийского обстрела укреплений и крепости пошли на штурм и после ожесточенного боя овладели Кафой. Турецкий гарнизон крепости капитулировал. У Крымского ханства больше не было удобных для высадки десанта гаваней и десятитысячный турецкий десант Абазы-паши надавленный из Константинополя и опоздавшим буквально на сутки, не смог высадиться на полуострове и ушел назад. Армия Долгорукова заняла также Судак. С Балаклаву и Ахтиар в которых расположились русские гарнизоны. Только после этого после боя с девяностотысячной ханской армией был взят Бахчи-сарай столица Крымского ханства. Остатки татарской армии попытались разбить трехтысячный отряд генерала Брауна, шедший из Козлова на соединение с Долгоруковым, но русские опять разгромили шестидесятитысячную татарскую армию.

В течение двух недель Долгоруковым были заняты все стратегические пункты Крымского полуострова Русские сражались в небольших подвижных каре, что было наиболее оптимально в гористой крымской местности, крепости не подвергались осаде, а брались штурмом. Стратегический и тактический талант князя Долгорукова, мужество и боевое мастерство русских солдат, отличный план завоевания Крыма

графа Чернышева, помощь Азовской флотилии вице-адмирала Сенявина, правильно выбранное направление главного удара – все это привело к тому, что хана и турецких войск на Крымском полуострове больше не было.

После занятия Крыма Догоруков издал следующий документ:

Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской, моей Всемилостивейшей Государыни, Генерал Аншеф и Кавалер, второю российскою армиею предводительствующий, Князь Василей Долгоруков по силе данного мне от Ея Императорского Величества Высочайшего повеления, объявляю.

Вступление в Крым второй армии Ея Имперторского Величества, Самодержицы Всероссийской, всемилостивейше моему продводительству вверенной, в таком намерии предприемлется, чтоб, при благословении Божием, распространяя повсюду успехи справедливаго Ея императорского Величества оружия против вереломного неприятеля, и сеи полуостров силою и коварством его порабощенный, избавить от несвойственного ига, и для того исторгнуть из рук Турецких находящиеся там крепости. Природные крымские обитатели, которые, вопреки существенной отечества своего пользы, будут иногда помогать неприязненным турецким войскам соединением ли с ними и по их поборствованием и доставлением каких либо удобностей, или же хотя бы токмо единомысленными и согласными с неприятелем оказались, имеют равным образом праву войны подвержены быть, с употреблением и против их и принадлежащих им жилищ и всякого имущества огня и меча. Но как Эдисанская, Буджацкая. Эдишкульская и Джамбуйлукская орды, по натуральному человечества праву, отреклись уже от Турецкого подданства, утвердились между собою клятвою состоять и жить независимым ни от кого народом, под управлением своих собственных древних обычаев и законом, и с тем вступили со Всероссийскою империею в вечный союз и дружбу, а сим же самым приобрели и Ея Императорскаго Величества, моей Всемилостивейшей Государыни, сильное и надежное покровительство, к своей и потомства своего безопасности и благоденствию, то и Крымцы, кои, видя пример, от однородных и одноверных их собратий поданной, возвратятся также к природной своей вольности и навсегда похотят в соединении с ними остаться независимыми ни от какой посторонней Державы и власти, с своим собственным верховным начальством, будут подкреплены ж и защищены в таком, толь древнему народу свойственном, предприятии, и всякое им к тому пособие окажется.

В следствие того я вообще Крымскаго полуострова жителей,

какого бы они звания и состояния ни пыли, чрез сие увещеваю, неприятельских поступок против состоящей под моим предводительством Ея Императорского Величества армии удержаться, но к оной, как действующей в их пользу и для их избавления, и свои силы присовокупить, а между тем благонамеренным из них, и прямо к своему отечеству усердным, а по тому цену сего призыва уважающим, дозволяется без всякого опасения ко мне являться, с которыми и ближайшие изъяснения учинены быть могут, да и самыя постановления о их свободности и независимости равно как с выше помянутыми Татарскими-ордами действительно уже в том чрез предместника моего, Главнокомандовавшаго прошедшею компаниею, Генерала Графа Панина, соглашено, с чем они навсегда и избавились от подлого рабства, в каком от Порты Оттоманской содержаны были, но от котораго еще Крымский полуостров угнетается, достойный, однакоже, быть, по своему положению и избытку в средствах, областию почтительною и собственно собою правимою.

Дано в главной квартире 1771 года.

17 августа 1771 года князь Василий Михайлович Долгоруков стал четвертым по счету кавалером ордена святого Георгия I степени. До него этот высший российский военный орден получили 27 июля 1770 года фельдмаршал Румянцев-Задунайский, 22 сентября 1770 года граф Орлов-Чесменский и 5 октября 1770 года граф Петр Иванович Панин.

Сохранились письма Екатерины II князю Василию Долгорукову за август и сентябрь 1771 года.

«Князь Василий Михайлович! Увидя из последней здесь полученной вашей реляции, что вы уже с армией в походе к Перекопам, я сие не иному чему приписать могу, как великому и чистосердечному вашему к отечеству и ко мне усердию, за что не токмо весьма я вас благодарю и к тому присовокупляю все те похвалы, которые таковаго ревностного поступка достойны. Вы в сей войне не единожды доказали, что тут, где польза Империи того требует, ваше стремление единственно есть преодолевать все препятствия. Будьте уверены, что я отменным оком смотрю на все ваши подвиги, и что ваши заслуги и любовь вашу ко мне никогда не забуду; а с отличным благоволением пребываю к вам доброжелательною.

Екатерина.

Князь Василий Михайлович! К крайнему моему удовольствию получила я чрез двух ваших ко мне отправленных курьеров от 14 и 17 чисел июля приятные известия о занятии Перекопской

линии, разогнании татар и принятии вами на договор татарской крепости Ор-Капы. Все сие служит следствием не только неустрашимости войск наших; но и разумного, доброго и искусного вашего предводительства, за что премного вам благодарствую. Сии заслуги суть рода такого, кои за собою влекут неминуемо честь и славу, и все те отличия, кои им приличны, и лестны чувствительным душам. Вы можете уверенны быть, что сделав то, что ОТ вас долг к службе вашей и к отечеству требовал, и и не оставлю вам оказать мое благоволение при всяком случае. Сего утра еще получила я равномерно приятное известие от вас о взятии штурмом генерал-майором князем Щербатовым крепости Арабата. Прошу всем, при вас находящимся генералитету, верхним и нижним чинам и до последнего, сказать мое признание за столь многие и различные их службы и труды, чрез которые они привели всему свету страшного неприятеля в ужас и трепет, даже до того, что не шлет куда деваться и что зачать. Впрочем остаюсь, как и всегда, к вам доброжелательна.

Екатерина.

Князь Василий Михайлович! Вчерашний день порадована я была вашими вестниками, кои приехали друг за другом следующим образом: на рассвете, конной гвардии секунд-ротмейстер князь Иван Одоевский, со взятием Кафы; в полдень, гвардии подпоручик Щербинин, Керчи и Еникуля, а пред захождением солнца артиллерии поручик Семенов с ключами всех сих мест и с вашими письмами. Первым долгом я почла принесть Всевышнему за столь многия Его щедроты со всем народом, коленопреклонное благодарение в здешнем Петропавловском Соборе, что исполнено сего утра с пушечной пальбой и за обеденным кушаньем пили мы здоровье ваше и всех храбрых, при вас находящихся воинов, виновников сегодняшней общей радости с пушечной пальбою же. Признаюсь, что хотя Кафа и велик город и порт имеет Морской; но Еникуль и Керчь открывают вход господину Синявину водой в тот порт, и для того оне много меня обрадовали. Благодарствую вам и за то, что вы уже подняли Российский флаг на Черном море, где давно не казался, а ныне веет на тех судах, кои противу нас неприятель употребить хотел и трудами вашими из рук его исторгнуты. Человек в свете распоряжает; но Бог один определяет, чему быть. Он благословил все ваши предприятия щастливыми успехами; вы же с вашей стороны ничего не пропустили и не проронили, что только могло споспешествовать самому делу. Усердие и искусство ваше увенчаны; вы достигли своего предмета, отечеству сделали пользу приобретением почти целаго Крымского

полуострова в весьма короткое время, а себе приобрели славу. Вы знаете, что по штату там Военного Ордена Святого Победоносца Георгия, оной вам принадлежит и для того посылаю вам крест и звезду первого класса, которые имеете на себя возложить и носить по установлению. На починки же вашего экипажа приказала я в дом ваш отпустить 60000 рублей Сына вашего князь Василия поздравьте от меня полковником. Приметна мне стала из писем ваших ваша персональная ко мне любовь и привязанность и для того стала размышлять, чем бы я при нынешнем случае могла вам сделать с моей стороны приязнь? Портрета моего в Крыму нет но и вы найдете его в табакерке, кою при сем к вам посылаю. Прошу ее носить, ибо я ее к вам посылаю на память от добраго сердца. Всем, при вас находящимся, скажите мое удовольствие, и не оставлю от вас рекомендованных наградить, о чем уже от меня повеление дано. В прочем будте уверены, что все вами сделанное служит к отменному моему удовольствию, и я остаюсь, как и всегда, к вам доброжелательна.

Екатерина.

P.S. Курьеры ваши мною пожалованы: князь Одоевский армейским полковником, Щербинин гвардии порутчиком, Семенов артиллерийским капитаном, и как его неприятельская батарея привела в конфузию, по вашей реляции, то ему дан крест.

Когда после скоропостижного побега Селим-Гирей-Хана, Крымские начальники избрать не умедлили и новаго Хана в лице Сагиб Гирея, а в Калги брата его, Шагин Гирея, и в Нурадины племянника их, Батырь Гирея, с представленным вам, со стороны оных Начальников, и ручательством за всех сих Султанов, которые, учиненною пред обществом присягою, вовсе отказались уже от Порты Оттоманской, то и остается нам такое избрание за благо принять, в показание Татарам, что, соглашаясь во всем на их желания, тем самым подаем им опыты безсумнительныя, сколь Мы склонны находимся доставить им совершенную во Кем независимость.

Вследствие сего имеете вы от себя, но Нашим именем и повелением, сделать о том пристойные отзывы, как Хану, так и всему начальству, дозволяя ему действительно вступить в правление Крымскаго полуострова, со всеми, свойственными и прежними обыкновениями утвержденными, правами и преимуществами, после того, как он подпишет акт своего отрицания пред своим народом от Порты, со обязательством никогда и ни при каких обстоятельствах оной не подчиняться, но навсегда пребывать в дружбе и союзе в Нашею Империею, и препоручит вам, как сей акт, так и нарочных для отправления ко

Двору Нашему, с формальным и непосредственным чрез особливую грамоту, в которую и содержание онаго акта внесено быть имеет, возвещением о своем на Ханство избрании и испрашиванием Нашего покровительства, и которая навсегда здесь и останется залогом его обязательства, но акт, с его посланниками, возвратится назад, для хранения в Крымский архив.

Пока продолжается с Портою война, безспорно и всякому и из Крымских уроженцев может быть чувствительно понятно, что чем больше Нашими войсками занято в Крыму укрепленных мест, особливо по берегам, тем беспечнее и безопаснее они от покушений Турецких…

Екатерина.

9 сентября 1771 года. Князь Василий Михайлович! Мне занадобилось послать в Швецию с поздравлением нова го Короля с восшествием на престол, полковника, к чему я назначила вашего меньшаго сына. Я надеюсь, что вам непротивно будет, что он приехавши из Кафы поедет посмотреть Стокгольм. Чаю он сегодня отправится, и тогда поспеет к Королевской коронации. Дав вам знать о сем, остаюсь, как всегда, к вам доброжелательною.

Екатерина.

В конце июня 1771 года к князю Василию из Карасубазара приехал ширинский бек Измаил с подписанным 110-ю знатнейшими татарскими мурзами присяжным листом об утверждении вечной дружбы и неразрывного союза с Россией, В марте 1772 года новым крымским ханом стал сторонник крымско-российского сближения Сахиб Гирей, который был признан Екатериной II манифестом от 11 апреля. К нему был отправлен полномочный посол – «Генерал-Поручик, Лейб-Гвардии Нашей Мойор и Кавалер Евдоким Щербинин – для вящего взаимной дружбы утверждения и обезпечивания Татар от всякой опасности на все последущее время.» Турция, занятая войной на Дунае, не могла оказать существенную военную помощь ханству. Однако в мае 1772 года турки попробовали высадиться у Бельбека и Ялты, но были отбиты и отправились домой. Екатерина II писала князю Долгорукову 2 июня: «Мы имеем в Крыму войска, за всею потерею в бывшую там язву, еще довольное число. И так, чтоб быть в состоянии изгнать нас оттуда, надобно неприятелю прислать армию, по крайней мере, в пятидесяти тысячах, и та бы еще одна страшна ли была. Но где может он взять потребное число судов для перевоза такого числа

и всего им нужнаго? Да хотя бы и удалось ему перевесть в тот полуостров некое число войска, что также не без труда будет, в рассуждении на то потребных судов: то могут ли, однако ж, стать противу Наших, там находящихся и всегда побеждать привыкших?»

1 августа 1772 года Екатерина II государственной грамотой признала «Хана Крымского независимым владетелем, а область Татарскую в равном достоинстве с протчими подобными свободными и под собственным правительством состоящими областями», а 1 ноября 1772 года в Карасубазаре Сахиб Гирей с «уполномоченными от Татарского народа», князь Долгоруков и генерал-поручик Е. Щербинин подписали мирный и союзный трактат, ратифицированный 29 января 1773 года Екатериной II, по которому Крым Объявлялся независимым ханством под покровительством России, к которой переходили морские черноморские порты Керчь, Еникале и Кинбурн.

«1773 года января 29.

Мирный и союзный трактат между Российскою Империею и Ханством Крымским.

Божиею поспешествующею милостию Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская, Московская, Киевская, Владимирская, Новогородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Государыня Пскровская и Великая Княгиня Эстлянская, Лифляндская, Корельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и иных Государыня и Великая Княгиня Нова-города Низовския Земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Белозерская, Удорская, Обдорская, Кондийская, и всея Северныя Страны Повелительница и Государыня Иверския Земли, Карталинских и Грузинских Царей и Кабардинский Земли, Черкасских и Горских Князей и иных Наследная Государыня и Обладательница.

Да будет всем известно.

Во имя Господа Бога, Создателя неба и земли, и всяких благ источника…

Теперь все Крыму принадлежащие Татарские народы, получа древнюю свою вольность и независимость, составляют уже особливую область под собственным своим правительством, благополучие, которое, при Божием покровительстве, произошло единственно от великодушного Ея Императорскаго Величества пособия…

1. Союз, дружба и доверенность да пребудут вечно между Всероссийскою Империею и Татарскою областию, без притеснения Вере, законов и вольности.

2. Сей татарской вольной области верховное и нижнее начальство, то есть, все вообще законы и обряды в самовластном Крымском Хане быть имеют, избрание ж и постановление на предбудущие времена в Ханы зависит от общаго согласия сей области, в которое, как и во все выше сказанное в сем пункте, ни Российская Империя, ни Оттоманская Порта, и протчия посторонния, никто и ни один ни в чем вмешиваться да не имеют…

5. Ея Императорское Величество за себя и за своих Всероссийского Престола преемников обещает Татарскую область сохранять и защищать во всех ея правах и начальных положениях.

6. Пока настоящая война между Всероссийскою Империею и Портою Оттоманскую продолжается, резоны военные требуют, чтоб укрепленные Крымские места заняты были Российскими императорскими войсками, но при всем том возможное старание употребится, чтоб сие обстоятельство ни в малейшую не было тягость Крымским обывателям.

7….содержаны да будут навсегда Российскою Империею крепости Яниколь и Керчь, на берегу пролива из Азовского в Черное море лежащие, с гаваньми и с околичною землею.

8. Кроме крепостей Яниколя и Керчи, протчия вся Крымския, какого бы названия и имени ни были, крепости с пристаньми, гаваньми, жилищами, со всеми во оных жителями, доходами и соляными озерами, в ведомстве и распоряжении Светлейшего Хана и Крымского правительства быть имеют, в которых, по заключении с Портою мира, Российские войски пребывания иметь не будут…

10. Подданные Ея императорского Величества, которые найтись могут в Крыме и у Татарских народов в плену и в неволе, да будут, в следствие союза и Дружбы, без всякого выкупа возвращены и впредь возвращаемы…

12. Дозволяется взаимная торговля Российским Подданным в Крыму, а Крымским в Российским местах, со всею безопасностию и выгодностями, какия Другие дружественные народы имеют, но с платежем Только по купеческим установлением надлежащей пошлины.

Учинено в городе Карасу 1772 года, ноября 1 дня.

Мы сию Нашу Императорскую ратификацию Собственноручно подписав, печатию Нашей Империи утвердить повелели. Дано в Санктпетербурге, Нашей резиденции, лета от Рождества Христова 1773, месяца генваря 29 дня, а государствования Нашего перваго на Десять года.

Подлинная ратификация подписана собственною

Ея Императорскаго Величества рукою тако:

Екатерина.
Контрасигнировал: Вицеканцлер князь Александр Голицын.
Утверждена Государственною большою печатью».

Оставив гарнизоны в крымских городах и освободив более 10000 русских пленников, большая часть 2-й армии Василия Долгорукова в начале 1773 года ушла назад к Днепру. Однако, не надолго – напряженность в Крыму значительно возрасла и русские гарнизоны стали подвергаться частым нападениям. Российско-турецкие переговоры 1772 года, проведенные в августе в Фокшанах и в октябре-марте в Бухаресте, не дали результата – Турция не согласилась де-юре отдать Крымский полуостров и пустить русские корабли в Черное море. Перемирие кончилось 9 марта 1773 года, и военные действия начались вновь. За 4 дня до конца перемирия Екатерина II отправила князю Василию Долгорукову письмо:

«5 марта 1773 года. Князь Василий Михайлович! К сожалению моему видя, что в Бухаресте конгресс успеха не имеет упорством вероломного нашего неприятеля, наконец рассуждено за благо предписать графу Румянцеву, чтобы он по истечении перемирия и окончании конгресса бесплодно, с вверенной ему армиею возобновил действие по той стороне Дуная; а как усердие и ревность ваша к службе мне известны, то надеюсь, что и вы ничего того не упустите учинить, что ко вреду неприятеля, служить может; наипаче же его не допустите до отнятия у вас Крымского полуострова, и до обеспокоивания наших границ. К чему вы на месте лучшие средства избирать имеете, и в воле вашей остаются учреждения, движения и местопребывания ваши. Я прошу Бога, да благословит ваши предприятия, и остаюсь, как и всегда, доброжелательною.

Екатерина.

Войска князя Василия Долгорукова вернулись на Крымский полуостров.

Ситуация в Крыму была неопределенна и сложна. Турецкий султан, являясь верховным калифом, держал в своих руках религиозную власть и утверждал новых ханов, что оставляло возможность реального влияния на Крымское ханство. И хотя действия Румянцева и победы прибывшего в Дунайскую армию Александра Васильевича Суворова в 1773–1774 годах над турками у Туртукая, Гирсово и Козлуджи приближали окончательный разгром Оттоманской Порты, в Крыму турецкое влияние было еще очень сильным. 27 января 1774 года Екатерина II писала князю Долгорукову: «Предубеждения Веры и привычки

всего сильнее, а Татара, кроме того, что внутреннее их к Туркам, однозаконцам, доброжелательство для Нашей стороны не может быть и никогда несумнительно, колико уже и по одному своему легкомыслию к злодействам поползновенны и удобьпреклоненны, нет нужды здесь изьяснять, как о деле весьма известном, потому осторожность и благорозумие требуют, чтоб не только неослабное за их поступками продолжалось бдение, но чтоб и такия взору и примечанию их оказательства представлялись иногда, по коим бы они удостоверены быть могли о возможности и избытке способен и к отмщению, за их неверность и противное поведение. Совершенно полагаемся Мы на ваше к Ним и к службе Нашей усердие, и искусство ваше и расторопность в делах воинских, пребывая в протчем Нашею Императорскою милостию к вам благосклонны.

Екатерина.»

В итоге крымские татары разделились на две группы – русской и турецкой ориентации, столкновения между которыми доходили до настоящих сражений! В начале 1774 года турецкая группировка поставила ханом тут же утвержденного турецким султаном-калифом Девлет Гирея, который попытался занять место своего низложенного брата Сахиб Гирея.

Большую, а может быть и решающую роль в удержании Крыма сыграла русская эскадра адмирала А.Н. Сенявина, насчитывавшая к тому времени 6 фрегатов, 10 плоских кораблей и 15 транспортных и разведывательных судов прикрывало крымское побережье от турецкого десанта от Балаклавы до Феодосии. 29 мая 1773 года 8 турецких линейных кораблей были захвачены в устье реки Кубани. Остатки турецкого флота ушли, но 22 июня у Балаклавы появилась турецкая эскадра, доставившая 6-тысячный турецкий десант, высадка которого на полуостров обеспечивала турецкое преимущество в количестве солдат над четырехтысячным русским крымским корпусом. Однако высадиться туркам не дали – после ожесточенного шестичасового сражения турецкие суда ушли домой. 23 августа 1773 года 4 российских корабля отогнали от крымских берегов, сильно потрепав, 18 турецких судов. Вице-адмирал А.Н. Сенявин докладывал в Адмиралтейств-коллегию: «Турецкий флот не стерпя больше жестокого от наших огня и почувствовав, знатное повреждение, с обыкновенной своей робостью и беспорядком обратился в бег.» 5 сентября турецкие корабли были вновь отброшены от берегов Крыма. Алексей Наумович Сенявин был произведен в полные адмиралы.

9 июня 1774 года в сражении в Керченском проливе турецкий

флот из 5 линейных кораблей, 9 фрегатов и 26 галер и шебек в очередной раз был разбит и разогнан 2 российскими фрегатами. Через три недели 30 турецких вымпелов были отогнаны от крымского побережья 9 русскими кораблями. До основания Севастополя и создания российского черноморского флота оставалось еще 10 лет.

Военные и финансовые ресурсы Турции в шестилетней войне были практически исчерпаны и 4 июля 1774 года к Петру Александровичу Румянцеву прибыли уполномоченные султана с предложением мира.

15 июля 1774 года, в годовщину Прутского договора 1711 года, в небольшой болгарской деревне Кучюк-Кайнардже на правом берегу Дуная у города Силистрия Петром Александровичем Румянцевым и верховным визирем Муссун-заде Мегмет-пашой был подписан мирный договор России и Турции, по которому к России отходили земли от Буга и крепости Кинбурн при устье Днепра до Азова с Прикубаньем и Приазовьем, крепости Керчь и Еникале, запиравшие выход из Азовского в Черное море. Керченский пролив стал российским, что имело большое значение для южной торговли России. Крымское ханство было объявлено независимым от Турции. Русские торговые суда получили право проходить Босфор и Дарданелы наравне с английскими и французскими. Турция выплачивала России контрибуцию в четыре с половиною Миллиона рублей. Историческая задача выхода России в Черное море практически была решена.

О остроте положения на Крымском полуострове многое говорит ответное письмо Екатерины II князю Долгорукову от 7 июля 1774 года:

«Князь Василий Михайлович! Письмо ваше от 15 числа сего месяца, которым вы просили, чтоб ваше имение по вас оставить жене вашей, я сего же месяца 28 дня конфирмовав отослала в Сенат. Впрочем остаюсь как и всегда вам доброжелательною.

Екатерина.

P.S. Только я сердечно желаю, чтоб многие годы сие распоряжение осталось без действия, ибо по усердию вашему ко мне весьма вам желаю здравствовать и ласкаюсь в скором времени услышать о щастливом отражении Турок от берегов Крымских.»

Пытаясь использовать последний шанс остаться на Крымском

полуострове, практически во время подписания турецко-российского мирного договора Девлет

Гирей высадился в июле 1774 года с турецким десантом в Алуште, однако туркам пройти в глубь Крыма не позволили. 23 июля 1774 года трехтысячный русский отряд разбил турецкий десант, укрепившийся в Алуште и у деревни Шумы. В этом бою получил ранение в глаз командир гренадерского батальона Михаил Илларионович Кутузов. Князь Василий Михайлович Долгорукий докладывал Екатерине II 28 июля и 3 августа 1774 года: «Вследствие донесения моего Вашему императорскому величеству от 18 числа настоящего месяца о предпринятом мною походе на отражение неприятеля, выгрузившего флот и поставившего лагерь свой при местечке Алуште, поспешил я туда, всемилостивейшая государыня, с всевозможною скоростию, присовокупя еще к себе пять баталионов пехоты от войск, расположенных на речке Булзыке. 22 числа прибыл я, всемилостивейшая государыня, к деревне Янисаль, в самую внутренность гор, откуда лежащая к морю страшною ущелиною дорога окружена горами и лесом, а в иных местах такими пропастьмы, что с трудом два только человека в ряд пройти и по крайней мере трехфунтовые орудия везены быть могут, одни же только войски Вашего императорского величества, на собственных своих раменах, открыли ныне там путь двенадцатифунтовым новой пропорции единорогам. 23 числа отрядил я, всемилостивейшая государыня, к поискам над неприятелем генерал-порутчика и кавалера графа Мусина-Пушкина с семью баталионами пехоты, в числе находящихся под ружьем двух тысяч осьми сот пятидесяти человек, сам же я остался с двумя баталионами пехоты и двумя конными полками прикрывать тыл его, чтоб не быть ему отрезану. Между тем турки, отделясь от главного своего при Алуште лагеря, по уверению пленных, тысячах в семи или осьми, заняли весьма твердую позицию в четырех верстах от моря, пред деревней Шумою, на весьма выгодном месте, с обеих сторон которого были крутые каменные стремнины укреплены ретраншементами. Как скоро войски Нашего императорского величества повели на оные свою атаку двумя каре, то встречены были жесточайшим из пушек и ружей огнем. Неприятель пользуясь удобностию места и превосходством сил, защищался из ретраншементов с такою упорностию, что более двух часов, когда оба каре, подаваясь вперед непроходимыми стезями, приобретали каждый шаг кровию, не умолкала с обеих сторон производимая из пушек и ружей наисильнейшая борьба. По приближении к обеим ретраншементам, генерал-порутчик граф Мусин-Пушкин,

которого храбрость и ревностное к службе Вашего императорского величества усердие довольно Вашему императорскому величеству известны, приказал, приняв неприятеля в штыки, пробраться в ретраншемент, что и было исполнено с левой стороны, где самое сильнейшее было сопротивление Московского легиона гренадерским баталионам под собственным приводством храброго господина генерал-майора и кавалера Якобия, с другой же секунд-майором Шипиловым, подкрепляемым от полковника Либгольта столь удачно, что турки, возчуствовав поражение удариших в них войск Вашего императорского величества, бросились стремглав к Алуште, оставя спои батареи и будучи гонимы к обширному лагерю своему, на берегу стоящему. В сем случае генерал-майор Якобий хотя командовал, всемилостивейшая Государыня, и второю бригадою, но по ближайшему оныя положению, будучи употреблен ко взятию ретраншемента, в жесточайшем огне поступал с отменном» неустрашимостию, получил контузию, застрелена под ним лошадь и близ него убиты собственные его ли» человека. Господин же генерал-майор Грушицкий, Приближаясь с баталионом гренадер, и произведением жестокой канонады делая великий вред неприятию, способствовал войскам, ретраншемент атакующим, скорее оного достигнуть, когда между тем и секунд-майор Преториус разбил и прогнал многочислие неприятеля из деревни Демерджи, из которые удобно было оным зайти в тыл графу Мусину-Пушкину. Числе побитого неприятеля наверное знать не можно, поелику и в пропастях и между каменьями повержены тела их, но на месте осталось более трех сот трупов; взятых же в плен: один байрактар и два рядовых турков, четыре пушки и несколько знамен. Из числа же всего войска Вашего императоского величества убитых: унтер-офицеров, капралов и разного звания рядовых тридцать два. Ранены: Московского легиона подполковник Голенищев-Кутузов, приведший гренадерский свой баталион, из новых и молодых людей состоящий, до такого совершенства, что в деле с неприятелем превосходил оный старых солдат. Сей штаб-офицер получил рану пулею, которая, удариви между глазу и виска, вышла на пролет в том же месте на другой стороне лица… По возвращении от Янисаля к тяжелому обозу застал я почти оный окруженный многочисленными войсками Татарскими под предводительством Хана, которые пред самым прибытием моим отбиты были посланными от меня наперед четырьмя Бахмутского полку гусарскими и двумя Борисоглебского полку драгунскими эскадронами. Между тем же Татара, Всемилостивейшая Государыня, сильными своими скопищами приведши в

замешательство посты, затруднили мне коммуникацию, по чему мне и надлежало, Всемилостивейшая Государыня, податься к Перекопу, где и кровопролитные струи потечь были бы должны. Но в то самое время, когда выступал я к бою, от графа Петра Александровича присланы ко мне два везирские Чегодаря, следующие один в Грузию, а другой к Паше Гаджи-Али-Бею, с объявлением о постановленном мире, с коими и Хан своих Мурз ко мне прислал. Между тем высадившийся при Алуште Сераскир-Паша, Гаджи-Али-Бей, и Капитан-Паша Мегмед, флотом Турецким командующий, по прибытии к ним отправленнаго от меня Везирского Чегодаря с повелениями о прекращении войны, прислали ко мне первейших по себе чиновников с поздравлениям о мире, уведомляя, что они в силу полученных фирманов, пресекли военные действия, и прося о равномерной с моей стороны поступи, в чем я сих Пашей и удостоверил. О Хане и Правительстве Крымском Вашему Императорскому Величеству осмеливаюсь доложить, что первейшая особа весьма слабого разума, не имея не только искусства в правлении, но ниже знает грамоте; по нем же управляющие суть самые враги Державе Вашего Императорского Величества, охотно возжелающие поработить себя Порте Оттоманской.»

По мирному договору армия князя Долгорукова, как и остатки турецких войск должны были покинуть Крымский полуостров, оставив гарнизоны в Керчи и Еникале.

В это же время к князю Долгорукову за помощью против восставших пугачевцев обратился Воронежский губернатор генерал-поручик Щетнев. Войска под командованием генерал-поручика Мусина-Пушкина были отправлены к Бахмуту, Полтаве и на Дон.

Сохранилось письмо Екатерины II князю Долгорукову о выделении войск с Крымского полуострова для борьбы с Емельяном Пугачевым:

«Царское село, 20 августа 1774 года. Усмотря из реляции вашей от 5 числа Августа, что вы генерал-поручика графа Пушкина отправили с пехотным полком, двумя карабинерными полками, с тремя эскадронами драгун и десятью гусарскими эскадронами, и что вы велели из оставшихся по линии рот, пятьсот человекам пехоты итти же с таким приказанием, чтоб шел Прямо на Воронеж; что весьма служит к моему удовольствию и за что весьма вас благодарю, и конечно сие служить будет к скорейшему истреблению бунта и к пресечению разорения и истребления. Сия твердая наша решимость весьма похвальна; я надеюсь, что и к крымским делам вы ее употребите у места и к стате. В прочем остаюсь к вам доброжелательною.

Екатерина.

19 августа 1774 года Екатерина II приказала князю Долгорукову уйти с Крымского полуострова только после отплытия турецкого десанта от Судака – «вы не прежде начало тому сделаете, как по оставлении Турками сего полуострова.» Турецкий флот имитировал отход от крымских берегов и 26 августа 1774 года в соответствии с приказом и мирным договором князь Долгоруков начал вывод войск. Он докладывал Екатерине II: «В силу полученного мною из Военной Вашего Императорского Величества Коллегии Указа о выводе войск из Крыма в определенные им, по Высочайшему Вашего Императорского Величества квартиры, приступил я к сему исполнению, и большая уже часть войск, выступя отсюда, имеет отдохновение на Днепре, а через четыре дни считаю я, Всемилостивейшая Государыня, выступать, кроме назначенного в Керче и Ениколе Белевского пехотнаго полку. Войски же Турецкия, как морские, так и сухопутныя, не отходят от берегов Крымских, чему Гаджи-паша, Капитан-Паша Мехмет-Гирей, в своих со мною переписках, полагают причиною неполучение о том фирманов от Порты; а сколько я мог сведать чрез конфидентов, приобретенных мною с их стороны, то заподлинно меня уверяют, что флот по выходе моем отправится в путь свой, а пехота, до двадцати пяти тысяч простирающаяся, непременно останется зимовать в Крымской области, и в ханское достоинство возведен будет Девлет-Гирей-Султан, что все и легко статься может, Всемилостивейшая Государыня, в рассуждении безумия здешнего народа.» В ногайские степи для поднятия мятежа попытался прорваться Емельян Пугачев, только что взявший Саратов, но был отброшен полками армии князя Долгорукова.

15 сентября 1774 года Екатерина II писала Долгорукову: «Что же касается до состояния, в каком остаются Крымские дела, то мы видим, что Турецкие войска заняли уже, или занимают знатнейшие Крымские места. Мы находим уже за нужно, чтоб в таком случае имеющий быть вам преемник, в отвращение продолжающегося неудобства, отозвался к командующему в Крыме турецкими войсками Сераскеру по следующей здесь форме письма и представил ему непристойность его поведения.

Форма письма к командующему в Крыме Турецкими войсками Сераскеру от имени генерала Аншефа Князя Долгорукова или его преемника.

Российский императорский Двор с удивлением уведомился, что когда, по праву войны, в Крымском полуострове находившияся Ея Императорского Величества, самодержицы

Всероссийской, моей Всемилостивейшей Государыни, войски оставляют сей полуостров и бывшия в занятии все места, по силе заключеннаго между обеими высокими Империями трактата, кроме двух выговоренных крепостей, предваряя в том и положенные оным сроки, с полною доверенностию на добрую веру священных обязательств, каковы суть артикулы мирнаго трактата, в то время, напротив того, ваши войска совсем в противность онаго же трактата, имянно третьяго из того пункта, по которому наиторжественным образом признаны Татара народом вольным и ни от кого не зависимым, с присвоением им полнаго и неограниченна го владения над Крымскими местами занимают, однако ж, наизнатнейший из того, распространяясь по всему Крыму, которой им равным образом оставить надлежало, как то уже с стороны Русских войск действительно и исполняется.

Я при таких обстоятельствах должностию моею и почел представить Вам непристойность сего Вашего поведения, и что тем меньше что либо подобное ожидаемо быть могло, поелику обе высокия Империи, превратя, к благополучию обоюдных поданных продолжавшуюся войну в дружбу и доверенность, согласились со всею искренностью и истинным желанием в точности исполнять все положенныя договоры мира, по чему вы и пред собственным вашим Двором ответствовать можете в неприятных следствиях таких ваших самовластных распоряжений и предприимчивостей, кои в самом основании нарушая один из главнейших пунктов мирнаго трактата, суть наиудобнейшия к произведению между обеих сторон новой остуды и новых затруднительств, которые да отвратит Всевышний.

Но по сим толико справедливым основаниям и остается мне ожидать от Вашего благоразумия, свойственнаго вашему званию, что Вы, соображаясь с истинными намерениями обеих высоких Империй, не оставите принять в достойное уважение мои необходимые изъяснении, и следовательно впредь уже воздержитесь от всего, что не может быть согласно с настоящим взаимных дел положением, сделав и всему прошедшему надлежащее и удовольствительное поправление.»

Политическое положение Екатерины II было непростым, было не до скандала с Турцией, и окончательное решение проблемы Крымского полуострова пришлось отложить. Резидент-уполномоченный в Крыму докладывал в Петербург о разговорах местной знати: «Напрасно Оттоманская Порта поторопилась заключением мира: теперь то настало время Русских гораздо прижать и законы им предписывать, потому что некий из знаменитых Генералов (Пугачев – авт.) сделал бунт и своим немалочисленным войском, состоящим из Киргизов, Казанских

татар, Дагистанцов и других Казаков, уже двумя знаменитыми городами овладел и следует к Москве; с другой стороны Шведы осадили две крепости, а с третьей между Министерством и Генералитетом великое несогласие: одни хотят, чтоб государствовала Императрица, а другие чтоб возвести на престол Наследника, чего ради Предводитель (князь Долгоруков – авт.) уже и отправил в Россию конные полки, а и сам с пехотою готовится выступить туда же и поспешать походом Резидент явил им, что все сии известия несправедливы; ибо названный знаменитым Генералом есть самый разбойник, простой Казак, называемый Емелька Пугачев, который, собрав себе из таких же бродяг и злодеев шайку немалую, разбивал и грабил в отдаленных местах, где мог, однако вся шайка его разбита и истреблена, а он пойман. Шведы с Россиею в дружбе и добром согласии; ибо и Посланник Швеции при Императорском Дворе пребывание свое имеет; в Министерстве с Генералитетом не может быть по тому пункту несогласии, в рассуждение что Императрица Российская есть Самодержавная Монархиня; а что кавалерия за Перекоп выступила, то всеконечно для подножнаго корму; ибо в околичности Перекопа ни травы, ни довольно пресной воды, для толикаго множества лошадей и людей, нет. О сем сообщении уведомлен Предводитель.»

В начале 1775 года войска Второй армии князя Долгорукова располагались в Пирятине, Новых Водолагах, Бахмуте, Царичинке, Александровской крепости, Запорожских зимовниках, Белевской крепости. Отряд генерала Щербинина дислоцировался на Кубани. В Ениколе и Керчи находились Тамбовский и Белевский пехотные полки под командованием полковника Ступишина. Для занятия Кинбурна оставался отряд генерал-майора Кохиуса – Брянский и Елецкий пехотные полки и Донской кавалерийский полк, расположенные в Алешках и Шангирейском ретраншементе. Турки стояли у Кафы, игнорируя Кучук-Кайнарджийский мирный трактат и откладывая свой уход под разными надуманными предлогами. Турция хотела обмануть Россию и оставить себе Крымский полуостров и потеряла его навсегда!

4 января 1775 года Екатерина II вызвала князя Василия Михайловича Долгорукова в Москву:

«Князь Василий Михайлович! На сих днях отьезжаю я к Москве, где желаю иметь удовольствие вас видеть: и для того как теперь никаких весьма важных происшествий со стороны Крыма ожидать неможно, ибо в Цареграде все клонится более к ладу, нежели к раздору, то поручите команду князю Прозоровскому и

приезжайте к Москве, где увидя вас, не оставлю вам изустно повторить, за все оказанное ваше в нынешнюю войну усердие, мою к вам доброжелательность.

Екатерина.

P.S. С *новым* годом вас поздравляю.»

Сохранился ордер князя Долгорукова-Крымского о передачи командования Второй армиею генерал-поручику А.А. Прозоровскому от 18 января 1775 года: «Вчерашний день удостоился я получить высочайшее ея императорского величества собственноручное письмо, коим ея императорское величество всемилостивейше позволяет мне, поруча в точное командование все войска второй армии вашему сиятельству, отъехать в Москву. Вследствие чего я прилагая при сем о расположении их по местам на квартирах расписание вашему сиятельству рекомендую: О состоянии оных и по всем доходящим к вам донесениям из Крыму, от оставленного в Керче и Ениколе с двумя пехотными полами полковника Ступишина, чрез генерал-майора Кохиуса в Алешках, для занятия Кинбурна с двумя пехотными ж и одним Донским полками находящегося, також и от генерал-майора и кавалера Якобия, кои все остаются в команде вашего сиятельства, изволите обо всех происшествиях доносить к его сиятельству графу Петру Александровичу с нарочными; а в государственную военную коллегию по обыкновенной почте…»

Весной 1775 года князь Василий Михайлович Долгоруков прибыл в Москву. 10 июля 1775 года, в день торжественного празднования годовщины Мирного российско-турецкого договора, Екатерина II наградила его алмазными знаками к ордену святого Андрея Первозванного и шпагой с алмазами. Василий! Михайлович стал Долгоруковым-Крымским и с этим титулом вошел в историю России.

По выходе из Крыма армии Долгорукова, турецкие корабли вернулись в Керченский пролив и высадили десант, расположившийся в Каффе. Крымским ханом стал Девлет Гирей IV. Действия турок дали возможность русскому корпусу генерал-поручика А.А. Прозоровского в ноябре 1776 года войти в Крым и, не встречая сопротивления, укрепиться в Перекопе. Поводом послужил сбор оставленного с 1774 года в Крыму военного интендантского имущества. Одновременно с этим новый русский ставленник из семьи Гиреев – Шагин Гирей, ставший ханом Кубани, утвердился на Таманском полуострове. Девлет Гирей сосредоточил свои отряды у Карасубазара и на реке Индаль. Ему противостоял генерал-поручик Александр Суворов, 17 декабря

1776 года с полками своей Московской дивизии прибывший в Крым под начало Александра Александровича Прозоровского и 17 января 1777 года вступивший во временное командование днадцатитысячным русским корпусом. В начале марта 1777 года суворовские отряды майоров Георгия Богданова и Людвига Гервата подошли к Карасубазару и Индали. Узнав о подходе русских, татарские войска рассеялись. Девлет Гирей с небольшой свитой отошел к Бахчисараю, где опять начал собирать татар. Шагин Гирей высадился в Еникале, у современной Керчи, большая часть местной татарской знати перешла на его сторону, 20 марта Ряжский пехотный полк занял Каффу. Девлет Гирей с турецким десантом уплыл в Стамбул. Суворов доложил Прозоровскому о том, что находившиеся в Бахчисарае вражеские войска распущены. Шагин Гирей был избран крымским ханом. По его просьбе русские войска остались в Крыму, расположившись у Ак-Мечети.

Учившийся в Салониках и Венеции, знающий несколько языков Шагин Гирей правил не считаясь с национальными татарскими обычаями, и скоро превратился для своего народа в изменника и вероотступника. Почти независимые от хана владения татарской знати он преобразовал в 6 наместничеств-каймакамств – Бахчисарайское, Ак-Мечетское, Карасубазарское, Гезлевское или Евпаторийское, Кафинское или Феодосийское и Перекопское. Каймаканства состояли из 44 кадылыков – округов, в которых насчитывалось 1474 деревни с 14323 дворами. Ханом были конфискованы вакуфы – земли крымского духовенства. При попытке Шагин Гирея создать армию европейского типа в ноябре 1777 года начался бунт. После высадки в Крыму в декабре 1777 года назначенного в Стамбуле ханом Селим Гирея III, восстание охватило весь Крымский полуостров. Началась гражданская война. Восставшие против Шагин Гирея татары были разбиты русскими войсками.

29 ноября 1777 года фельдмаршал Петр Румянцев назначил Суворова командовать Кубанским корпусом. Суворов, 5 января 1778 года принявший кубанский корпус, за короткое время сделал полное топографическое описание Кубанского края и серьезно укрепил кубанскую кордонную линию, бывшую, по сути, границей России и Турции. 23 марта 1778 года. Суворов был назначен вместо Прозоровского командующим войсками Крыма и Кубани и 27 апреля прибыл в Бахчисарай. Он разделил Крым на четыре территориальных округа, протянул по побережью линию постов на расстоянии по 3–4 километра между ними. Русские гарнизоны размещались в крепостях и сорока укреплениях – рентраншементах, фельдшанцах, редутах, вооруженных 90

орудиями. Первый территориальный округ занимал земли: на севере Крымского полуострова – от Перекопа до Чонгара, на востоке – от Чонгара до Карасубазара, на юге – от Карасубазара до Черного моря, реки Булганак, на западе – от Булганака до Перекопа. Центр округа находился в Гезлеве. Второй территориальный округ занимал юго-западную часть Крыма: на востоке – от Карасубазара до Судака, на юге – по крымскому побережью от Судака до реки Булганак. Центр округа был в Бахчисарае. Третий округ находился в восточном Крыму и занимал территорию на востоке – от Геническа по Арабатской стрелке до Арабата, на юге – по побережью Черного моря. Центр округа находился в Салгирском ретраншементе. Четвертый территориальный округ занимал Керченский полуостров с центром в Еникале. За Перекопом была дислоцирована бригада генерал-майора Ивана Багратиона.

16 мая 1778 года Александр Суворов обратился к своим войскам со специальным приказом, по которому русские должны были «соблюдать полную дружбу и утверждать обоюдное согласие между россиян и разных званиев обывателей». Суворову также удалось заставить уйти из Ахтиарской бухты остававшиеся там турецкие военные суда, начав строить укрепления на выходе из бухты и запретив туркам брать на берегу пресную воду из реки Бельбек. Турецкие корабли ушли в Синоп. Чтобы ослабить Крымское ханство Суворов по совету Григория Потемкина содействовал переселению христианского населения из Крыма на новые земли азовского побережья и устья Дона, что вызвало ярость Шагин Гирея и местной татарской знати. С мая по сентябрь 1778 года из Крыма в Приазовье и в Новороссию было переселена тридцать одна тысяча человек.

Известна «Высочайшая грамота об устройстве Христиан, выведенных из Крыма», подписанная Екатериной II 21 мая 1779 года:

«Божею поспешествующею милостью мы, Екатерина II, императрица и самодержица всероссийская, московская, киевская, владимирская, новгородская, царица казанская, царица астраханская, царица сибирская, государыня тверская и великая княгиня смоленская, княгиня эстлянская, и лифляндская, корельская, терская, югорская, пермская, вятская, болгарская и иных государыня, и великая княгиня Новагорода, низовския земли, черниговская, рязанская, ростовская, ярославская, белозерская, удорская, обдорская, кондийская и всея северные страны повелительница и государыня иверския земли, черкасских и горских князей, и иных наследная государяня и

обладательница.

…всему обществу, крымских христиан греческого закона, всякого звания всем вообще, и каждому особо наше императорское милостивое слово.

…рассмотрев посланное к нам от вас из Бахчисарая от 16-го июля сего года общее и на доброй воле основанное прошение о избавлении всех вас от угрожаемого ига и бедствия принятием в вечное подданство Всероссийской империи, соизволяем мы не токмо принять всех вас под всемилостивший наш покров и яко любезных чад успокоив под оным, доставить жизнь толико благоденственную, колико желание смертных и беспрестанное наше о том попечение простираться могут.

На подлинной подписано собственною ея
императорского величества рукою тако:
Екатерина.»

В июле 1778 года у берегов Крыма в Феодосийской бухте с намерением высадить десант появился турецкий флот во главе с командующим турецким флотом Гассан-Газы-пашой, состоящий из ста семидесяти вымпелов. Турки прислали письмо с требованием запрета плавания русским кораблям вдоль крымского побережья, угрожая топить их в случае невыполнения ультиматума. Однако твердая позиция Суворова, заявившего в ответном письме, что он будет обеспечивать безопасность Крыма всеми доступными ему способами, не позволила туркам высадить десант. Турецкий флот ушел домой. Такая же попытка была повторена в сентябре 1778 года, но благодаря Суворову, укрепившему крымское побережье и приказавшему бригаде князя Багратиона войти в Крым и маневрировать с войсками по берегу соответственно движению турецких судов, турки не решились высадиться и ушли домой. Суворов докладывал своему командующему П.А. Румянцеву:

«Сего 7-го турецкий флот, примерно до 170 больших и малых судов, облег крымские берега из-за Джавадинской пристани, заворотя балаклаву по разным местам, истинною силою в близости Кафы… Господина генерал-поручика князя Багратиона войск команды его с Козловским пехотным полком господин бригадир Петерсон, вперед его сиятельства прибывший в Крым, приблизился тогда к Кефе, а отряды 3-й бригады распространил на оба крыла под нужные заставы в сравнение турецким эволюциям. Его же сиятельству князю Багратиону сообщено было, чтобы он, выступя от Шангирея, перешед перекоп, расположился под Мамшиком на Черторлике в резерве.

Дальних подозрений в татарах, но и в светлейшем хане, не

примечено.

Реченного 7-го, 8-го и 9-го числа турецкие разъездные корабли и иные суда непрестанно оказывались вдоль берега близ российских укреплений разноместно. Против того чинил господин бригадир маневры свои с потребнейшим благоразумием, тако ж и протчие ему подчиненные военачальники.

10-го числа требовали у него турки сходить на берег для прогулки, – отказано под карантином; нескольким чиновным посидеть на керченской бирже-отказано; набрать на суда пресной воды – отказано; той воды несколько боченков с полною ласковостью отказано. Не дождавшись моего ответа, вдруг начали они стрелять во всем флоте сигналы и надувши паруса, отплыли в открытое море из виду вон; разные их суда с пунктов берега примечены уклоняющиеся к Константинополю. Вслед за их правым крылом отряженный господином контр-адмиралом и кавалером Клокачевым, флота капитан Михнев, с пятью кораблями прибыл в Кафинскую бухту…

Посему впредь о происходящем не оставлю вашему сиятельству в покорности моей доносить.

Генерал-порутчик Александр Суворов.».

10 марта 1/79 года Россия и Турция подписали Анайлы-Кавакскую конвенцию. Россия должна была вывести свои войска с Крымского полуострова и, как и Турция, не вмешиваться во внутренние дела ханства. Турция признала Шагин Гирея крымским ханом и подтвердила независимость Крыма и право свободного прохода через Боспор и Дарданеллы для русских торговых судов. Российские войска, оставив шеститысячный гарнизон в Керчи и Еникале, в середине июня 1779 года ушли из Крыма и Кубани. Суворов рапортовал Румянцеву:

«В сходство прежних моих вашему сиятельству донесений, Крымского корпуса войски сего числа последние через перекопскую линию перешли и следуют к Шангирейскому ретраншементу, а передовые полки уже через Днепр переправились и располагаются для смотру инспекторского при Кизикермене». Сам Суворов получил новое назначение в Астрахань.

Не смирившись с потерями по Кучук-Кайнарджжийскому мирному договору, Оттоманская Порта стремилась вернуть в полной мере Крымское ханство и земли Северного Причерноморья. Очередное восстание крымских татар, спровоцированное Турцией осенью 1781 года во главе с братом Шагин Гирея – Батыр Гиреем и крымским муфтием, было подавлено, но после серии казней начался новый бунт,

вынудивший Шагин Гирея бежать в русский гарнизон в Керчь. При поддержке Турции в Феодосии новым крымским ханом был провозглашен Махмут Гирей. Корпус русской армии генерал-поручика де Бальмена, сформированный в Никополе, взял Карасубазар, разбив войско нового хана, возглавленное его братом Ал им Гиреем, Махмут Гирея взяли в плен, Потемкин вновь назначил Суворова командующим войсками в Крыму и на Кубани. Шагин Гирей, восстановленый крымским ханом вернувшись в Бахчисарай, снова начал казни, вызывая очередной мятеж. Екатерина Великая своим повелением посоветовала ему добровольно отказаться от ханства и передать Крым России, на что Шагин Гирею пришлось согласиться, В феврале 1783 года Шагин Гирей отрекся от престола и манифестом Екатерины II от 8 апреля 1783 года Крым вошел в состав Российской империи.

«О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую державу.

Манифест Екатерины II от 8 апреля 1783 года.

В прошедшую с Портой Оттоманскую войну, когда силы и победы оружия Нашего давали нам полное право оставить в пользу Нашу Крым, в руках наших бывший, Мы сим и другими пространными завоеваниями жертвовали тогда возобновлению доброго согласия и дружбы с Портою Оттоманскою, преобразив на тот конец народы татарские в область вольную и независимую, чтобы удалить навсегда случаи и способы к распрям и остуде, происходившим часто между Россиею и Портою в прежнем татар состоянии… Но ныне… по долгу предлежащего нам попечения о благе и величии Отечества, стараясь пользу и безопасность его утвердить, как равно полагая средством, навсегда отдаляющим неприятные причины, возмущающие вечный мир между империями Российскою и Оттоманскою заключенный, который мы навсегда сохранить искренне желаем, не меньше же и в замену и удовлетворение убытков Наших, решилися Мы взять под державу Нашу полуостров Крымский, остров Таман и всю Кубанскую сторону.»

По приказу Г. А. Потемкина войска Суворова и Михаила Потемкина заняли Таманский полуостров и Кубань, а войска Де Бальмена из Кизикермена вошли в Крым. С моря русские войска прикрывали корабли командующего Азовской эскадрой вице-адмирала Клокачева.

По распоряжению Екатерины II сразу же после присоединения Крыма, к полуострову был направлен фрегат «Осторожный» под командованием капитана II ранга Ивана Михайловича Берсенева

для выбора гавани у юго-западного побережья. Осмотрев в апреле 1783 года бухту у поселка Ахтиар, расположенную Недалеко от развалин Херсонеса-Таврического. И.М. Берсенев рекомендовал ее в качестве базы для кораблей будущего Черноморского флота. Екатерина II своим указом от 10 февраля 1784 года повелела основать здесь «военный порт с адмиралтейством, верфью, крепостью и сделать его военным городом». В начале 1784 года был заложен порт-крепость, названный Екатериной II Севастополем – «Величественным городом».

В мае 1783 года Екатерина II направила в Крым вернувшего из-за границы после лечения М.И. Кутузова, который с блеском решил все дипломатические и политические проблемы, касающиеся российского присутствия на Крымском полуострове.

В июне 1783 года в Карасубазаре, на вершине горы Ак-Кая, князь Потемкин принял присягу на верность России крымской знати и представителен всех слоев крымского населения. Крымское ханство перестало существовать. Было организовано земское правительство Крыма, в которое вошли князь Ширинский Мехметша, Гаджи-Кызы-Ага, Кадиаскер Муследин Эфенди.

Сохранился ордер Г.А. Потемкина командующему русскими войсками в Крыму генералу Де Бальмену от 4 июля 1783 года: «Воля ее императорского величества есть, чтобы все войска, пребывающие в Крымском полуострове, обращались с жителями дружелюбно, не чиня отнюдь обид, чему подавать пример имеют начальники и полковые командиры.»

В августе 1783 года Де Бальмена сменил новый правитель Крыма генерал И.А. Игельстром, оказавшийся хорошим организатором. В декабре 1783 года он создал «Таврическое областное правление», в которое, вместе с земскими правителями вошла почти вся крымско-татарская знать. 14 июня 1784 года в Карасубазаре прошло первое заседание Таврического областного правления. Указом Екатерины II от 2 февраля 1784 года была учреждена Таврическая область под управлением назначенного и президентом военной Коллегии Г.А. Потемкина, состоящая из Крымского полуострова и Тамани. В Указе было сказано: «… полуостров Крым с землею, лежащей между Перекопа и границ Екатеринославского наместничества, учреждая областью, под именем Таврической, покуда умножение населения и разных нужных заведений подадут удобонсть устроить ее губернию, препоручаем оную в управление нашему генералу, Екатеринославскому и Таврическому генерал-губернатору князю Потемкину, которого подвигом и самое наше и всех. сих землях предположение исполнено, предоставляя ему разделить ту область на уезды, назначить города, приуготовить к открытию в

течение нынешнего года, и о всех подробностях, к тому относящихся, донести нам и Сенату нашему.». 22 февраля 1784 года указом Екатерины II высшему сословию Крыма были предоставлены все права и льготы российского дворянства. Русскими и татарскими чиновниками по приказу Г.А. Потемкина были составлены списки 334 новых крымских дворян, сохранивших за собой земельную собственность.

22 февраля 1784 года Севастополь, Феодосия и Херсон были объявлены открытыми городами, для всех народов, дружественных Российской империи. Иностранцы могли свободно приезжать и жить в этих городах, принимать российское гражданство.

В апреле 1784 года Суворов сдал командование в Крыму и на Кубани генерал-поручику Леонтьеву и выехал в Москву. Сохранилось письмо Потемкина Суворову от 5 ноября 1784 года: «Всемилостивейше пожалаванную вам золотую медаль, из числа сделанных на присоединение к Российской империи полуострова Крымского, так как имевшему участие в том деле, сим имею честь препроводить к вашему превосходительству, пребывая впротчем с отличным почтением, вашего превосходительства, милостивый государь мой, покорным слугою, Князь Потемкин.».

На Крымском полуострове не вводилось крепостное право, татары были объявлены казенными крестьянами. Отношения между крымской знатью и зависимым от них населением не были изменены. Земли и доходы, принадлежавшие крымскому хану перешли к русской казне. Все пленные – подданные России были освобождены. В конце 1783 года в Крыму имелось 1474 деревни, а население Крымского полуострова насчитывало около шестидесяти тысяч человек, основным занятием которого было разведение коров и овец.

В конце 1783 года были отменены внутренние торговые пошлины и сразу увеличился торговый оборот внутри Крыма, стали расти города Карасубазар, Бахчисарай, в котором не дозволялось жить русским переселенцам, Феодосия, Гезлев, переименованный в Евпаторию, и Ак-Мечеть, получивший название Симферополь и ставший административным центром Крыма. Таврическая область была разделена на Симферопольский, Левкопольский, Перекопский, Евпаторийский, Днепровский, Мелитопольский и Фанагорийский уезды. Город Левкополь хотели основать у устья реки Салгир или переименовать Старый Крым, но это не вышло и в 1787 году уездным городом стала Феодосия и Левкопольский уезд стал Феодосийским.

Весной 1784 года сменивший Игельстрома Василий

Каховский начал раздачу новых казенных крымских земель. В Крыму расселились русские казенные крестьяне, отставные солдаты, выходцы из Турции и Польши. Г.А. Потемкин пригласил на полуостров иностранцев-специалистов по садоводству, шелководству, лесному хозяйству, виноградарству. Увеличилась добыча соли, за 1784 год ее было продано более 2 миллионов пудов. По указу Екатерины II от 13 августа 1785 года все крымские порты были освобождены от уплаты таможенных пошлин сроком на 5 лет, а таможенная стража была переведена на Перекоп. В Крыму была создана особая контора для руководства и развития «земледелия и домоводства Таврической области».

Первое научное описание Крыма было произведено вице-губернатором Крыма К.И. Габлицем в 1785 году. «Физическое описание Таврической области по всем трем царствам природы» было издано Екатериной II и переведено на английский, французский и немецкий языки.

В 1787 году российская императрица Екатерина II совершила путешествие на Крымский полуостров через Перекоп, посетив Карасубазар, Бахчисарай, Ласпи и Севастополь. На рейде Севастополя ее встретил российский Черноморский флот в составе трех линейных кораблей, двенадцати фрегатов, двадцати небольших кораблей, трех бомбардирских лодок и двух брандеров. После этого путешествия Потемкин получил от Екатерины II титул «Таврического».

Началось экономическое и хозяйственное освоение Крымского полуострова. Население Крыма к концу XVIII века увеличилось до ста тысяч человек, в основном за счет русских и украинских переселенцев. В Бахчисарае проживало шесть тысяч человек, в Евпатории – три с половиной тысячи, в Карасубазаре – три тысячи, в Симферополе – полторы. Оборот русской черноморской торговли к концу века вырос в несколько тысяч раз и составил два миллиона рублей.

Турция активно готовилась к новой войне, подталкиваемая Великобританией, не желающей иметь конкурента в торговом мореплавании в лице России, и Пруссией, жаждущей новых земельных захватов в расчлененной Польше и для этого желающей ослабления России. Произошло и столкновение русско-турецких интересов в Дунайских княжествах и Грузии. Оттоманская Порта постоянно оспаривала права России защищать интересы христианского населения Молдавии и Валахии перед Турцией, полученные в года, по которому Восточная Грузия перешла под российский протекторат, Россия

обязалась гарантировать неприкосновенность Восточной Грузии, что не признала Турция, которая считала себя ее покровителем. Кончилось тем, что Султан в категорической форме потребовал от России вернуть Крым, на что получил решительный отказ.

21 августа 1787 года турецкий флот атаковал российский у западных берегов Крыма, что послужило началом к новой войне, начавшейся поражением турецкого десанта от войск Суворова в Кинбурне и вытеснением татар за реку Кубань на Северном Кавказе. Действуя двумя армиями – Екатеринославской под командованием Григория Потемкина в Крыму и на Балканах, и Украинской, под командованием генерал-фельдмаршала П.А. Румянцева-Задунайского, Россия 6 декабря 1788 года овладела Очаковом, военно-морской базой на побережье Черного моря и Хотином, турецкой крепостью в Бессарабии. Суворов разгромил турок у Фокшан, Рымника, русские войска захватили крепости Гаджибей, Аккерман и Бендеры. Черноморский флот под командованием адмирала Ушакова уничтожал турецкий флот в собственных его базах, в Керченском проливе, у острова Тендра, что значительно помогло сухопутным войскам вместе с флотом взять Измаил, Тульчи, Браилов. От окончательного разгрома Турцию в очередной раз спасли серией дипломатических демаршей Англия и Пруссия.

Оттоманская Порта опять просила Россию о мире и 31 июля в Галаце и 29 декабря 1789 года в Яссах ей пришлось подтвердить Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 года, присоединение Крыма и Очакова к России. Русско-турецкая граница передвигалась с Буга на Днестр. С осени 1792 года по осень 1794 года командующим войсками юга России, расположенными в Екатеринославской губернии и Тавриде, вновь был А.В. Суворов, укрепивший и обновивший приграничные крепости. Россия окончательно укрепилась на Черном море.

В справочнике «Списки населенных мест Российской империи – Таврическая губерния», изданным Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел Российской империи в 1865 году, об этом периоде истории Крыма написано следующее:

«…Турция, которая не могла примириться с присоединением полуострова, объявила войну (1787) и снова покушалась завладеть им, между татарами опять возникли возмущения, так что было велено отобрать у них оружие, лошадей угнать за Перекоп, а приморских крымцев переселить на время внутрь полуострова. Вместе с тем после присоединения, татары массами стали уезжать в Румелию и Анатолию, Число ушедших Сумароков, служивший судьей на полуострове в начале нашего века, считает до 300000 обоего пола, не мало татар погибло также

во время волнений и от моровой язвы, бывшей в это время, так что полуостров лишился около трех четвертей своего населения, считая в том числе выселившихся греков и армян. В 1802 году татар в Крыму числилось всего около 140000 обоего пола. По Ясскому договору 1791 года, Порта окончательно признала Крым за нами и вместе с тем уступила крепость Очаков, напротив Кинбурна и полосу между Бугом и Днепром».

Глава 7. Отставка. Московский Главнокомандующий. 1775–1782 годы

В конце лета 1775 года князь Василий Михайлович Долгоруков-Крымский после беспрерывной сорокалетней военной службы подал в отставку, которая была принята Екатериной II, и стал жить в своих имениях – Волынщине-Полуэктове под Рузой и Знаменском-Губайлово на Сходне, под современным Красногорском. Это были типичные подмосковные господские села, окруженные крестьянскими деревнями и имеющие древнюю историю.

Земли у Рузы в вотчину получил внук князя Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского Полуэкт Борисович, погибший в 1436 году под Белевом в сраженин с крымскими татарами. Сохранились писцовые книги Рузского уезда волости Юрьевой слободы 1625–1626 годов: «За Федором Васильевым сыном Волынским вотчина, что была преж сего за Яковом, да за Андреем Федоровыми детьми Волынского село Покровское, на реке на Рузе.» В селе была построена большая церковь Покрова Пресвятой Богородицы Рядом с Покровским находилось «сельцо Полуэхтово на речке Озерне.» В 1678 году эти оба села принадлежали Ивану Федоровичу Волынскому, а с 1705 года-его сыну Василию Ивановичу, тестю князя Долгорукова, передавшему в 1743 году их, также как и Знаменское-Губайлово, в приданое за дочь Анастасию князю Василию Михайловичу. Губайлово в XV веке было поместьем дворцового дьяка Губайлова, потом ка московского боярина Василия Губы. Поместье находилось в южной части Горетова стана – самой большой по территории волости Московского княжества-протянувшегося от Москвы до реки Истры на западе. В конце XV века боярские поместья перешли в казну и стали собственностью государева двора. В 1462 году в своем завещании великий московский князь Василий Темный упоминает «села мои Лужские и Павшинское и Петровские Константиновича деревни на Истре.» В начале XVII века из Павшинской дворцовой вотчины была выделена деревня Чернево, пожалованная в поместье воеводе Семену Васильевичу Волынскому. В 1620 году за отличие в обороне Москвы от войск польского королевича Владислава Чернево было передано Волынскому в вотчинное владение в составе половины сельца Княжева и пустошей Овсянниковой и Губайловой. Волынский заселил Губайлову пустошь и основал там деревню, в которой в 1646 году числились один крестьянский двор и двор бобылки.

После его смерти Губайлово и Овсянниковскую пустошь получил его родственник и владелец Полуэктова Иван Федорович Волынский. Черново, к тому времени ставшее селом, в котором находились «церковь Николая Чудотворца деревянная, да крестьянских дворов 17, людей в них 52, бобыльских дворов 7, в них 17 человек», выкупил патриарх Никон. Сельцо Губайлово стало центром вотчины И.Ф. Волынского, получившего чин боярина при Петре I, когда это звание имели только несколько десятков наиболее близких молодому царю человек. В Губайлове Иван Волынский отдыхал и охотился. В1676 году там было «2 двора вотчинниковых и 9 дворов сокольничьих, Хлебниковых и конюховых», дворы приказчика, скотников и поваров. В 1683 году в Губайлове была построена церковь Знамения Пресвятой Богородицы и оно стало селом Знаменским-Губайловым. В начале 1770-х годов тесть князя Долгорукова бригадир Василий Иванович Волынский, ставший в 1698 году владельцем Полуэктова и Знаменского, построил в Губайлове теперь уже каменную церковь, на освящение которой в скромное село с «домом господским деревянным, с регулярным садом и прудом и восемью крестьянскими дворами» приезжала императрица Екатерина II – «церковь каменного здания храма Знамения Пресвятой Богородицы освящена 1773 года декабря в 21 день при державе благочестивейшей, самодержавнейшей, Великия Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны Всея России и при наследнике ея благоверном государе и Великом князе Павле Петровиче и Великой княгине Наталии Алексеевне преосвященнейшим Самуилом, епископом Крутицким и Можайским.» Такое посещение всей августейшей семьей имения князя Василия, защищавшего в то время Крым – знак большого личного уважения императрицы Екатерины П будущему Долгорукову-Крымскому. Впоследствии Павел I вспомнил о своем посещении Знаменского-Губайлова и сослал туда сына князя Долгорукова-Крымского Василия, ставшего в 1769 году, в девятнадцать лет, командиром лейб-гвардии Семеновского полка, за штурм Очакова получившего орден святого Георгия II степени, а впоследствии чем то неугодившего новому императору.

После возвращения из Крыма в 1775 году князь Василий, пригласивший в Полуэктово зодчего Василия Баженова, построил там усадебный дом, вместе с четырьмя флигелями составивший великолепный архитектурно-художественный ансамбль. Вход в усадьбу и на парадный двор предваряло по два белокаменных обелиска. В центре круглого усадебного двора стоял двухэтажный дом анфиладной планировки с четырех колонным портиком

ионического ордера, цветником перед ним и спуском к реке Озерне. Справа и слева от дома по кругу было расположено по два флигеля, обработанные рустами. Всю усадьбу, сохранившуюся до нашего времени окружал прекрасный парк, в котором в 1780 году в стиле барокко из красного кирпича была построена церковь-усыпальница Трех Святителей, к которой в 1843 году были достроены трапезная и колокольня.

В 1775 году князем Долгоруковым и в Губанпо ве был построен каменный дом с анфиладной планировкой, четырехколонным портиком и двумя одни этажными флигелями, находившимися в большом пейзажном парке с оранжереями, теплицами и красивыми павильонами, остатки которых сохранились до нашего времени. Усадебный дом был построен таким же, как и московский дом князя Василия Долгорукова на углу Охотного ряда и Большой Дмитровки (теперь часть Дома союзов – Колонного зала), и имел 7 окон по главному и по боковым фасадам. Из Кафы в губайлове кую церковь Знамения Пресвятой Богородицы Василий Михайлович привез два мраморных белых неполированных барельефа работы XIV века. На барельефах были изображены Георгий Победоносец и «как бы прославление Марии Магдалины, изображенной с распущенными волосами и держащей в руках алевастр с ароматами; она поддерживается с боков двумя ангелами. Надписи на первом греческая (русскими буквами XIII–XIV веков), на втором – латинские.»

11 апреля 1780 года указом императрицы Екатерины II князь Василий Михайлович Долгоруков-Крымский был назначен московским главнокомандующим. Еще со времен Петра I во главе Первопрестольной стоял главный градоправитель Москвы, который назывался сначала военным губернатором, лотом главнокомандующим и военным генерал-губернатором, в подчинении которого находились губернатор, градоначальник, оберполицмейстер и полицмейстеры. Сохранившиеся отзывы его современников все как один говорят, что князь Крымский отличался внимательным отношением к москвичам, а его дом, в котором князь Долгоруков, больной подагрой, часто принимал посетителей лежа на диване, был всегда открыт «для дворян и мещанского сословия».

Родственник князя Василия Михайловича П.В. Долгоруков пишет в своем «Сказании о роде князей Долгоруковых» 1842 года о московском периоде жизни Долгорукова-Крымского:

«Однажды явилась к князю мещанка, и обливаясь слезами, пала на колена, умоляя возвратить ей дорогие вещи, присвоенные

немцем, у которого она занимала деньги. «Встань, – сказал князь – и говори толком, без визга: заплатила ли ты ему долг, или нет?»-«Только, батюшка, тремя днями опоздала; а он, окаянный, от денег отказывается и вещей не отдает! – «Опоздала! Так ты и виновата сама, а жалуешься! Но точно ли вещи у него?» – «Точно, батюшка. Иначе бы я не беспокоила тебя. Он еще не сбыл их с рук; просит более, чего оне стоят.» – «Хорошо. Попытка не шутка, а спрос не беда. Попов! (правитель канцелярии Долгорукова-Крымского – авт.) Пошли-ка за немцем и вели, моим именем, попросить его ко мне.» Потом, когда немец вошел в кабинет, князь встретил его словами: «Здравствуй, Адам Адамович (оба имени узнал он предварительно от мешанки). «Я ошень рад» – отвечал немец с поклонами. «Адам Адамович! Ты знаешь эту мещанку?» – «Как не снать, Ваше сиятельство! Она прала и истершала мои теньки! Я послетние ей оттал, нашитые с великим трутом! И к тем еще занял у одного шаловека, весьма акуратнаго, шестнаго, который шивет одними просентами!» – «Честный человек, каким ты описываешь себя, Адам Адамович I не можешь знаться с бездельниками. Докажи же мне свою честность; удружи: прошу тебя: она отдает тебе долг, отдай ей вещи!» – «С феликою ратостию исполнил бы я шелание Вашего Сиятельства, но я вещи протал в гороте неизвестному шаловеку: их нет у меня!» – «Слышь-ты какая беда!» – возразил князь. «Не верьте, батюшка – сказала мещанка – он лжет: хочет разорить меня несчастную! Вещи у него спрятаны дома.» – «Так прошу тебя, Адам Адамович – продолжал князь – присесть к столу моему.» – «Помилуйте, Ваше Сиятельство – отвечал немец с поклонами – много шести! Не исфольте песпокоиться. Я могу стоять в присутствии фашей великой осопы!» – «Полно, Адам Адамыч, болтать пустое – сказал князь, улыбаясь – ты у меня не гость. Я с тобой разделаюсь по своему. Садись; бери перо и пиши к жене своей по русски, чтоб я мог прочесть: пришли мне с подателем сего вещи мещанки N.N., у нас хранящиеся!» – Немец, взявшиеь за перо, то бледнел, то дрожал, не знал на что решиться, и продолжал уверять с клятвою: что у него нет вещей. «Пиши – вскрикнул князь с сердцем, что я тебе приказываю. Иначе худо будет.» Записка написана, отправлена, вещи привезены, и князь, отдавая деньги немцу, сказал: «Ты полное имел право не возвращать вещей, не смотря на убеждения бедной женщины, и на мои просьбы; но когда посредством клятв надеялся овладеть ея собственностию, разорить несчастную; покушался обмануть меня, начальника города; то признавая в тебе ростовщика, лжеца, на первый раз дозволяю возвратиться к себе в дом и помнить, что с тобою было! Попов! Не худо бы записать его имя в особую книгу, чтоб он был у

нас на виду!»

В.С. Казанцев в книге «Русский род князей Долгоруковых», изданной в конце XIX века в Москве, писал о В.М. Долгорукове-Крымском:

«11 апреля 1780 года князь Василий Михайлович Долгоруков-Крымский, по воле императрицы, был назначен главнокомандующим Москвы. Приехав после молебна в Чудове монастыре в дом, первым долгом князь призвал к себе правителя канцелярии Попова и сказал: «Слушай, Попов, – я человек военный, в чернилах не окупан и принял должность главнокомандующего только из повиновения матушке императрице. И так, смотри, чтобы на меня москвичи не жаловались, а то я тебя тотчас выдам. Императрица меня Знает. Старайся, чтобы и тебя она узнала с хорошей стороны.

Князь Василий Михайлович Долгоруков-Крымский с честью и славой правил Москвою и приобрел искреннюю любовь и уважение народа. Князь Василий Михайлович скончался в Москве, 30-го января 1782 года, на 60-м году от рождения, и погребен в селе Полуэхтове, в сооруженной им церкви во имя Трех Святителей. Князь Василий Михайлович Долгоруков-Крымский, по свидетельству митрополита Платона, с дарованиями великого полководца и с мужеством беззаветным, соединял рассудок здравый и ясный, душу пылкую и возвышенную, пламенно любил свое отечество, отличался бескорыстием, сердоболием, рвением на всякий подвиг добра и пользы, как общественной, так и частной.»

Тогда же современник князя Василия Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий написал оду «На кончину князя Василия Михаиловича Долгорукова-Крымского 1782 года 30 января»:

Вещает Царь-пророк, в уставах чтяй предвечных:
Честна пред Господом смерть праведных Его.
Так! – смерть начало есть торжеств им бесконечных;
Но мир сокровища лишен в них своего.
Создав вселенную, премудрый всех Содетель,
Украсити ее послал нам добродетель:
Кто верен быть возмог непреткновенно ей,
Не царства одного – тот честь природы всей!
Чрез целый век, ни в ком не чтя себе злодея,
И правосудия храня устав всегда,
Кто мог, и ни кому не причинил вреда:
Тот в недро вечности преходит не робея.
Таков, таков был сей, кого мы зрим здесь прах!

Незлобив, милостив, о пользе всех радея,
Утеху находил он в добрых лишь делах.
Коль плачущий когда в пути его встречался,
Уже с слезами тот к своим не возвращался.
Им сирый был презрен; томящийся в бедах
Блаженство познавал, спасен его рукою…
Зрю гроб его стеснен рыдающих толпою,
И горькая слеза во всех блестит очах.
Дражайша тень! Мой глас тебя да услаждает,
Признательности долг мне стих в уста влагает.
Горю последовать примеру твоему:
А благодарным быть, не есть ли шаг к тому!»

Князь Василий Михайлович Долгоруков-Крымский скончался 30 января 1782 года в Москве и был похоронен в семейном склепе церкви Трех святителей в своем имении Волынщина-Полуэктово. В 1842 году его внуком Василием Васильевичем в Симферополе был воздвигнут памятник князю Крымскому, который и поныне стоит на городской площади у сквера Победы, напоминая потомкам о вечной славе их предков, создавших великую державу – Россию.

Библиография

Петров П.Н. История родов русского дворянства, кн. 1. М, 1991.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во 2-й половине XV–XVI веке. М, 1988.

Бычкова М.Е. Родословные книги XVI века. М, 1975.

Бычкова М.Е Состав класса феодалов России в XVII веке. М, 1986.

Долгоруков П.В. Сказания о роде князей Долгоруковых. СПБ, 1842.

Долгоруков П.В. Родословная книга, ч.1. СПБ, 1854.

Долгорукий А.В. Фамильные заметки. СПБ, 1853.

Долгорукий А.В., Шпилевская Н.С. Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. СПБ, 1869–1913.

Долгоруков-Аргутинский Ф.С. Родословный сборник. СПБ, 1913.

Казанцев В.С. Древнерусский род князей Долгоруковых. М, 1891.

Романов Н.М. Князья Долгорукие… СПБ, 1902.

Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. М, 1991.

Зуев А.С., Миненко Н.А. Секретные узники сибирских острогов. Новосибирск, 1992.

Баиов А.К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоинновны. СПБ, 1906.

Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М, 1958.

Миних Б.Х. Всеподданейшие донесения графа Миниха. СПБ, 1897.

Масловский Д.Ф. Ставучанский поход. СПБ, 1892.

Разин Е.А, История военного искусства, т. 1–2. М, 1957.

Полевой Н. Русские полководцы. СПБ, 1845.

Жизнеописание русских военных деятелей. СПБ, 1885.

Отечественная портретная галерея знатных особ Российской империи. СПБ, 1837.

Русский биографический словарь. М, 1904.

Коробков Н.М. Русские полководцы. М, 1943.

Некрасов Г.А. Роль России в европейской международной политике 1725–1739 годов. М,1976.

Михнева Р. Россия и Оттоманская империя. 1739–1756. М,1985.

Архенгольц И. История Семилетней войны в Германии в 1756–1763 годы. М, 1841.

Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. М, 1886.

Коробков Н.М. Семилетняя война. Русская армия и флот. М, 1948.

Петров А.П. Война 1769–1774 годы. СПБ, 1893.

Высочайшие рескрипты императрицы Екатерины II и министерская переписка по крымским делам. М, 1872.

Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем. Пг, 1916.

Крымский А. История Туретчины. Киев, 1924.

Приложения

Приложение 1
Родословная Василия Михайловича Долгорукова-Крымского

Рюрик
↓
Игорь Рюрикович
↓
Святослав Игоревич
↓
Владимир Святославич
↓
Ярослав Владимирович
↓
Владимир Ярославич
↓
Всеволод Владимирович
↓
Святослав Всеволодович, великий князь киевский
↓
Всеволод Святославич Чермный, великий князь киевский
↓
Михаил Всеволодович Черниговский
↓
Юрий Михайлович Тарусский
↓
Константин Юрьвич Оболенский
↓
Андрей Константинович Оболенский
↓
Иван Андреевич по прозвищу Долгорук
(родоначальник)
↓
Владимир Иванович Долгоруков
(конец XV века)
↓
Тимофей Владимирович Долгоруков
(родоначальник отдельной ветви рода)
↓
Григорий Иванович Долгоруков-Черт
↓
Алексей Григорьевич Долгоруков-Чертенок

↓
Дмитрий Алексеевич Долгоруков
(родоначальник отдельной ветви рода, умер в 1673 году)
↓
Владимир Дмитриевич Долгоруков
(1654-12 июля 1701 года)
↓
Михаил Владимирович Долгоруков
(14 ноября 1667-11 ноября 1750 года)
↓
Василий Михайлович Долгоруков-Крымский
(1 июля 1722-30 января 1782 года)
↓
Михаил Васильевич Долгоруков, сын
(1745-20 августа 1791 года)
↓
Василий Васильевич Долгоруков, сын
(3 июля 1750-13 марта 1812 года)
↓
Василий Васильевич-мл. Долгоруков
(27 марта 1787-12 декабря 1858 года)

Приложение 2
Хронология жизни Василия Михайловича Долгорукова-Крымского

1 июля 1722 года. Родился в Москве.

1735 год. Начало службы капралом в кавалерии.

1735–1739 годы. Участие в русско-турецкой войне.

20 мая 1736 года. Отличился при штурме Перекопа, получил от Миниха офицерский чин прапорщика.

1737 год. Участник штурма. Очакова.

1738 год. Участник взятия Хотина.

1741–1743 годы. Участник русско-шведской войны.

1741 год. Получил чин *поручика*.

1742 год. Получил чин секунд-майора.

1743 год. Получил чин премьер-майора.

1745 год. Получил чин подпожовнжа.

1745–1746 годы. Генеральс-адьютант своего дяди генерал-фельдмаршала В.В. Долгорукова.

1747 год. Получил чин полковника и должность командира Тобольского пехотного полка (командовал до 1755 года).

25 декабря 1755 года. Произведен в генерал-майоры.

1756–1763 года. Участие в Семилетней войне.

5 января 1758 года. Произведен в генерал-поручики.

Август 1758 года. Отличился в сражении под Кюстрином.

1758 год. Отличался в Цорндорфском сражении. Ранение.

18 августа 1759 года. Награжден орденом святого Александра Невского.

Сентябрь 1761 года. Участие в штурме Кольберга.

22 сентября 1762 года. Произведен в генерал-аншефы.

22 сентября 1767 года. Награжден орденом святого Андрея Первозванного.

1768–1774 годы. Участие в I Русско-турецкой войне. Командующий армией.

1771 год. Завоевание Крыма.

14 июня 1771 года. Штурм Перекопа.

29 июня 1771 года. Сражение при Каффе.

17 августа 1771 года. Награжден Георгиевским орденом I степени, золотой табакеркой с портретом императрицы Екатерины II, 60000 рублями.

1774 год. Провозглашение независимости Крымского ханства, заключение союза России и Крыма.

10 июля 1775 года. Получил почетный титул Крымский.

Подал в отставку.

11 апреля 1780 года. Назначен главнокомандующим в Москве.

30 января 1782 года. Скончался в Москве. Погребен в своем имении Полуэхтове, – в церкви Трех Святителей.

Приложение 3
Архивное известие о князьях Долгоруковых. Документы Тайной розыскных дел канцелярии 1741 года

I. Допросы князю Василию Лукичу Долгорукову в 1730 году.

К допросу пункты:

1. Блаженныя памяти государя императора Петра Втораго завещательное письмо или проэкты оному письму были ль, и кто их сочинял, и где и в какое время, и ныне у кого обретается?

2. Другие кто именно об оном письме знали, и когда об них сказывал, или сам от кого слышал?

Князь Василий (Лукич) Долгорукой сказал: О завещательном письме или такого письма о проэктах государя императора Петра Втораго ни о каких никогда не слыхал и ни о чем о том не ведает.

3. О объявленном завещательном письме Ея Императорскому Величеству как доносил, что составлял оное Шафиров, и ведали ль братья ваши – князь Алексей, князь Сергей, князь Иван и племянник князь Иван Долгорукие, княгиня Александра и князь Сергиев а княгиня Марфа, в какой силе о том Ея Императорскому Величеству приносил?

Во время Ея Императорскаго Величества походу из Митавы в Москву и в Москве, между другими многими словами, упоминал ли я о каком завещательном Его Императорскаго Величества письме и о Шафирове и о других, того за безпамятством не помню, а когда такия слова в памяти у самой Ея Императорскаго Величества, и то я соврал ложь, и в том всепокорно рабски прошу у Ея Императорскаго Величества, чтоб по природному своему милосердию милостиво меня раба своего простить изволила.

4. Показать обо всем вышеписанном самую истину без всякой утайки под смертною казнию.

Ежели утаил или неправду сказал, в том подтверждаю себя, как в четвертном пункте написано.

Подпись собственноручно: Князь Василий Долгорукий.

Доносил ли ты Его Величеству, что есть духовная написанная и сочинена Шафировым и прочими?

Правду ли ты то доносил, и ежели то правда, где ныне оная, и сам ли ты ее видел, или от кого слышал?

Буде же ты донес неправду, чего ради ты то чинил, и для чего в первом своем допросе, безпамятством отговариваясь, заперся?

Ея Величеству государыне императрице, что есть духовная

написанная и сочиненная Шафировым и прочими, он князь Василий с продерзости доносил ложно, желая за то Ея Величества больше к себе милости.

Он князь Василий доносил только о чем и выше Значит, желая к себе Ея Величества больше милости; а для чего в первом своем допросе, безпамятством отговариваясь, заперся, и в том он пред Ея Величеством Приносит вину, ибо горести его тому виновны, и для того рабски Ея Императораскаго Величества просит о милосердном прощении в той его вине.

Во время болезни государевой не задолго до Кончины имелись ли у вас частые съезды в Головинский дом, раза по два в день, а иногда и ночью, также И в других домах? О чем в тех съездах были у вас сонеты, и не было ль у вас о духовной и о наследстве по ней толкований?

Во время болезни государевой не задолго до Кончины, в Головинском дому по однова и по два раза в день, а иногда и ночью, он князь Василий приезжал К брату своему князю Алексею Григорьеву сыну Долгорукову, собою и по призыву его, и в разговорах советовали между собою: ежели Его Императорскому Величеству приключится кончина, чтобы наследницей быть Ея Величеству государыне императрице Анне Иоанновне; також одиножды был князь Василий в доме князя Михаила Володимирова сына Долгорукова, и в том доме с ним князь Михаил о да братом его князь Васильем Долгоруковыми разсуждали – быть наследницею Ея ж Императорскому Величеству, и как в том Головинском, так и в помянутом князя Михайла Долгорукова доме во время тех разговоров, кроме вышеобъявленных Долгоруких, посторонних никого не было; а в других домах съездов он ни с кем никогда и совету о наследстве не имел; а духовной очищено выше по первым пунктам.

О всем вышенаписанном сказать тебе самую истинную правду под смертною казнию.

О вышеписанном он князь Василий сказал истинную правду под смертною казнию.

Подпись своеручно: Князь Василий Долгорукий.

Апреля 10-го дня 1730 года.

Подобные же допросы были: князю Ивану Алексеевичу, княгине Марфе (жене князя Сергея Григорьевича), княгине Александре, князьям Алексею и Сергею Григорьевичам; эти допросы были произведены 9-го апреля 1730 года.

Затем 1-го марта 1731 года о том же допрашиван был вице-президент коммерц-коллегии фон-Фик; в числе шести допросных ему пунктов в оном (в 4-м) говорится: «Какие проекты ты о том деле (т. е., об ограничении самодержавия) сочинил тогда или и

прежде того, и кому ты оные сообщил?" – Ответ Фика писал Ушаков, а Фик подписал по немецки клятвенное утверждение, что он в этих проектах никакого участия ни письменнаго, ни устнаго не принимал.

II. О ссылке князя С. Г. Долгорукова в 1730 году.

Июня 12-го сего 1730 года, по имянному Ея Императорскаго Величества указу велено князь Сергей Долгорукова с женою и с детьми послать в Ранибург. И того же июня 14-го, по приговору правительствующего сената, для взятия его князь Сергея с женою и детьми под караул и отвозу в Ранибург в Муромския его деревни, послан лейб-гвардии поручик Петр Румянцов, и при нем сержант-капрал и 12-ть человек солдат, а как его содержать, о том дана ему из сената инструкция; в привезши его князь Сергея с женою и с детьми в Ранибург, велено до прибытия к нему Румянцеву на перемену из Воронежа послать капитана; содержать их в крепости под крепким караулом; а на заплату ямских и уездных и подвод прогонных и на дачу посланным с ним Румянцевым урядником и солдатам кормовых денег дано ему из сената 100 руб.; а по возвращении в Москву велено в тех деньгах о расходе подать ведомость в сенате. А к Воронежскому вице-губернатору Пашкову того ж числа послан указ: велено на перемену его, Румянцева, выбрать из Воронежскаго гарнизона добраго капитана и с ним капральство солдат с надлежащим числом унтер-офицеров отправить в Ранибург немедленно, которому приехав, у него Румянцева с женою с детьми его князь Сергея и данную ему Румянцеву из сената инструкцию принять с роспискою и держать его, князь Сергея и жену его и детей под крепким караулом и во всем поступать по данной из сената инструкции; а в котором числе тот капитан с командою в Ранибург отправлен будет, о том в сенат рапортовать.

А того ж июня от 29-го в сенате получено июля 14-го чисел: означенный подпоручик Румянцов доношением объявляет, что прибыл он с князь Сергеем Долгоруковым, с женою его и с детьми в Ранибург того жь июня 28-го числа и содержит их в крепости под крепким караулом, а на перемену де его капитан из Воронежа еще не бывал.

А сего июля от 6-го в сенате получено 14-го чисел: Воронежский вице-губернатор Пашков доношением объявляет, что для принятия у него Румянцева, князь Сергея с женою и с детьми и содержания их под Крепким караулом, також и данный ему Румянцову из сената инструкции, в Ранибург отправлен с Воронежа сегожь июля 6-го числа капитан Мясной, и при нем сержант-капрал и 24 человека солдат, и оный де Мясной, при

отправлении своем, подал в Воронежскую губернскую канцелярию доношение, которым требует – для содержания над оным князь Сергеем Долгоруким караулу ночною порою свечей откуда получать, и ежели по данной инструкции случатся какия нужнейшие письма куда послать надлежит, на каких подводах, о том требовал указа, а Воронежская де губернская канцелярия по тому его Мяснова требованию на расход, на прогоны и на покупку бумаги и свечь и на прочие случившияся, будучи в Ранибурге, необходимый нужды, без чего ему обойтиться будет невозможно, без присланного из сената указу и без ассигнации камор-коллегии определить не смеет и о том требует указу.

А в прошлом 1727 году, сентября 16-го дня по определению верховная тайнаго совета при отправлении Меншикова в Ранибург посланному при нем лейб-гвардии капитану Степану Пырскому на прогоны посылаемым от него курьером и на прочие расходы дано из камор-коллегии 500 руб. И в том же году декабря 12-го дня, по определению верховнаго тайного совета велено онаго капитана Пырскаго переменить, а на место послать из гвардии ж капитана Петра Мельгунова и остаточную денежную казну велено ему, Мельгунову, у него, Пырскаго, принять. А по возвращении из Ранибурга капитан Мельгунов доношением своим объявил, что по прибытии его в Ранибург у капитана Пырскаго принял он остаточных за расходы 397 руб. 28 1/2 к., их того числа издержано на бумагу, на сургуч и на прогоны и на прочие расходы 133 руб. 621/2 коп.; за тем у него в остатке на лицо 263 руб. 66 коп.

Пресветлейшая державнейшая императрица и самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая!

Будучи во обители Страшного монастыря, взяла я вместо детей двух дочерей сына моего князь Сергея и в сущем младенчестве воспитала, которым намерена была отдать малые мои приданыя деревнишки, а понеже за указами тех моих деревень за внук моих справить было нельзя, и тако оныя были за сыном моим князь Сергеем, а ныне указом Вашего Императорскаго Величества те деревни отписаны, с которых я и сама, убогая старица, имела нужное мое пропитаниеся и теми деревнишками владела, на что явствуют за моею рукою в оных о всяких нуждах письма, такожь-де и имеющиеся на мне долги с оных де уплатить хотела. Помилуй, премилосердная государыня, едина моя по Бозе надежда, сотвори с убогою старицею милостыню, заставь вечно за высокое Вашего Величества здравие молить Всевышняго Создателя; покажи милосердие высоким своим указом, оным малым деревнишкам быть за внуками моими и при сущей моей старости на пропитание и на уплату долгов,

дабы в древности моей в долгах и в нищете не умереть! Вашего Императорскаго Величества всеподданейшая и всенижайшая богомолица монахиня Маргарита Долгорука.

Из Аранибурга 1731 января 2-го дня.

1733-го декабря дня, по указу Ея Императорская Величества правительствующий сенат по поношениям из Аранибурга капитана Мяснова, у котораго содержатся под караулом князь Сергей Долгорукий с женой и с детьми и служительми, приказали:

По 1-му, что он Мясной пишет о людях его князь Сергеевых, которых по присланному из сената указу велено из крепости выпускать для покупки харчю и для нужд с караульными солдатами, а ныне приводят к нему унтер-офицеры и объявляют, что оные ого люди ходят несмирно и делают Аранибургским жителям обиды и драки и другия продерзости, о чем от них ему князь Сергею неоднократно объявливано, чтоб он учинил в том им запрещение, токмо он ничего не учинил, и еще чинят такие продерзости, а он Мясной штрафу никакого без указу чинить им не может и ежели что свыше тех продерзостей учинять, чтоб того причтено ему не было, и требует о том указу, послать к нему указ: велел содержать ему его князь Сергея Долгорукаго с женою и детьми и с определенными при нем людьми по данной ему инструкции во всем непременно, а которые их люди отпусканы были за караулом для покупки харчу и чинили продерзости и драки и тамошним жителям обиды, тем за то учинить жестокое наказание ему капитану Мясному по своему усмотрению, о чем было ему, имея под арестом своим, и отписываться в сенат не надлежало; и впредь ни до каких продерзостей не токмо людей их, но и самого его князь Сергея и жену его и детей не допускать, а ежели впредь покажутся от них противные данной ему Мясному инструкции какие проступки и продерзости, то их всех держать перед прежним арестом жесточе и не токмо посторонних, но и определенных при них людей до пребудущаго указу к ним не допускать и о том писать в сенате немедленно, объявляя о тех их поступках и продерзостях, именно и требовать указу; буде же от людей их такия ж продерзости или иные противные поступки впредь покажутся, за то их наказывать же, смотря по винам их, ему ж капитану Мясному безо всякия пощады и о том указа тех людей из крепости не выпущать и поступать с ниш так, как по указу и по воинским артикулам с содержащимися под крепким арестом колодниками надлежит; а что надлежит до покупки им харча и других нужд, то исправлять с ведома его капитанскаго караульным солдатам; а ежели до каких свыше тех продерзостей; оный капитан их допустит, то взыскано будет на нем; а сколь

давно и с какого случая или в какой надежде те его Долгорукова люди такия продерзости чинить начали, о том ему Мясному в сенате репортовать немедленно.

По 2-му, о приеме и о распечатывании к ним князь Сергею и к жене его и к людям присылаемых писем и о посылке от них, и кого к ним допускать и от них кого куда посылать запрещено, о том и в прочем во всем поступать с таким крепким смотрением и осторожностию, как в данной ему инструкции изображено и посланными указами потом подтверждено; а ежели станут требовать, чтоб посылать им письма к Москве для присылки лекарств, и такия письма велеть им писать тому капитану при себе и брать оныя у них без печатей их, и прочитая, буде ничего противнаго, как в инструкции, данной ему, положено, не найдется, отправлять те письма ему капитану от себя с посторонними ездоками или чрез почту, а с людьми его и с приезжими конюхами отправлять, отнюдь не допускать; что он Мясной пишет, что присланный его Долгорукова служитель Демид Конищев требовал, чтоб присланного конюха послать в Москву за лекарством, на что ему Конищеву объявлено что с конюхом тех писем в Москву не *пошлет,* а пошлет от себя, а потом он же Конищев – пишет – вторично и объявил ему капитану: «велела де тебе сказать княгиня: ежели де конюха с письмами в Москву не пошлешь, то де я прикажу тому конюху ехать прямо в Петербург к батюшке на тебя с жалобою»; потом в тот же час сказал:: «князь де тебе велел сказать: ежели де хотя мало что Мне поможется, то де на вас будет писать в сенат во всяких пакостях и блуднях»; он же Конищев требовал, чтоб того конюха допустить к княгине, на что ему отказано, а посте того присланный же его Долгорукаго служитель Александр Киевский требовал того ж, чтоб конюха допустить, на что и ему отказано, и он Киевский у чал говорить: «коли де хочешь, я де по воли господ своих сделаю сего дни или завтре, что де пошлешь меня в С. – Петербург»; а как онаго конюха из Крепости отправлял караульный сержант, то вышеписанный Конищев, угнав у ворот, приказывал тому конюху, чтоб он ехал в Москву и сказал бы княгине Гагариной, что де капитан хочет князя уморить, за лекарством не посылает и конюхов для посылок держать не велит, чтоб она княгиня Гагарина отписала к отцу своему; – о том писать к Москве к генералу и обер-гофмейстеру графу Салтыкову, чтоб он с Москвы отправил в Аранибург кого нарочно по своему разсмотрению, на кого бы в том положиться было можно, которому, приехав, вышеписанных Конищева и Киевскаго взять под караул и распросить, какой они природы и сколь давно у него Долгорукова в службе, и где прежде служили; и Киевский такия

слова капитану Мясному с угрозами: «коли хочешь, я де по воли господ своих сделаю сего ж дни или завтре, что пошлешь меня в С. – Петербург», говорил в какой силе, и в чьей надежде, и какая в том господ их воля есть, и собою ли он то говорил, или по чьему приказу; а Конищева распросить же, в каких пакостях и блуднях князь Долгорукий на того капитана в сенат писать хотел, тако ж и княгиня для чего хотела конюха из крепости, чтоб он конюх ехал в Москву и сказал бы княгине Гагариной, чтоб она на того ж капитана писала к отцу, о том он Конищев ему приказывал ли собою, или по чьему приказу; також того конюха сыскать немедленно и разспросить же вышеписанныя Конищева слова княгине Гагариной он сказывал ли, и притом им объявить, чтоб они о том сказали подлинно безо всякия утайки, а ежели что утаят, а после про то сыщется, за то учинена им будет смертная казнь безо всякия пощады, а буде в том они будут запираться, допросить о том показанных в доношении его Мяснова караульных сержанта и писаря, при которых такия от него слова произошли, и те их разспросы прислать в сенат в самой скорости; а их Конищева и Киевскаго и конюха до получения о том указа велеть держать капитану Мяснову под особливым караулом и ни кого к ним не допущать, а княгини Хованской человека Ивана Сердюкова, который приезжал к ним Долгоруким в Аранибург с письмами, и присылала княгиня Долгорукая к капитану Мясному дважды, чтоб видеться с ними его попустил, онаго взять ему генералу и обер-гофмейстру под караул же и допросить, от кого именно он в Аранибург посылан, и какие словесные приказы к кому с ним были ль, и оные он в Аранибурге ему: князь Сергею или жене его и детям, или кому из людей их объявлял ли, объявя ему прежде тако же де, чтоб сказал о том подлинно безо всякой утайки под смертною казнию, ежели потом что противное сыщется, и для того к нему графу Салтыкову с присланных капитана Мяснова доношении при указе послать копии.

III. Допросы князю И. А. Долгорукому в 1738 году

Сентярбя во 2-й день 1738 года… князь Иван Долгорукой… о чем надлежало распрашивать под страхом жестакого истязания и смертной казни с немалым увещанием.

И сентября в 4-й день князь Иван Долгорукой взят для прикладывания к белому распросу руки, по увещании винился, и выше писанный распрос ему Долгорукому читан; а по прочтении белаго распросу, не прикладывая руки, по увещанию винился и говорил: ныне де он, Долгорукой, признавая по чистой совести пред Ея Императорским Величеством вину свою, объявляет истинною правдою в том, как де он майором Семеном Петровым

был допрашиван, и черный допрос окончав, канцелярист Осип Тишин стал на бело переписывать, и в то время майор Семен Петров стал на дворе в переднюю светлицу выходил, и он Долгор'укой с оным Тишиным двое оставались, и на один тому Тишину к поношению чести Ея Императорская Величества злые и вредительные слова такия: «ныне де фамилия и род наш весь пропал; все то… нынешняя ваша императрица разорила, а все де послушала… цесаревны Елизаветы за то, что де я хотел ее за непот… сослать в монастырь», говорил с печали своей и с горести, потому что содержится под караулом многое время никуды его не пускают, и что майор Петров его допрашивал, и ему князю Ивану было весьма грустно, и плакал, и в той грусти своей и горести оные слова молвил; и канцелярист Тишин, услыша от него Долгорукаго оныя слова, воспрещал ему Долгорукому: «для чего де ты такия слова говоришь, лучше бы тебе за Ея Императорское Величество и за всю Императорскаго Величества высокую фамилию Бога молить», говорил, и тому Тишину Долгорукой: «где де тебе доносить, ты де ныне уже стал Сибиряк, а хотя де и доносить станешь, то де тебе жь голову отсекут», говорил спроста; а о майоре Петрове, что де Майор уже наш и задарен, говорил ли, то он князь Иван не упомнит, только майора Петрова он князь Иван ничем не даривал и вышеписанных непристойных слов к поношению чести Ея Императорскаго Величества никогда он князь Иван Долгорукой у мысли своей прежь сего не содержал, и таких слов ни от жены своей и от братьев и от сестер ни от кого не слыхал, и сам никому о таких словах не сказывал.

Сентября в 11-й день по выше писанному определению, в присутствии лейб-гвардии Преображенскаго полку капитана поручика господина Ушакова, поручика господина Суворова содержащийся князь Иван Долгорукой привожен в застенок и у дыбы по делу, о чем надлежало, распрашиван обстоятельно. А в распросе оный князь Иван, стоя у дыбы, сказал: к поношению де чести Ея Императорскаго Величества злыя и вредительные слова, показанныя в повинке его князь Ивановой, подлинно от Долгорукой говорил с злобы от горести своей и с печали, потому что сослан от в ссылку и содержится под караулом многое время, и что в Березове присланным лейб-гвардии Преображенскаго полку сержантом Рогозиным у него князь Ивана и у жены его пожитки обобраны и никуды их из хором, кроме церкви, пускать не велено; и в той де его горести майор Петров допрашивал, и в то де время ему князь Ивану весьма было горестно и плакал, и с сердца, от горести своей оныя слова говорил, а в мысли своей на пред сего оных слов он князь Иван не содержал, и таких и других

никаких слов к поношению чести Ея Императорскаго величества и высочайшей Ея Императорскаго Величества фамилии он князь Иван не говаривал, и от других ни от кого таких же и тому подобных непристойных слов князь Иван не слыхал. А о том, якобы Ея Императорское Величест во послушала Ея Высочества благоверной государыни цесаревны Елисаветы Петровны и сослала его ж ссылку, и что фамилия и род их весь пропал, он князь Иван говорил для того, как он князь Иван с отцом своим и с матерью и с женою и с братьями и сестрами послан в ссылку, и вто жь время и дяди его родные посланы в ссылку жь, того ради о фамилии своей и упоминал, а что будто Ея Императорское Величество послушала цесаревны Елисаветы Петровны, и о том он князь Иван говорил, вымысля собою, потому что во время его князь Иваново блаженныя и вечнодостойныя памяти при Его Императорском Величестве Петре Втором, когда Ея Высочество государыня цесаревна Елисавета Петровна приезжала во дворец и в поступках своих казалась ему князь Ивану и отцу его князь Алексею к ним немилостива, и думал он князь Иван что Ея Величество имела на него какой гнев, и как де он князь Иван с отцом своим и с матерью и женою его и с братьями и сестрами послан в ссылку, мыслил, что Ея Императорское Величество с совету цесаревны Елисавет Петровны его в ссылку сослала, для того и говорил; а о том он князь Иван ни от кого никогда не слыхал, и никто ему не сказывал, а говорил, подлинно вымысляя собою. А Ея де Высочество благоверную государыню цесаревну Елисавет Петровну сослать в монастырь намерение он князь Иван имел и с отцом своим о том на одине говаривал для того, что в поступках своих казалась ему князь Ивану и отцу его князь Алексею немилостива, а чтоб сослать и который монастырь именно, такого намерения у него князь Ивана и отца его еще было не положено; а что он князь Иван говорил про Ея Высочество государыню цесаревну, что хотел сослать в монастырь, им» бы за непот…, и то он князь Иван говорил с продерзости своей; а о ссылке Ея Высочества с родственники своими и ни с кем сообщения и согласия он не имел, и про то его намерение из родственников и из посторонних никто не ведали, и с родственники своими и с посторонними и ни с кем о том он князь Иван не говаривал. А изветчику де Тишину слова такия: «где тебе доносить, ты де уже стал Сибиряком, а хотя не и доносить станешь, то де тебе жь голову и отсекут», он князь Иван говорил, устрашая того Тишина, чтоб на него князь Ивана о выше писанных непристойных словах не донес и оных его слов опасся, а не в другой какой силе, а о том, что «майор де Семен Петров наш и уже задарен» говорил ли, того он князь Иван подлинно не

помнит.

При кончине блаженныя и вечнодостойныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Втораго отец его князь Алексей и дядя его князь Василий Володимиров сын, да князь Василий Лукин сын Долгорукие в Головинском доме в спальне у отца его подлинно были и о сочинении духовной советовали и слова такия, чтоб написать в духовной, якобы Его Императорское Величество сестру его княжну Катерину учиняет по кончине своей наследницею, говорил подлинно, да при том же был и с отцем его и с дядьми советовал же дядя жь его родной князь Сергей Григорьев сын Долгорукой, и после оных слов дядя его князь Василий Володимиров сын Долгорукий от отца его поехал, а отец де его князь Алексей и дядя его князь Василий Лукин сын да князь Сергей Григорьевич сын Долгорукие и он князь Иван оставались во оной спальне, и дядя де его князь Василий Лукин сын, седчи у комля на стуле, и взял лист бумаги до чернилицу, зачал было духовную писать, в что написали, того он князь Иван не усмотрел; и говорил оной его дядя князь Василий: «моей де руки письмо худо, кто бы де получшее написал»; и дядя жь де его князь Сергей, взяв бумагу и чернилицу и оную духовную, с совету отца его и дяди князь Василья Лукина сына написал духовную одну, а потом с оной духовной написал другую такую жь; а в тех духовных, что Его Императорское Величество при кончине якобы учинил наследницею российскаго престола обрученную свою невесту княжну Катерину, подлинно было написано потому что показанныя слова при письме тех духовных отец его и дядя в разговорах говорили, а в тех духовных та его сестра Его Императорскаго Величество супругою была подлинно не написана, потому что отец его и дядя такой речи не говорили, и он князь Иван от них не слыхал, из которых духовных одное с совету отца б своего и дядьев князь Василья Лукина сына да князь Сергея Григорьева сына Долгоруких, вместо Его Императорскаго Величества в то жь время при тех своих дядьях, не читав, он князь Иван подписал тако: «Петр;, и тое подписанную духовную, также и не подписанную духовную, получа к Его Императорскаго Величества время, как от болезни Его Императорскому Величеству будет свободнее, и придет в память, показав тое духовную Его Императорскому Величеству, просил, чтоб Его Императорское Величество подписал, а ежели за болезнию Его Императорскаго Величества рукою подписано не будет, то де и вышеписанную духовную, подписанную его князь Ивановою рукою, по кончине Его Императорскаго Величества объявим, что якобы учинил сестру его князь Иванову наследницею, а руки де его князь Ивановой с рукою Его Императорскаго Величества не

получил, потому что был Его Императорское Величество в весьма тяжкой болезни и лежал в беспамятстве; и потом на другой день, приехав во дворец, отец его князь Иван спросил: где у него духовныя, чтоб кто тех духовных не увидел, и кому б не попались в руки; и он де князь Иван те духовные отдал тому своему отцу и сказал, что времени у Его Императорскаго Величества он князь Иван подписать духовную не получил, и отец де его те духовныя взял к себе, и после того времени вскоре, а сколько дней спустя и при кончине ль Его Императорскаго Величества или после кончины, того он князь Иван не упомнит, увидясь он князь Иван с отцом своим во дворец и вспомня о вышеписанных духовных, того отца своего спросил: где у него духовныя; и отец его сказал, что де он те духовныя с братом своим, а с его князя Ивановым дядею князь Иваном Григорьевичем сыном Долгоруким в спальне у себя в комнате сжег; а как де ОН князь Иван вышеписанную духовную подписал, и в то время и никогда не читал, и что в них было еще написано, того он не знает; а при сочинении той духовной другие родственники его и из посторонних никто не были и о том не ведали; и оныя духовныя белая были письма руки дяди его князь Сергея подлинно, и духовная рукою Его Императорскаго Величества была не подписана подлинно; а отец де его князь Иванов показанныя духовныя подлинно и сжег, или те духовныя отдал кому на сохранение, того он не знает о том от отца своего и родственников своих и ни от кого не слыхал, а у него де князь Ивана таких духовных подлинно нет, и как де отец его был в Березове, и у того его отца и у братьев и сестер и у жены его не было, и никому от князь Иван на сохранение таких духовных не отдавал, а сперва де в распросе и в повинке, и в очных ставках о вышеписанных своих дядьях князь Сергей и князь Иване Григорьевых детях Долгоруких и о письме оным дядею его князь Сергием духовных не объявил, сожалея тех своих дядьев, а о том, что он князь Иван подписал духовную вместо Его Императорскаго Величества, не объявил для того, что желал о том утаену быть; а что де он князь Иван сперва в повинке своей показал, якобы духовную писал дядя его князь Василий Лукин сын Долгорукой, и о том показал он князь Иван не опамятуясь.

Книги де Киевской печати, якобы о браке Его Императорскаго Величества с сестрою его князь Ивановою княжною Катериною, у него князь Ивана и у жены его и у братьев и у сестер его подлинно не бывало, и об оной книге и патенте, якобы имеется у него князь Ивана патент за рукою Его Императорскаго Величества Петра Втораго, майору Семену Петрову при изветчике Тишине никогда он Долгорукий не сказывал, и брат де его князь Николай такой книги не показывал, а оный его брат князь Николай с

сестрами о вышеписанном патенте майору Петрову при изветчике Тишине сказывал ли, того он не знает, а при нем князь Иване о том не сказывали. А книга де, писанная уставом, в которой Его Императорскаго Величества Петра Втораго персона нарисованная, седящая на престоле, да Россия, стоящая на конках пред престолом пред престолом Иго Императорскаго Величества девою в русском одеянии, и та де книга подлинно написана уставом о коронации в похвалу Его Императорскаго Величества, а не о браке сестры его, и не Киевской печати, и та де книга осталась у брата его князь Николая подлинно, а ныне та книга уела ль, того он князь Иван не знает, потому что в бытность майора Петрова у них Долгоруких на карауле, вскоре после следствия оным майором Петровым о парче и о прочем – а в котором месяце и числе того он не упомнит – оный брат князь Николай говорил ему князь Ивану, что де он князь Николай книгу о коронации хочет сжечь, для того, что де канцелярист Тишин к оной книге привязывается, а чего для, того оный его брат не сказал, и он де князь Иван тому своему брату воспрещая говорил, чтоб он того не чинил – не равно де той книги для чего спросят, а той де книги он князь Иван на сохранение никому не отдавал и сам не прятывал и не жигал и жене своей и оному брату своему князь Николаю и другим свои братьям и сестрам и людем своим на сохранение не отдавал же, и сжечь той книги не приказывал. Два патента де у него Долгорукова на ранки его подлинно имеются, которые в сохранении имеются у жены его княгини Натальи Борисовой дочери, о которых де его патентах пред взятьем его князь Ивана майором Петровым от жены его от братьев и сестер под особой караул, – а за несколько дней, того он князь Иван не упомнит, – приказывал он той своей жене его и от братьев и сестер под особой караул, – а за сколько дней, того он князь Иван не упомнит, – приказывал он той своей жене, чтобы она те патенты спрятала и никому о том не объявляла, для того, что желал он князь Иван те патенты иметь при себе для ведома прежних своих рангов, а не для чего другого, а как де он Долгорукой послан в ссылку; и будучи в пути, при обыску подпоручику Люпин и икову, также и в Березове сержанту Рогозину о выписанных патентах он князь Иван не объявил для того, что оные Любовников и Рогозин тех патентом у него не спрашивали; а как де лейб-гвардии Преображенскаго полку капитан-подпоручик Ушаков, по прибытии своем в Березов, его князь Ивана спрашивал: какие у него есть книги печатный и письменный и всякия письма, чтоб объявил все, не оставливая у себя ничего, и он де князь Иван тому капитану сказал, что у него писем никаких нет, только одне книги церковныя, а о

вышеписанных патентах от князь Иван не объявил в торопях, испужався; а о тех же патентах жена его и брат князь Николай подлинно ведали, а другие его братья и сестры никто о тех патентах не ведали, а братьям и сестрам и людем своим тех патентов на сохранение он не отдавал, и оным же братьям и сестрам и людем своим, чтоб те патенты сожгли или где схоронили, не приказывал.

В бытность у него князь Ивана и у жены его и у братьев и сестер на карауле капитана Ивана Михалевскаго, к нему князь Ивану Березовские жители, о которых он Долгорукой в распросе своем показал, в гостях подлинно бывали и временно обедывали, и он князь Иван с женою своею и братьями и сестрами в гости хаживали жь, а согласия де никакого ни о каком важном или подозрительном деле не имел, а у других кого Березовских жителей от князь Иван бывал, того подлинно сказать не упомнит.

В бытность вышеписаннаго жь капитана Михалевскаго у него князь Ивана на карауле, поручик Дмитрий Овцын у него князь Ивана подлинно был одиножды, и то пришел с капитаном Михалевским вместе, а у него князь Ивана не обедывал и в бане не паривался, и о том майору Петрову при изветчике Тишине и никогда он князь Ивана не сказывал; а брат же его князь Николай о том Овцыне, якобы был у него князь Ивана и обедал и парился в бане, сказывали ли, того он не знает; а в церкви де с Овцыным он князь Иван вместе стаивал, а совета ни о каком важном или подозрительном деле он князь Иван с тем Овцыным не имел и того Овцына ни чем не даровал, и дружелюбия никакого с тем Овцыным не имел же.

В бытность у него жь князь Ивана на карауле майора Семена Петрова, с означенным Овцыным в церкве вместе не стаивал и разговоров никаких не имел, токмо оный Овцын в церкви бывал и стаивал особо, а в гостях у того Овцына он князь Иван с женою своею и с братьями и с сестрами не бывал и Овцына ни чем не даривал, и дружелюбия никакого ни о чем не имел. А означенному де майору Петрову при изветчике Тишине никогда он князь Иван с братом князь Николаем, что де мы воеводе Бобровскому и жене его подарили за кумовство не парчу, но гризель насыпной с искрами», после допросов и следствия об оной парче майором Петровым подлинно не сказывал, и чтоб об оной парче было не явно, но чтоб было закрыто, с майором Петровым и с Бобровским согласия никакого не имел.

А вышеписанному де Бобровскому он князь Иван сукно, а жена его того Бобровского жене гарнитур насыпной с искрами подарили за присылку от онаго к ним всякаго харчу; да еще жь де отец князь Алексей тому жь Бобровскому подарил часы золотые

ветхие, а тот Бобровский отца его и его князь Ивана подарил двумя мехами песцовыми; а сперва де в распросе и в повинке своей и очных ставках он князь Иван об оных часах и мехах не объявил забвением, запамятуя. А вышеписанному майору Петрову он князь Иван табакерки серебреной позолоченной не даривал, подлинно и с братом своим князем Николаем ста червонных тому же майору Петрову не давывали, подлинно жь и у того Петрова он князь Иван с женою своею и с братьями и сестрами в гостях никогда не бывал, и того Петрова и жены его, кроме объявленнаго в распросе его князь Иван, еще ничем не даривал, а за подарки же от него князь Ивана майор Петров послабления им Долгоруким ни какого не чинивал, и согласия ни какого ни о чем не было, и Бакирева дочери серег не давывал, и овощей к нему не важивал. В бытность онаго жь майора Петрова у него князь Ивана на карауле, к Березовским жителям и ни к кому он князь Ивана и жена его и братья и сестры в гости не хаживали, и Березовские жители и никто к ним Долгоруким допускиваны не были. Будучи в Березове под караулом, он князь Иван ни о каковой важности совета и чрез письма согласия ни какого ни с кем не имел, и никого с ним князь Иваном ни в каком противном и подозрительном деле сообщником он князь Иван не имел и ни какой ни на кого ни в чем надежды не полагал, и писем ни от кого ни о чем он князь Иван не получал, и сам не писывал, и бумаги и чернил у него князь Ивана никогда не имелось, и никто к нему не принашивал. Токмо де в нынешнем 1738 году в апреле месяце, майор Петров, как от жены его и от братьев и сестер посадил его князь Ивана под особый караул, и в то де время сказывал ему князь Ивану на одине, что де канцелярист Тишин на него князь Ивана показал слово и дело и послан для того в Москву, и он князь Иван тому Петрову сказал: «я де за собою ничего не знаю», а от кого тот Петров о том слышал, того ему князь Иван не сказал, да и он о том того Петрова не спросил спроста; а потом вторично до приезду в Березов капитан-поручика Ушакова недель за пять или больше – подлинно сказать не упомнит, – оный же майор Петров пришел князь Ивану, говорил же: «молись де Богу, не печалься, Тишин де привезен в Тобольск, и дела не будет, все де соврал», а через кого оный Петров о том известен был, того ему князь И на ну не сказал, да и он князь Иван о том его не спросил спроста жь, а более того от онаго майора Петрова о уведомлении ни о каком никогда он князь Иван не слыхал, а о приезде в Березов капитана-поручика Ушакова от майора Петрова и ни от кого никогда он князь Иван не слыхал.

И вышеписанному князь Ивану Долгорукому к изветчиком Осином Тишиным в спорных словах в застенке дана очная ставка.

А на очной ставке изветчик Тишин с князь Иваном Долгоруким говорил те жь речи, что и сперва в распросях и в очных ставках своих показал за подписанием собственныя руки блаженный и вечно достойныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Втораго, да книгу Киевския печати в лицах о венчании брака сестры его Долгорукова княжны Катерины будто с Его Императорским Величеством» майору Петрову и ему Тишину подлинно сказывал, и в бытность де майора Петрова у оных Долгоруких на карауле, в церкви поручик Овцын вместе с ним стаивал подлинно, и о закрытии парчи, чтоб было не явно, но чтоб было закрыто, с майором Петровым и с Бобровским согласие подлинно имел, и что оный князь Иван с братом князь Николаем воеводе Бобровскому и жене его подарили за кумовство не парчу, но гризель насыпной с искрами, после допросов и следствия об оной парче майором Петровым подлинно сказывали, и майору Петрову оный князь Иван табакерку серебреную вызолоченную подлинно подарил, и брат де того князь Ивана князь Николай о том, что де «мы с братом князь Иваном дали майору Петрову сто червонных» подлинно сказывал, и подьячего де Григория Андреянова жена о том, что Бакирева дочери оный князь Иван подарил серьги и привозил на сговор всяких овощей, подлинно сказывала.

А князь Иван Долгорукий с изветчиком Осипом Тишиным в очной ставке говорил те же речи, что и сперва в распросе у дыбы показал, и в том утверждался. И того жь числа выше писанный князь Иван Долгорукой подыман на дыбу и из подлинной правды пытан. А в распросе с подъему их пытки оной князь Иван Долгорукой говорил то жь, что и сперва в распросе, стоя у дыбы, и с изветчиком Осипом Тишиным в очной ставке, и в прочих своих распросех и очных ставках показал, и в том утверждался.

Он же князь Долгорукой с розыска жь в пополнение показал: тому лет с пять в Великий пост, как он князь Иван был в Березове, постился, и исповедовал де его города Березова церкви Рождества Пресвятыя Богородицы поп Федор Петров сын Кузнецов, и он де князь Иван тому попу и на исповеди между прочим сказывал, что он князь Иван тому пред богом согрешил – подписался под руку блаженныя и Вечно достойныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Втораго к духовной для сестры своей княжны Катерины, и поп де молвил: «Бог де тебя простит», а к какой духовной, и в какой силе та духовная была сочинена, и что в не и было написано, о том он князь Иван не сказывал, да и оный поп его не спрашивал; а потом, что он на духовенстве о подписке объявил, чтоб оной поп о том молчал и нигде б не доносил, и никому не объявлял, тому попу запрещения никакого он князь

Иван не говаривал; а поп де о том где доносил ли, или не доносил, того он не знает. А сперва де о вышеписанном в распросах и в очных ставках он князь Иван не объявлял забвением.

Под всеми пунктами подписано: «Князь Иван Долгорукой руку приложил».

1738 года сентября в 11-й день, по указу Ея Императорскаго Величества, лейб-гвардии Преображенскаго полку капитан-поручик Ушаков, поручик Василий Суворов, по слушанию дела приказали князь Ивана Долгорукова по повинке его в непристойных злых и вредительных словах и в прочем, приведчи в застенок, распросить с пристрастием накрепко и в споре с изветчиком Осипом Тишиным дать очную ставку, и онаго жь князь Ивана Долгорукова из подлинной правды розыскивать и спрашивать на крепко жь в том: 1) К поношению чести Ея Императорскаго Величества злыя и вредительные слова для чего он подлинно говорил, и с какого вымыслу и злости, и давно ль их в мысли своей содержал, и не говорил ли других каких слов к поношению чести Ея Императорскаго Величества, и от других от кого таких же или других каких непристойных слов не слыхал ли, и кто, ведая о том, не молчал ль? 2) Почему он Долгорукой, что якобы Ея Императорское Величество послушала государыни цесаревны Елисавет Петровны и сослала его в ссылку, и что фамилия и род их весь пропал, ведает, и от кого о том он сведал, и давно ль, или собою о том вымысля, говорил. 3) Ея Высочество благоверную государыню цесаревну Елисавет Петровну якобы за непот… или злобу в монастырь сослать он хотел ли, и в который монастырь именно, и с кем о том сообщение и согласие имел, и кто, ведая о том, молчали? 4) После говорения непристойных слов на слова изветчика Тишина он Долгорукой тому Тишину «где де тебе доносить, ты де уже стал Сибиряк, а хотя де и доносить станешь, то де тебе жь голову с секут», для чего подлинно говорил также и о том: «а майор Петров уже наш и задарен», говорил ли? 5) При кончине блаженныя и вечно достойныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Втораго, отец его князь Иванов князь Алексей Долгорукой с дядьями его, князь Васильем Володимировым сыном и с князь Васильем Лукиным сыном Долгорукими, о духовной у отца его в спальне подлинно ль советовали, и слова такия, чтоб написать в духовной, якобы Его Императорское Величество сестру его князь Иванову княжну Катерину учиняет по кончине своей наследницею, говорили ль, и как дядя его князь Василий Володимиров сын от отца его поехал; и дядя жь его князь Василий Лукин сын, седчи у комля на стуле и взяв лист бумаги и

чернильницу, оную духовную писал ли? И в той духовной, что Его Императорское Величество при кончине учинил Наследницею российскаго престола обрученую свою невесту княжну Катерину, подлинно ль было написано? И не написана ли она была супругою, и другое что в той духовной было написано жь, и тое духовную он князь Иван читал ли, и что еще было написано? И отец его князь Алексей для подписания Его Императорскому Величеству духовную ему князь Ивану отдавал ли, и слова такия: чтоб он князь Иван тое духовуню, получа у Его Императорскаго Величества время, как он болезни будет свободен и прийдет в память, показать тое духовную, чтоб Его Императорское Величество подписал – говори ли, и при сочинении той духовной дядья же его родные и другие родственники, также и посторонние кто именно были и о том ведали, И тое духовную подлинно ли писал дядя его князь Василий Лукин сын, и не переписывана ль кем другим, и та духовная Его Императорскаго Величества рукою чрез тебя Долгорукова или других кого нибудь писана ль была, или подлинно не подписана, и отец твой князь Иванов о том, что тое духовную сжег в комле, подлинно ль тебе князь Ивану сказывал? И подлинно ли сожжена, и для чего сперва о том в распросе он не показал, и такой духовной не имеется ль у него князь Ивана ныне где в сохранении, или у кого других в сохранении жь? 6) Книга Киевской печати, якобы о венчании брака Его Императорскаго Величества с сестрою его князь Ивановою княжною Катериною, у тебя князь Ивана имелась ли, и буде имелась, где ныне та книга в сохранении у тебя имеется, и об той книге и о патенте, что у него Долгорукова имеются, майору Семену Петрову при канцеляристе Тишине он Долгорукой сказывал ли, а брат его князь Николай такую книгу оным Петрову и Тишину показывал ли? 7) Книга полууставная, что в ней в лицах нарисовано, о которой он князь Иван распросом показал, подлинно ль написана о коронации в похвалу Его Императорскому Величеству, и та книга не о браке ль сестры его, и подлинно ль написана уставом, а не Киевской печати, и для чего об ней сперва в роспросе не объявил, и та книга подлинно ль осталась у брата его князь Николая и не схоронена ли где им Долгоруким, или не сожжена ль и не отдана ль кому на сохранение, и жене своей и братьям и сестрам и людем своим не отдал ли той книги на сохранение и не приказывал ли той книги сжечь? 8) Два патента на ранги его Долгорукова подлинно ли имеются у жены его князь Ивановой, и как он послан в ссылку, будучи в пути, при обыску подпоручику Любовникову, также и в Березове сержанту Рогозину и капитан-поручику Ушакову тех патентов для чего не объявил и при себе в сохранении держал, и

чему из того быть себе не надеялся ль, и не схоронены ль им Долгоруким где, и об оных патентах братья его и сестры ведали ль, или не ведали, и кто из них ведал, и братьям его и сестрам и людем своим не отдал ли тех патентов на сохранение и сжечь не приказывал ли? 9) В бытность у него Долгорукову Березовские, о которых в роспросе он показал, в гостях бывали ль и временно обедывали ли, и он Долгорукой с женою своею и с братьями и сестрами в гости хаживал ли и согласия какого с ними не имел ли? 10) В бытность у него Долгорукова на карауле онаго жь капитана Михалевскаго, поручик Дмитрий Овцын у него Долгорукова многажды бывал и обедывал ли, и в бане парился ль, и о том майору Петрову, при изветчике Тишине он Долгорукой сказывал ли, и с оным Овцыным как в церкви стаивал вместе совета о какой важности или подозрительных каких делах не имел ЛИ, и того Овцына чем не дарил ли и дружелюбия какого с ним Овцыным не имел ли? 11) Да в бытность майора Семена Петрова у него жь Долгорукова на карауле, с оным Овцыным в церкви вместе он Долгорукой стаивал ли, и разговоры имел ли, он Долгорукой с женою своею и с братьями и с сестрами своими бывал ли, и чем не даривал ли? Означенному майору Петрову при изветчике Тишине, он Долгорукой, с братом князь Николаем, что де «мы воеводе Бобровскому и жене его подарили за кумовство не парчу, но гризель насыпной с искрами», после допросов и следствия об оной парче майором Петровым сказывал ли, что об оной парче было не явно, но чтоб было закрыто, с оным майором Петровым согласие какое имел ли? 13) Вышеписанному жь Бобровскому он князь Иван сукно, а жена его того Бобровскаго жене гарнитур насыпной с искрами для чего подарили, и за то себе от НИХ чего желали, и более того оному Бобровскому и жене его чего еще не дарили ль, и сперва в роспросе и при следствии майором Петровы об оной парче для чего он не объявил? 14) Оному жь майору Петрову он Долгорукой табакирку серебреную вызолоченную даривал ли, и с братом своим князь Николаем что червонных да ль, и за что, и у того Петрова от Долгорукой С женою своею и с братьями и с сестрами в гостях Оынпли ль, и того Петрова и жену его, кроме объявленнаго в роспросах его, еще чем дарил ли, и чем именно, и за те подарки оный Петров, послабления какого им Долгоруким не чинил ли, и согласия какого с ним и с женою его не имел ли? 15) В бытность онаго жь майоры Петрова у него Долгорукова на карауле, к Березовским жителям или к другим кому он Долгорукой с женою своею и с братьями и с сестрами в гости хаживал ли, и Березовские жители или другие кто к ним Долгоруким допусканы были ль? 16) Будучи в Березове под караулом, он Долгорукой о каковой

важности совета и чрез письма согласия какого с кем не имел ли, и кого с ним в том и другом каком противном подозрительном деле сообщников согласников не было ль, и каких противных замыслов не имел ли, и какой на кого в том и в другом в чем надежды не полагал ли, и кто, ведая о том, не молчал ли, и сам не писывал ли, и бумаги и чернил у него Долгорукова когда не имелось ли, и кто к нему не приносил ли? И что о том о всем оный князь Иван Долгорукой в роспросе и розыску покажет, о том из роспросов того Долгорукова, также и из повинки и из роспросу майора Семена Петрова и из очных с изветчиком Осипом Тишиным ставок учинить обстоятельный экстракт, росписав о всем порознь» послать при доношении в С. – Петербург, в тайную канцелярию чрез почту нарочно лейб-гвардии с солдатом, и о даче тому солдату до С. – Петербурга почтовых двух подвод и на них прогонных денег в один путь до С. – Петербурга послать в Тобольскую инструкцию по указу.

Подписали: Федор Ушаков, Василий Суворов.

IV. Допрос князю С. Г. Долгорукову 1739 года Вопросные пункты князь Сергею Григорьевичу Долгорукову. Октября 10-го дня сего 1739 года, содержащийся в Шлютельбурхской крепости князь Сергей Григорьев сын Долгорукой в присутствии его превосходительства генерала и кавалера Андрея Ивановича Ушакова понижеизъявленным вопросным пунктам допрашивай, а в допросе сказал:

1. По написании тобою противной духовной набело князь Алексей и князь Иван Григорьевы дети, тако жь и ты, при князь Василье Лукине сыне и при князь Иване Алексееве сыне, о том, что оной духовной за тяжкою болезнию Его Величеству подписать не можно, говорили, и князь Иван Алексеев сын, вынув из кармана черный лист бумаги, слова такия «вот де посмотрите, письмо государевой и моей руки, что письмо де руки моей слово в слово как государево письмо», вам говорил ли, и что письмо руки князь Ивановой с письмом Его Величества сходственно или не сходственно, как вы тогда присмотрели, и что дь о том говорено и разсуждаемо вами было, и в каком намерении вы остались, и на оном черном листу рукою Его Императорскаго Величества и князь Иваном корда и где именно писано было, ты, князь Сергей, почему о том ведаешь, и где ныне оный лист имеется?

На 1-й. О том де, как во оном первом пункте показано, говорено ль было, тако жь и о прочем объявленном в оном же пункте, сказать ныне ни о чем он князь Сергей не упомнит.

2. О том, что ежели Его Величество скончается, чтоб

означенную духовную объявить народу и сказать, что тое духовную якобы Его Императорское Величество подписал, – в каком намерении вы говорили, И таким случаем оную духовную чрез что в действо Произвести вы хотели?

На 2-й. О том, как в оном втором пункте показано, брат его князь Алексей и другие их родственники, тако жь и он князь Сергей говорили ль, того в память ему не придет, и совершенно вспомнить он о том за прошедшим многим временем не может.

3. После бывшая у вас о сочинении духовной совету на другой день, князь Василий Лукин сын, приехав в Головинский дом к князю Алексею, письмо на французском языке к нему князю Василью от бывшаго тогда в Москве датского посланника Вествальта тебе И прочим кому именно объявлял, и что в том письме было написано, и с какого подлинно случаю и когда и с кем именно оное письмо ко оному князю Всилью прислано?

На 3-й. После бывшаго о сочинении показанной духовной у них совету, а на другой ли день, того не упомнит, князь Василий Лукин сын, приехав в Головинский дом, письмо на французском языке, писанное к оному князю Василью от датскаго посланника Вест-вальта, брату его князь Алексею при нем князь Сергее объявлял, а другие де при том кто были ль, того не упомнит; а оное де письмо оный князь Василий читал брату его князь Алексею при нем князь Сергее, и при чтении де онаго письма прислышал он, как ныне помнит, токмо то, что ежели Его Величество скончается, дабы Голштинскаго принца на престол Российской империи не избирать, что то их Датскому двору будет предосудительно, а больше того из онаго письма ничего от князь Сергей не слыхал; а к оному князь Василью Лукину сыну оное письмо с какого случая, и когда, и с кем именно было прислано, и оное де письмо у князь Василья или у князь Алексея осталось, того де он князь Сергей не знает и не слыхал.

4. В означенном письме о том, что слух де носится, что Его Величество весьма болен, и ежели де наследство Российской империи будет Голштинскому принцу, то Датскому де королевскому двору с Россией) дружбы иметь не можно, а понеже де Его Величества обрученная невеста фамилии их, и можно де удержать ее так, как после кончины Его Императорскаго Величества Петра Великаго две знатныя персоны, а именно Маншиков и Толстой, государыню императрицу Екатерину Алексеевну удержали, что и вам де по вашей знатной фамилии учинить можно, что вы де больше силы и права имеете, – написано было ль?

На 4-й. Кроме де того, как выше сего на третий пункт он князь Сергей показал, в оном де письме другое что, тако жь и о

том, как во оном четвертом пункте показано, написано было ль – того де он князь Сергей сказать ныне не упомнит, и об оном де о всем показывает он сущую правду без всякого закрытия, в чем за неправду, ежели от кого изобличен он будет, подвергает он себя тому, как о таковых указы Ея Императорскаго Величества повелевают. Под всеми ответами подписано: «К сему допросу князь Сергей Долгорукой руку приложил».

IV. Архивное известие о Долгоруких. Князь Василий и князь Михайло Володимировы дети Долгоруковы, которые наперед сего сосланы и содержаны были под караулом, князь Василий в Иван-городе, а князь Михайло в вотчине его в Галицком уезде, в селе Бояринове, а по каким именно делам, о том в тайной канцелярии известия, и дел тех не имеется. Но после того по следствию явилось, что князь Алексей князь Сергей и князь Иван Григорьевы дети, и князь Василий Лукин сын, и князь Иван Алексеев сын Долгорукие во время тяжкой болезни блаженныя и вечно достойные памяти государя императора Петра Втораго, со общаго своего согласия имели совет, чтобы по кончине Его Императорскаго Величества наследницею росейскаго престола быть Обрученной Его Величества невесте, а князь Алексеевной дочери, княжне Катерине, и для того придумали сочинить духовную, которая или Долгорукими и сочинена была, и начерно ту духовную написал князь Сергей, а потом с той духовной написал оный же князь Сергей две такие же духовные уборным письмом, из которых на одной князь Иван Алексеев сын, по приказу отца своего и вышеобъявленных дядьев своих, которые сами в том признались и винились, вместо Его Величества подписал таким почерком, как Его Величество имя свое подписывал, но потом означенным князь Алексеем оныя духовные сожжены; помятуй же князь Иван Алексеев сын произносил злодейский, непристойные слова<Против сей статьи написано: «В 739 году октября 31-го дня, по приговору генерального собрания и по именному блаженныя и вечно-достойныя памяти великой государыни императрицы Анны Иоанновны, за подписанием собственныя Ее Императорскаго Величества руки, указу, состоявшемуся того же ноября 1-го дня оные князь Сергей и князь Иван Григорьевы дети, тако же и князь Василий Лукин сын, и князь Иван Алексеев сын Долгорукие, за важныя их вины казнены смертию»>. И по оному же следствию помянутые князь Василий и князь Михайло Володимировы дети Долгорукие в чем приличились, о том сперва в ответах на учиненные вопросные пункты ни о чем не показали, а потом сами они показали, и по следствию явилось следующее:

Князь Василий Володимиров сын сам показал: Во время де болезни Его Императорскаго Величества Петра Втораго был он князь Василий в деревне у княжны Вяземской, и в ту ж его бытность из Москвы от князь Алексея Григорьева сына или от князь Василья Лукина сына или от брата его роднаго князь Михайла Долгоруких, того не упомнит, прислан был к нему, а кто не упомнит же, который присланный от них объявил ему, что Его Величество весьма болен, и приказали де просить его, чтоб он был во дворец без замедления; и он де князь Василий из оной деревни приехал в Москву и по приезде на другой день с братом своим князь Михайлом приехал во дворец и за тяжкою де болезнию Его Величества видеть времени они не получили. Князь Михайло сказал: Во время де болезни Его Императорскаго Величества Петра Втораго, брат его князь Василий Володимиров сын в деревне у княжны Вяземской был ли, того де он князь Михайло не упомнит, токмо де в память ему проиходит, что в ту деревню к оному брату своему он князь Михайло со объявлением о вышепоказанном никогда никого не посылал, а их фамилии де их кто с тем объявлением к тому брату его посылали ль, того де он не ведает, только де до кончины Его Императорскаго | Величества, а за сколько дней не упомнит, он князь Михайло со оным братом своим во дворец ездили и за тяжкою де болезнию Его Величества видеть времени не получили. А князь Сергей при следствии сказал: Во время де болезни Его Величества, в бытность онаго князь Василья в деревне, а у княжны ль Вяземской, того он князь Сергей не знает, кто оному князь Василью с вышепоказанным объявлением посылал брат его князь Алексей, а кого де именно посылал, того де он не упомнит; а он де князь Сергей не посылывал. А князь Иван Григорьев сын об оной посылке показал то ж, токмо объявил, что со объявлениями, что Его Величество весьма болен, от брата его князь Алексея кто посылан был, не упомнит; а послать де по онаго князь Василья придумано было для того, что как не ко учинению княжне Катерине наследства с князь Василием Лукиным сыном они присоветовали, и при том де совет положили о том своем намерении сказать оному князь Василью и от него требовать на то совету.

А князь Василий Лукин сын показал: По князь Василья де Воломидимирова сына послал он князь Василий, а кого, и для чего, и когда именно, и во время ли болезни Его Величества, того не упомнит.

Князь Василий же Володимиров сын объявил: Потом де поехал он князь Василий с братом своим князь Михайлом в Головинский дом к князь Алексею, И по приходе де к нему в

покои были тогда у него помянутые князь Василия Лукин сын, князь Сергей и князь Иван; и он де князь Василий спросил оного князь Алексея: «Каков Его Величество, и есть ли к выздоровлению надежда?" И князь Алексей ему сказал, что Его Величество весьма болен, и потом де оный князь Алексей поехал к Его Величеству во дворец. А князь Михайло об означенном им с братом своим князь Васильем в Головинской дом приезде и о показанном от онаго его брата князь Василья помянутаго князь Алексея спрашиваньи показал то де, что и оный брат его князь Василий показал; а оный де князь б Алексей в означенное время во дворец поехал ли, того он князь Михайло не помнит.

А князь Сергей сказал: Оный де князь Василий Володимиров сын брата его князь Алексей об оном чает де он князь Сергей, что спрашивал, и князь Алексей оному князь Василью об означенном – чает же де он князь Сергей, что сказывал, а потому де оный князь Алексей во дворец к Его Величеству поехал ли, того де он не упомнит, а ежели де он и поехал, то де по должности его следовало тогда ехать.

А князь Василий Лукин сын и князь Иван Григорьев сын сказали, что о том они не упомнят.

Князь Василий же Володимиров сын показал: После де отъезду князь Алексея во дворец, князь Сергей и князь Иван Григорьевы дети говорили ему князь Василью: «Вот де Его Величество весьма болен, и ежели де скончается, то надобно как можно удержать, чтобы после Его Величества наследницею российскаго престола быть обрученной Его Величества невесте княжне Катерине» И он де князь Василий и брат его князь Михаило оным де: Чтобы княжне Катерине после Его Величества быть наследницею, статься не можно, понеже де она за Его Величеством в супружестве не была». О чем и оный князь Михайло показал.

Да оный же князь Василий Володимиров сын объявил: На показанный их слова помянутые князь Сергей и князь Иван Григорьевы дети говорили ж ему князь Василью: «Как де этому не сделаться! Ты де в Преображенском полку подполковник, а князь Иван майор: то де можно учинить, и в Семеновском де пол-' ку спорить о том будет не кому; сверх же де того, говорить о том будем графу Гавриле Головкину и князь Дмитрию Голицыну; а ежели де они в том заспорят, то де будем их бить». И он де князь Василий оным князь Сергею и князь Ивану Григорьевым детям говорил: «Что де вы ребячье врете! Как тому можно сделаться?» И как де ему князь Василью полку объявить? Что услыша де от него об оном объявление, не токмо будут его князь Василья бранить, но и убьют, «понеже де не слыханное в свете

дело вы затеваете, чтоб обрученной невесте быть российскаго престола наследницею: кто де захочет ей подданным быть? Не только де посторонние, но он де князь Василий и прочие фамилии нашей никто в подданстве у ней быть не захотят, а ежели бы де она за Его Величеством и в супружестве была, то и тогда бы де во ученении ее наследницею не без сомнения было, понеже де по кончине государя императора Петра Великаго покойная государыня императрица Екатерина Алексеевна хотя государствовала, но токмо де Ея Величество государь император при животе своем короновал». И на то даже оные князь Сергей и князь Иван Григорьевы дети говорили: «И княжну де Катерину государь император ныне изволил сам учинить наследницею по себе». И он де князь Василии сказал: «то бы де хорошо, понеже де оное в воле Его Величества состоит; но токмо де как им о таком несостоятельном деле разсуждать можно, потому что сами же они говорят, что Его Величество весьма болен и говорить не может, то как де Его Величеству оное учинить можно?» И при том оным князь Сергею и князь Ивану Григорьевым детям, а после того как приехал к ним князь Алексей, то и ему князь Алексею говорил он князь Василий, чтобы они от означеннаго намерения своего отстали, что тому сделать не можно, но еще сами де себя в том погубят. И оные де князь Алексей и князь Сергей и князь Иван Григорьевы дети за то на него осердились, и он де князь Василий с братом своим князь Михаилом от них поехал в дом свой. А после де отъезду их князь Василий Лукин сын остался тогда у онаго князь Алексей, и без него де князь Василья об оном разеуждали ль, того де он князь Василий не знает и ни от кого о том не слыхал, и во оную де его князь Василья у оного князь Алексея бытность о сочинении оной духовной, кроме вышепоказанных слов, совету никакого с ним он князь Василий и брат его князь Михайло не имели, и той духовной они не видывали, и чтобы та духовная кем сочинена была, о том ни от кого никогда ж они не спихивали, и ни чрез что о том не ведают.

Князь Михайло сказал, что вышепоказанного де от брата своего князь Василья он не слыхал, и подлинно ли де оное все говорено было, не знает, а может де быть, оное было и говорено, но он де князь Михайле ныне не упомнит; токмо де брат его князь Василий князь Сергею и князь Ивану и князь Алексею Григорьевым детям о том, чтобы они от вышесказаннаго намерения своего отстали, что тому сделаться не можно, но еще сами де себя в том погубят, при нем князь Михайле говорил; а за то де на него князь Василья князь Алексей и князь Сергей и князь Иван Григорьевы дети осердились ли, того де он князь Михайло не присмотрел. А о том де, что помянутые князь Василий Лукин

сын и князь Сергей и князь Иван Григорьевы дети и князь Иван же Алексеев сын Долгорукие, по отъезде его князь Михаила с братом своим князь Васильем в домы свои, остались у него князь Алексея, тако ж и о прочем, оный князь Михайло объявил то же, что и оный брат его князь Василий показал. А князь Иван Григорьев сын сказал: Что о вышепоказанном де от князь Василья Володимирова сына говорено было ль, о том де о всем аккуратно сказать ныне он не помнит; а может де, об оном и говорено было, но таковыми ли речьми, как выше явствует, о том де за многопрешедшим временем упомнить ему не можно; и на оное де князь Иван, и князь Алексей, князь Сергей что говорили, и на оного князь Василья осердились ли, и за что, того де не упомнить же; токмо де слов таких, что «говорить де о том будем графу Гавриле Головкину и князь Дмитрию Голицыну, а ежели де они в том заспорят, то де будем их бить», он князь Иван не говаривал, а брат де его князь Сергей о том говорил ли, того де он не упомнит же.

Князь Иван Алексеев сын показал: До написания де означенных духовных, как князь Василий Володимиров сын был у отца его, тогда в разговорах с отцом его о наследствии сестры его князь Ивановой он князь Василий отцу его говорил: «Как де дочери его князь Алексеевой наследницею быть, что она за государем в супружестве не была, и с чего де о том объявить? Я опасен, что услыша де то, меня убьют». А кроме де того князь Василий и брат его князь Михайло с отцом его и с князь Сергеем и с князь Иваном Григорьевым детьми, и с князь Васильем Лукиным сыном, и с другими с кем о вышеозначенном говорили ль, того де он князь Иван не слыхал, и в память де ему того никак ныне не прийдет. А чтоб отец его и князь Сергей и князь Иван Григорьевы дети на онаго князь Василья Володимирова сына за что сердились, того де он князь Иван не видал и том ни от кого не слыхал. Князь Василий Лукин сын сказал: Упомянутаго де князь Василья и князь Михаила Володимировых детей с князь Алексеем и с князь Сергеем и с князь Иваном Григорьевыми детьми объявленные разговоры и разсуждения были ль, о том де он князь Василий не упомнит.

Князь Сергей при следствии сперва в оном против показания онаго князь Василия Володимирова сына ни о чем не показал, а потом сказал, что в память де его ныне приходит, что о вышепоказанном говорено было, но токмо таковыми ли речьми, и так ли точно, как выше объявлено, того де совершенно вспомнить ныне он не может; токмо де помниться ему, что по примеру брата своего князь Алексей говорил он князь Сергей оному князь Василью Володимирову сыну: «ежели де сочиненную о

наследствии княжне Катерине духовную Его Величество отдаст министром, то бы де лучше наперед прежде отдачи той духовной объявить министрам, что о ученении княжну Катерину наследницею государь соизволяет, а как де от Его Величества министрам та духовная отдана будет, ТО тогда не можно ли де ему князь Василью, как подполковнику, а князь Ивану, как майору, собрав Преображенский полк, объявить волю государеву во учинении княжны Катерины наследницею, дабы министры той духовной утаить не могли; а Семеновский де полк об оном хотя и ведать не будет, понеже де не у него князь Василья в команде, но довольно де будет того, что одна его князь Василья команда ведать будет». И князь Василий от того отрекся, что онаго учинить не можно.

Князь Василий Лукин сын показал, что означенным князь Василью и князь Михаилу Володимировым детям говорил он, что князь Алексей и князь Сергей и князь Иван Алексеев сын думают сочинить духовную, якобы Его Императорское Величество по кончине своей наследницею российскаго престола учиняет обрученную свою невесту, а князь Алексееву дочь Катерину, и оные де князь Василий и князь Михайло говорили ему князь Василью, что то весьма противно, и в то же время из оных князь Алексей или князь Сергей, того не упомнит, о вышеозначенном своем намерении сказали оным князь Василью и князь Михайлу, и оные де князь Василий и князь Михайло оным князь Алексею и князь Сергею и князь Ивану говорили, что это де дело ни к чему негодное, и чтобы они о таком противном деле думать перестали и все бы то бросили.

А князь Василий Володимиров сын показал: князь Василий де Лукин сын, а потом князь Алексей и князь Сергей ему князь Василью и брату его князь Михайлу в Головинском доме сочинении означенной! духовной сказывали ль, того де он не упомнит, а больше де в мысль его приходит, что о сочинении оной духовной они ему не говаривали; но только де может быть, при выше показанных разговорах или после того со оных же разговоров о сочинении духовной оные князь Василий и князь Алексей и князь Сергей ему и упоминали, токмо де в какой именно силе, того де ныне не упомнит.

Князь Михайло сказал: По приезде де его князь Михайла с братом своим князь Васильем к князь Алексею в Головинский дом, о сочинении духовной сперва князь Василий Лукин сын, а потом князь Алексей и князь Сергей ему князь Михайлу и брату его князь Василью сказывали ль, и как именно, того де он не упомнит, а больше де в мысль его приходит, что о сочинении оной духовной ни каковым образом они ему не говаривали, и от

него де князь Михайла и от брата его князь Василья о сочинении оной духовной в азсуждении предлагаемаго ничего не было.

А князь Сергей показал, что о намерении ко учинению княжну Катерину наследницею российскаго престола оным князь Василью и князь Михайлу сказывал брат его князь Алексей, а он де князь Сергей о том им сказывал ли, не упомнит. А о показанном де их намерении князь Василий и князь Михайло Володимировы дети ведали, с которыми де о учинении наследницей княжну Катерину и разговоры они имели, токмо как именно с ними говорили, о том де сказать ныне не упомнит.

Князь Иван Григорьев сын объявил: Князь Василью де Володимирову сыну как князь Алексей и князь Сергей, так и он князь Иван говорили, что имеют они намерение, чтобы после кончины Его Величество удержать наследство обрученной Его Величество невесте Княжне Катерине, и князь Василий де Володимиров сын от того им воспрещал, а каковыми де речьми, и что они на то с ним говорили, аккуратно всего сказать ныне он не помнит, только де согласия С ними у оного князь Василья Володимирова сына не было, и для того о всем выше показанном своем намерении о и сочинении духовной, и о прочем с ним они не говорили. А брат де его князь Михайло Володимиров сын об оном ведал ли, того де он князь Иван не Помнит, а ежели де он и ведал, и то де может столько же слышал, как и брат его князь Василий Володимиров сын, а о духовной де оный князь Василий и князь Михайло не ведали.

Князь Василий же Володимиров сын объявил, что он князъ Василий и брат его князь Михайло к вышеозначенному помянутых Долгоруких намерению не Толико не приставал, но от того еще их отвращали, чтоб оное свое намерение они отложили; но только де он оных князь Алексея и князь Сергея и князь Ивана Григорьевых детей ни какой ко отложению оного своего намерения склонности он не присмотрел; но еще видел де он, что за оное на него князь Василий осердился. А князь Василий де Лукин сын во оном согласие с ними имел ли, того он князь Василий не знает; только де в означенное время присмотрел он князь Василий онаго князь Василья Лукина сына, что он в печальном образе был, как видно, не хотел слышать от оных князь Сергея с братьями показаннаго их противнаго намерения, понеже де после того оный князь Василий Лукин сын сказывал ему князь Василью, что оных князь Алексея и князь Сергея и князь Ивана Григорьевых детей де духовной никогда он князь Василий Володимиров сын от намерения их, о котором от них слышал, отвращал, а каковыми речьми, того де не упомнит.

А князь Алексеев сын показал: От князь Василья де и князь

Михайла Володимировых детей никакого отвращения, чтоб от намерения своего во учинении сестру его князь Иванову наследницею отстали, он князь Иван не слыхал.

Князь Василий Лукин сын показал: Как де князь Василий Володимиров сын с братом своим князь Михайлом помянутых князь Алексея и князь Сергея отвращали, чтоб они от онаго своего намерения отстали, и при том де оный же князь Василий Володимиров сын оным князь Алексею и князь Сергею разсуждая говорил, что как де ныне дочере его князь Алексеевой быть наследницею: когда бы де она была за государем в супружестве, тогда бы де может, что бы то сделалось; и для того, чтоб они от того своего намерения отстали.

А князь Василий Володимиров сын показал: С князь Алексеем де и князь Сергеем и с князь Иваном Григорьевыми детьми Долгорукими о наследствии дочери его князь Алексеевой он князь Василий слова такия: «когда б де она была за государем в супружестве, и тогда б де может то сделалось», говорил в таком немерении что ежели б де она могла быть за Ея Величеством в супружестве, то может быть де, Его Величество по своему соизволению ее и короновал при себе, как дедушка его учинил, о чем де он князь Василий во оное время и помянутым Долгоруким сказывал, и разсуждал де им, что когда Бог того не сделал, то ныне де Его Величество в тяжкой болезне думать о том не надлежит, что собою де того делать никак не можно, и дело де то страшное, и чтоб они от того отстали, понеже де в том могут сами пропасть; но токмо де от оных князь Алексея с братьями ко отвращению от того склонности он не присмотрел но все де злобу они за то на него князь Василья имели.

Князь Михайло сказал: Брат де его князь Василий с князь Алексеем и князь Сере геем Григорьевым детьми о дочери князь Алексеевой: «когда бы де она была за государем в супружестве, тогда б де может, что то сделалось», при нем князь Михаиле не говаривали; а о прочем де вышепоказанном оный брат князь Василий говорил ли, и в каком намерении, того де он князь Михайло не упомнит.

А князь Иван Григорьев сын показал: Помянутый де князь Василий Володимиров сын о выше объявленном может что и говорил, но токма таковыми ли речьми, и что на оное он князь Иван и братья его говорили ль, того де он князь Иван не упомнит.

А князь Сергей и князь Василий Лукин сын сказали: Князь Василий и князь Михайло Володимировы дети об оном им говорили ль, не упомнят.

А князь Иван Алексеев сын сказал: Князь Василий де Володимиров сын об оном, помнится, ему князь Ивану и отцу его

говорил.

Князь Василий де Володимиров сын, показал: Князь Алексей де, и князь Сергей, и князь Иван Григорьевы дети в вышеобъявленную его князь Василья с братом своим князь Михайлом бытность при князь Василье Лукине сыне, помнится ему князь Василью, говорили слова такия: «Хорошо б де, когда б Его Величество подписал после себя наследство обрученной своей невесте». А под духовною ль бы, или под другим чем изволил пописать, оные Долгорукие тогда именно выговорили ль, того он князь Василий, не упомнит; только де в то же время оные Долгорукие ко оному разсуждали: «Кабы де подписав Его Величество и призвав министров, сенаторов и генералитет, вручил им и о исполнении словесно повелел, и таким де образом могло бы в действие производить.

И он де князь Василий сказал, что ежели Его Величество при животе своем изволит то учинить, то в воле Его Величества состоит; но только б они об означенном своем намерении более не разсуждали, что по их намерению ничего сделать не может, и чтоб от того они отстали, на крепко им подтверждал; но оные де князь Алексей, князь Сергей и князь Иван Григорьевы дети за то на него сердились; токмо де после того от онаго намерения своего они отстали ль, или в действо производили, и чрез духовную ль, или чрез другое что, того де он князь Василий подлинно не знает и ни от кого о том не слыхал.

А князь Михайло сказал: Что о вышеобъявленном князь Алексей, князь Сергей, князь Иван Григорьевы дети и брат его князь Василий говорили ль, того де он не упомнит, и подлинно ль де оное говорено было, точно ныне утвердить не может, и князь Алексей, и князь Сергей и князь Иван Григорьевы дети от онаго своего намерения отстали ль, или в действо производили, и чрез духовную ль, или чрез другое что, того де он князь Михайло не знает и не от кого о том не слыхал.

А князь Иван Григорьев сын показал: Оный де князь Василий Володимиров сын об оном может что им говорил, только де таковыми ли речьми, и что на оное он князь Иван и братья его говорили ль, того де вспомнить он князь Иван не может.

А князь Сергей сказал: Оный де князь Василии Володимиров сын о том, что ежели де Его Величество при животе своем изволит что учинить, то в воле Его Величества состоит, им говорил, а слова де такия чтоб об означенном своем намерении более они не разсуждали, что по их намерению ничего сделаться не может, оный князь Василий Володимиров сын говорил ли, не упомнит.

А князь Иван Алексеев сын сказал: Князь Василий де

Володимиров сын об оном, помнится, ему князь Ивану говорил до сочинения еще духовной.

А князь Василий Лукин сын сказал, что об оном де князь Василий Володимиров сын говорил ли, не помнит.

Князь Василий же Володимиров сын объявил: От означенных де князь Алексей и князь Сергея и от князя Василья Лукина сына Долгоруких, и от других ни от кого никогда о том, что оная духовная рукою Его Величество подписана или не подписана, тако же вместо Его Величество воровски кто подписал ли, и для чего, того он князь Василий не слыхал и не знает, и ни от кого, ни чрез что об оном он не слыхивал, и разсуждения и совета об оном же ни о чем со оными Долгорукими и ни с кем никогда он не имел; да не только де об оном, но и о том, кто оную духовную сочинял и набело переписывал, он князь Василий не ведает и ни от кого о том не слыхал.

А князь Михайло показал: От братьев де своих князь Алексея и князь Сергея Григорьевых детей, и от князь Василья Лукина сына, и от князь Василья же Володимирова сына, и от племянника своего князь Ивана, и ни от кого о том, что оная духовная рукою Его Императорскаго Величества подписана или не подписана, тако же вместо Его Величества воровски кто именно тое духовную подписал ли, и для чего, никогда он князь Михайло не слыхал, и разсуждения де И совета никакого о том у него князь Михайла ни с кем не было.

Князь Василий же Володимиров сын показал, что брат его князь Михайло во бъявленное время дорогою с ним от князь Алексея говорил ему князь Василию: «Вот де мы отговаривает и претим, что княжне Катерине наследницею быть не можно, а когда де Его Величеству от болезни будет легче, то де князь Алексей с братьями своими за то нас сгубят». И он де князь Василий сказал: «Плюнуть де на них лучше, правду им говорит, а не манить».

А князь Михайло сказал: Об оном де тому своему брату говорил он без всякаго противнаго намерения, но спроста в разговорах с оным братом своим о показанном оных князь Алексея с братьями своими намерении, и на оныя де его слова оный его брат об означенном говорил, и он де князь Михайло, но то не говоря более ничего, умолчал.

Князь Василий же Володимиров сын показал, что на вопросные пункты сперва в допросе своем о вышеобъявленном о всем он князь Василий именно не показал, того ради, думал де он, что и кроме его показания об оном блаженныя и вечно достойны я памяти великой государыне императрице Анне Иоанновне известно, понеже де по пришествии в Москву, Ея

Императорское Величество изволила ему князь Василью сказывать, что князь Василий Лукин сын доносил Ея Императорскому Величеству во время шествия из Курляндии о дерзости князь Сергея и князь Ивана Григорьевых детей, что они министров бить хотели, ежели совет их слушать они не станут; и при том де изволила Ея Императорское Величество его князь Василья спросить: «Было ли де так?» И он князь Василий Ея Императорскому Величеству донес, что о их де дураческом дерзновении что ему князь Василью доносить, когда уже князь Василий Лукин сын доносил. К тому же де граф Гаврила Головкин о том, что означенный князь Алексей с братьями своими дочь свою желала наследницею российскаго престола учинить, ведал, а по чему, того он князь Василий не знает, и оный де граф Головкин благодарил его князь Василья, что от показанных замыслов онаго князь Алексея с братьями он князь Василий отвращал;, по чему надеялся де он князь Василий, что и чрез онаго графа Головкина о вышеобъявленном Ея Императорскому Величеству уже донесено. А о противном де деле и совете князь Алексея и братьев его, кроме того, о чем выше сего от него князь Василья показано, о другом де ни чем он не ведал, но только де о всех бывших разговорах: разве чего от безпамятства своего он князь Василий не объявил, понеже же всего за мною прошедшим временем и за старостию аккуратнр вспомнить он не может; а сверх де того думать было оным Долгоруким не можно, для того что он в согласии к ним не приставал, но еще от того их отвращал.

А князь Михайло показал: О противном де деле и совете князь Алексея и братьев его, кроме того, как выше сего он князь Михайло объявил, о другом ни о чем он не ведал и сам с ними ни о каковых противных делах не советовал; и оные де Долгорукие от означеннаго намерения своего отстали ль, или в действо производили, и чрез духовную ли, или чрез другое что, того де он князь Михайло не знает и ни от кого о том не слыхал.

А на вопросные же пункты сперва в допросе своем о вышеобъявленном он князь Михайло не показал не для какого о том закрытия, но от одного своего безпамятства, что к показанию де об оном в память ему князь Михаилу за многопрошедшим временем не пришло.

Означенные жь князь Серей и князь Иван Григорьевы дети и князь Василий Лукин сын и князь Иван Алексеев сын Долгорукие при следствии же показали, что в сочинении показанной духовной, кроме Князя Алексея и их, князя Василья Лукина сына и князя Сергея и князя Ивана Григорьевых детей и князя Ивана Алексеева сына, других советников и сообщников с ними не было,

и с другими ни с кем согласия в том они не имели, и оных де духовных, кроме его князя Сергея, никто не писывали, и в том они утвердились.

В приговоре генеральнаго собрания предложено, что помянутые князь Василий и князь Михайло Володимировы дети Долгорукие, хотя от показаннаго противнаго намерения означенных Долгоруких и отвращали, однако де, ведая о таком противном деле, Ея Императорскому Величеству о том они не доносили, и при следствии сперва об оном именно они не объявили за то смерти достойны; но токмо де предается об них в высочайшую милость Ея Императорскаго Величества.

По именному блаженныя и вечно достойныя памяти великой государыни императрицы Анны Иоанновны, за подписанием собственныя Ея Императорскаго Величества руки, указу, состоявшемуся ноября 1-го дня 739 году, поведено, что оные князь Василий и князь Михайло Володимировы дети за показанныя в оном приговоре важныя вины, смертной казни хотя и достойны, однакоже Ея Императорское Величество, милосердуя о них, от смертной казни их освободила; но токмо онаго князя Василья содержать по прежнему в Иване-городе и, кроме церкви, никуда его не выпускать, и к нему ни кого, ни для чего не допускать. По тому же и брата его князя Михайла, взяв из деревни, содержать в Шлютельбурге против того, как брата его князя Василья.

И по силе онаго именнаго указа помянутый князь Михайло в Шлютельбурге взят, где, такожь и помянутый князь Василий Володимиров сын в Иване-городе, содержатся и по ныне.

С оным князь Михайлом, из вышепомянутаго села Бояринова, взято собственных его 144 р. 69 к., которые оному князю Михаилу с человеком его велено употребить на пропитание.

По вышеобъявленному же именному Ея Императорскаго Величества указу повелено о прочих князь Алексеевых детях, тако жь и князь Михайловых детях и внучатах, сколько их где обретается, взяв откуда надлежит ведомость и справясь, сколько за оным князь Михайлом деревень, и где именно имеется, и описав пожитки его все, доложить.

А по справке явилось:

У помянутого князя Михайла Долгорукова сыновей:

Князь Александр, в службе с 729 года, с января, месяца, а мая с 22-го дня 739 года имеется в Санкт-Петербургском драгунском палку подполковником.

Князь Сергей, в службе имелся с 715, а с 736 годов был в Рижском гарнизоне премьер-майором, и 739 года мая 2-го дня, по именному Ея Императорскаго Величеству указу, от военной и

штатской службы отставлен, и велено жить ему в подмосковной его деревне в селе Покровском безвыездно.

Князь Петр да князь Василий в 736 году, по именному Ея Императорскаго Величества указу, для определения в службу в полки Украинскаго корпуса из военной коллегии отосланы к господину генерал-фельдмаршалу графу фон-Миниху, а мая 17-го дня (котораго года не показано), оный генерал-фельдмаршал рапортовал, что о написании их в драгуны и о причислении в Троицкий полк к генерал-фельдцейхместеру князю Гессен-Гамбургскому предложено.

Дочерей онаго жь князь Михаила:

За Львом Александровым сыном Милославским Анна.

За Александром Романовым сыном Брюсом-Настасья.

Девки – княжна Авдотья и княжна Аграфена, обретаются в Москве, в доме своем, о чем показал оный отец их князь Михайло.

Внучат онаго князь Михайла, а помянутаго сына его князя Сергея детей:

Князь Михайло, в службе марта с 1-го 736, а октябрь с 30-го 737 годов имеется в Ревельском драгунском полку вахмистром.

Князь Иван да князь Юрья, дочь княжна Мария имелись при отце своем князь Сергее в селе Покровском, о чем показал помянутый дед их князь Михайло.

А по наведыванию в Москве тайкой канцелярии из конторы показано, что онаго князя Сергея дочери Княжны – Мария 17, Авдотья 4 лет, живут в Москве в доме и пропитание имеют из деревень онаго деда их князя Михайла.

По описи у онаго князь Михайла в Галицком уезде в вышеобъявленном селе Бояринове, кроме вышеозначенных взятых с тем князь Михайлом в Шлютельбурге денег, явилось: святыя иконы в окладах золотых и серебреная, и медная, и оловянная посуда, и Прочие пожитки, тако жь и оставший после его в житницах запас, лошади, скот и птицы, имелись в объявленном селе Бояринове.

Из вотчинной коллегии и той коллегии из конторы, ведомостьми, за оным князь Михайлом в Верейском, в Можайском, в Волоколамском, в Боровском, в Суздальском, в Юрьевском-Польскаго, в Калужском, в Епифаньском, в Нижегородском уездах, в мызе, в селе и в деревнях ив пустошах показано на лицо мужеска и женска полу 390 душ, сверх того в бегах мужеска и женска полу 26 душ; по купчей 2 человека.

Да во оной же из вотчинной коллегии ведомости,' за оным князь Михайлом написано в Московском уезде село Покровское с деревнями.

А по присланной из военной коллегии ведомости, как выше

явствует, показано, что оное село Покровское сына онаго князя Михайла, князя Сергея, в котором ему князь Сергею безвыездно жить поведено.

В оной же из вотчинной коллегии ведомости, за оным князь Михайлом написано в Московском уезде село Покровское с деревнями.

А по присланной из военной коллегии ведомости, за оным князь Михайлом написано в Московском уезде в Березопольском стану село Даденово; в нем, по перепеси и по свидетельству, мужеска полу 250 душ.

А онаго князь Михайла человек Матвей Сахаров в вотчинной коллегии сказкою показал, что оным селом оный князь Михайло не владел, а владеет де тем селом помянутый сын его князь Сергей.

В той же ведомости обяъвлено, что по присланной де из камор-коллегии справке, за оным князь Михайлом в Можайском уезде в селе Самотове, показано в окладе 20, не в окладе 2 души.

А помянутый жь князь Михайлов человек Сахаров сказкою показал, что оным селом князь Михайло не владел, а владеет де коммерц-конторы подъячий Семен Давыдов, и хотя де те крепости писаны и на князь Михайлово имя, токмо де по купчей за оное село собственныя деньги платил отец онаго Давыдова. В ведомости жь объявлено, что по присланной из камор-коллегии справке, за оным же князь Михайлом в Можайском, Галицком, Ярославском, Симбирском уездах в селах и деревнях, по переписи и по свидетельству, мужеска пола показано 836 душ, а по каким де дачам и крепостям оныя в подушный оклад за ним князь Михайлом имеются, о том де в вотчинной коллегии не ведомо, и по справкам дачь на оныя не явилось.

А означенный князь Михайлов человек Сахаров сказкою показал, что показанныя деревни по разным сделкам за оным князь Михайлом имеются, а которых де годов, и где оныя сделки, о том де он Сахаров не ведает.

По описи лейб-гвардии унтер-офицера явствует, что в вышеобъявленном селе Бояринове, за взятием со оным князь Михаилом в Шлютельбурге для услужения одного человека, осталось дворовых людей и с приказчиком 5 человек.

Из Московской полициймейстерской канцелярии справкою показано, что онаго князь Михаила имеются в Москве неотписные два двора с каменным и деревянным строением.

Да в присланном в тайную канцелярию из полициймейстсрской канцелярии доношении объявлено, что онаго жь князь Михайла в С. – Петербурге имеются дворы, а именно: первый на Васильевском острову и первой линии по

большому каналу, с каменным и деревянным строением.

По именному блаженныя и вечно достойныя памяти-великой государыни императрицы Анны Иоанновны, за подписанием собственныя Ея Императорского Величества руки, указу, сентября 23-го дня 740 году, повелено: помянутаго князь Михайла Долгорукима внучат, а сына его князь Сергея сыновей не служащих, годных в военную службу, написать в разные армейские полки в солдаты, а кто из них в солдатах быть еще не годны, тех определить в гарнизонныя школы по разным местам; а движимое и недвижимое онаго князь Михайла собственное имение отписать на Ея Императорское Величество, кроме того, которое получил он в приданыя за женою своею, хотя то и за ним было справлено; и по примеру тому, как сообщников Волынскаго с женами и детьми высочайшее Ея Императорскаго Величества милосердие учинено, соизволила Ея Императорское Величество из высочайшаго своего милосердия всемилостивейше оставить и пожаловать для пропитания детям онаго князь Михайла, которые в службе находятся, а деревень за ними не имеется, такожде и дочерям его, которыя не в замужестве, то матери их имение, хотя оное по приданству онаго князь Михайла имения на каждаго его сына и дочь по сороку душ.

И по силе оного именнаго указу о написании вышеобъявленных не служащих князь Михайловых внучат, а сына его князь Сергея сыновей, имеющихся при оном князь Сергее, князь Ивана да князь Юрья, *в* разные армейские полки в солдаты, а кто из них в солдатех быть еще не годны, о определении в гарнизонныя школы по разным местам, из тайной канцелярии сообщено в военную коллегию с таковым объявлением, дабы во исполнении оного именнаго указу оные князь Михайловы внучата ко оному росписанию взяты были, кроме Москвы, куда оная коллегия заблагоразсудит, – чего ради об отдаче оных князь Михайловым внучат кому от оной коллегии указом определено будет принять, писано в Москву к генералу и кавалеру и обер-гофмейстеру графу Салтыкову.

В промемории из военной коллегии показано, что оных князь Михайловых внучат для написания в разные армейские полки, состоящие в команде генерала Кейта, годных в службу, а малолетных в Воронежскую и в другия тамошния разныя гарнизонныя школы, кроме Москвы, из военной конторы велено отправить к оному генералу Кейту.

А в правительствующий сенат из тайной канцелярии подано было доношение с таковым представлением, что не соблаговолит ли правительствующий сенат во исполнение вышереченнаго именнаго Ея Императорскаго Величества указу о разделении

вышереченнаго означеннаго имения и о даче из собственных помянутого князя Михайла вышеозначенным детям его по сороку душ в вотчинную коллегию, а за тем оставшаго об отписании в канцелярию конфискации, или куда правительствующий сенат разсудит, определить указами, и в тайную канцелярию о том указом сообщить, понеже где по разсуждению правительствующаго сената оставшему помянутаго князь Михаила имению опись учинить и в смотрении тому быть поведено будет, то из тайной канцелярии имеют быть сообщены о имении онаго князь Михайла с ведомостей копии.

А по присланной в тайную канцелярию правительсвующаго сената резолюции велено по силе вышеобъявленнаго именнаго Ея Императорскаго Величества указу, разделение князь Михайла Владимирова сына Долгорукова справленнаго за ним приданаго за женою его движимаго и недвижимаго имения, для пропитания детям онаго князь Михайла, кои в службе находятся, а деревень не имеют, и дочерям его, которыя не в замужестве, да сверх того из собственнаго онаго князь Михайла имения на каждаго его сына и дочь по сороку душ, по сообщению из оной канцелярии о имении его князь Михайла ведомостей, учинить в вотчинной коллегии, а затем оставшее его князь Михайла Долгорукова имение по ведомостям той же канцелярии отписать и в смотрении иметь канцелярии конфискации.

И по силе оной резолюции с имеющихся в тайкой канцелярии о вышеобъявленном движимом и недвижимом онаго князь Михайла имении описей из тайной канцелярии в вотчинную коллегию при промемории посланы точныя копии, и велено, дабы по исполнении вышеозначен наго об оставшем имении, сколько всего того за объявленным разделением и даче ю останется, из оной коллегии для отписания сообщено было в канцелярию конфискации обстоятельное известие без замедления о сем для ведома из тайной канцелярии, и в канцелярию конфискации указ послан. Но токмо в вотчинной коллегии о вышеозначенном что учинено, в тайной канцелярии известия не имеется.

Помянутаго князь Михайла сын Санктпетербургскаго драгунскаго полку поручик князь Василий Долгорукий в подданном своем челобитье написал, что недвижимое отца его имение оставлено было и имелось во владении за братом его, того же Санктпетербургскаго драгунскаго полка подполковником князем Александром, и за сестрами его Авдотею и Аграфеною, и за ним Васильем, и чрез оное де пропитание свое они имели. И тем челобитьем просит, чтобы для многолетняго Его Императорскаго Величества и всемилостивейших Его Императорскаго Величества родителей здравия показать высокое

милосердие, и тем недвижимым отца их имением, до ныне бывшем за ними, пожаловать по прежнему для крайнего пропитания их, дабы он Василий и означенный брат его, будучи в службе Его Императорскаго Величества, також-де и сестры их, теми пропитание имели.

В ссылке в городе Березове князь Алексея Долгорукова детей имелось, а именно: сын Алексей, дочери Катерина, Алена, Анна, да бывшия при них во услужении вдовы Авдотья Петрова, Арина Захарьева, Авдотья Махайлова, девки Матрена Иванова, Мавра Петрова.

А по следствию о вышепомянутых Долгоруких дела до означенных князь Алексеева сына Алексея и сестер его Катерины, Алены, Анны, важности, и до оных служительниц не коснулось; но токмо по именному блаженныя и вечно достойный памяти великой государыни императрицы Анны Иоанновны указу, подписанному собственною Ея Величества рукою, вышеобъявленнаго 23-го дня октября 740 года, повелено учинить следующее:

1) Помянутаго князь Алексея Долгорукова сына Алексея, дабы более ему в даче кормовых денег не происходило, и от того бы интересу напрасной траты не было, и праздно бы не жил, написать в Камчатскую экспедицию в матросы, и из той экспедиции в другие места ни для чего его не переводить; а дочерей онаго князь Алексея, Катерину, Алену, Анну разослать в Сибирь по монастырям, по разсмотрению постричь их в монахини, и настоятельницам тех монастырей иметь и содержать их под наикрепчайшим присмотром, и никуда их из тех монастырей ни для чего отнюдь не выпускать, и писем писать не давать, и посторонних никого ни для какого сообщения к ним не допускать, и чтобы ни каковых шалостей и непотребства от них не происходило, пищею и одеждою содержать их по обыкновению тех монастырей равномерно против прочих монахинь без всякой отмены, и во оные монастыри из Березова разослать их за надлежащим караулом с нарочно посланными из Тобольской губернской канцелярии обер-офицерами.

2) Имеющихся при оных князь Алексеевых дочерях в услужении вдов, так жь и девок, свободить и разослать их в разные сибирские города на вечное житье, а ежели оныя вдовы и девки в замужестве быть пожелают, то им позволить, токмо кроме солдатства и приезжих, но за тамошних жителей.

3) Имеющуюся ныне при оных же князь Алексеевых детях медную и оловянную посуду и платье, оставя из того оным потребное число, без всякаго излишества, прочую всю отобрать в

Березовскую воеводскую канцелярию, и обще с имеющимся в оной воеводской канцелярии прежде отобранными у оных Долгоруких пожитками, и остаточныя за издержанием им на пропитание деньги, дав из тех денег помянутому Алексею и сестрам его во время посылки их в показанныя места на пропитание по двадцати по пяти копеек на день человеку, да в те монастыри, в который оныя девки посланы будут, в каждый на всех имеющихся там монахинь на пропитание денег пятьдесять рублев, а достальныя все из той воеводской канцелярии отослать в Тобольскую Губернскую канцелярию немедленно, и в той губернской канцелярии те присланныя деньги записать в приход, а означенные пожитки, оценя, с публичнаго торга продать, и деньги по тому жь в приход записать и в тайную канцелярию о том о всем обстоятельно репортовать. (Об оном еще из Сибирской губернской канцелярии не репортовано). И по силе онаго именнаго указу о вышеобъявленном о всем в Сибирскую губернскую канцелярию, тако жь и о пострижении означенных Долгоруковых дочерей в разные собирские девичьи монастыри из святейшаго синода и из тайной канцелярии, куда надлежало, указы посланы.

А в доношении из Тобольской архиерейской канцелярии показано, что означенных Долгорукова дочерей с монахини велено постричь Тобольской епархии в девичьих монастырях, а именно: Катерину в Томском Рождественском, Елену в Тюменском Успенском, Анну в Верхотурском Покровском. И требовано де от Сибирской губернской канцелярии определения, что вышеозначенные девичьи монастыри, кроме одного Томскаго, от Тобольска обретаются в близости и на самом Московском тракте, и весьма все молобратсвенные и нищетские, единою милостынею питаемые, в которых де не только караулов содержать, но и обычайных монастырских служеб исправлять но кому, и крестьян и слуг никого при тех монастырях не имеется. А из Сибирской канцелярии для взятья помянутых Долгорукова дочерей Катерины, Алены, Анны и для отвозу их в означенные монастыри, посланы в Березов нарочные обер-офицеры и солдаты, и велено тех Долгорукова дочерей в тех монастырях постричь при оных обер-офицерах, и для вышепоказанных от архиерейской канцелярии резонов тем обер-офицерам из солдат для караула оставить при оных Долгоруких по два человека по указу.

Князь Александр и князь Николай Алексеевы дети Долгоруковы, которые будучи в ссылке в городе Березове, в нижеследующих винах объявились, а именно: (Дела о них, почему во оную ссылку посланы, в тайной канцелярии не было).

Князь Александр брату своему князь Ивану Алексееву сыну говорил:

1) «Подьячий де Тишин хочет на него князь Ивана доносить, будто де он князь Иван бранил государыню и говорил: «Какая де она государыня, она – Шведка; мы де знаем за что она Бирона жалует, а ныне де выбрана государынею».

2) «Государыня де императрица государыню цесаревну наказывала плетьми за непотр…, что она от Шубина….». И помянутый де Тишин говорил: «Я де бывал у Мошкова в интендантской конторе у дел и видел прижитых от государыни цесаревны двух детей мужеска и женска полу».

3) «Государыня де императрица хочет герцога Голстинскаго за сына выдать в замужество государыню принцессу Анну, а оный де Голстинский обещает Государыне императрице дать 20.000 войска, и будет де он в Швеции королем». В которых произносимых своих словах оный князь Александр при следствии чрез показание означеннаго брата своего князь Ивана изобличен и сам в том винился. И сперва оный князь Александр показывал, что об оных словах слышал, он от человека своего Василья Щеглова, который сказывал ему князь Александру при сестре его Катерине. Оный Щеглов в том не винился. А потом и сам оный князь Александр сказал, что оных слов от Щеглова он не слыхал и сперва де об оном на того Щеглова и про сестру свою Катерину показал он напрасно, а слышал де он Александр об оном о всем на одине от доносителя Тишина, в чем и в очной с тем Тишиным ставке, он князь Александр утвердился. А Тишин в том не винился.

А оный князь Александр объявил, что, слыша де он от онаго Тишина об означенных непристойных словах, бывшему у них на карауле майору Петрову не донес простотою своею.

Он же князь Александр показывал, что о вышепоказанных непристойных словах сказывал он брата своего князь Ивана жене княгине Наталье, в сенях сквозь стену в прорубное окошко на одине, и она де ему сказала: «Я де о том слышала». А от кого, не выговорила.

А потом он князь Александр винился, что оной княгине Наталье об означенном он не говоривал, а сперва де о том показал на нее напрасно, и сговаривает де о том правдою, а не ради какого сожаления, помня смертный час, как явиться ему на страшном суде Христове.

А вышепомянутому князь Николаю брат его князь Иван, слыша от онаго же брата своего князь Александра вышеобъявленных всех слов он князь Николай сперва в том не винился и показал, что, слыша от онаго князь Ивана об

означенных непристойных словах, не донес, сожалея онаго брата своего князь Ивана.

Он же князь Николай о имевшейся книге о коронации Его Императорскаго Величества Петра II и о имевшем у князь Ивана патенте при следствии не объявил и оную книгу ухоронил на наистоике; а при следствии показал, что об оном не объявил и оную книгу ухоронил от, желая той книге и патенту утаену быть, для того, мыслил де он, ежели оную книгу и патент объявить, то за держание той книги и патента будет какое истязание. Оную жь книгу хотел он князь Николай сжечь и брату своему князь Ивану говорил, что он тое книгу хочет сжечь; в чем сам же князь Николай винился, что оную книгу сжечь он хотел, боясь де за держание при себе той книги истязания.

По именному блаженныя и вечно достойныя памяти великой государыни императрицы Анны Иоанновны, за подписанием собственныя Ея Императорскаго Величества руки, указу, сентября 23-го дня 1740 года, поведено: помянутым Долгоруковым, Александрру, за прошедшия от него в бытность в ссылке в городе Березове важныя злодейственная и непристойныя слова, да князь Николаю, что он, слыша о тех словах от брата своего князь Ивана, по силе указов, где надлежит, не донес, и о том закрыл и умолчал, учинить обоим публично в Тобольске жестокое наказание, бить кнутом т, урезав у них языки, сослать в работу вечно, Александра в Камчатку, Николая в Охотск, и в тех местах на пропитание давать им на месяц муки по два четверика, круп и соли по препорции, денег по две копейки на день.

И по силе того именнаго указу о исполнении из тайной канцелярии послан в Сибирскую губернскую канцелярию указ, такожь гвардии к сержанту, который для караула имелся, писано 740 году сентября 25-го дня.

По указу Его Императорскаго Величества, именем Его Императорскаго Величества объявленному от бывшаго регента, октября 23-го дня, повелено: для поминовения блаженныя и вечно достойныя памяти великой государыни императрицы Анны Иоанновны, от означенной экзекуции оных Долгоруковых помиловать и того им не чинить, но токмо послать их в те места, куда сослать из велено, и об оном всемилостивейшем Его Императорскаго величества о показании К ним высочайшаго милосердия указе объявить им, чего ради отправить из тайной канцелярии с указом в Тобольск нарочнаго на почтовых подводах, о чем того Же числа в нарочным указ был отправлен.

Но сего 741 года января 19-го дня, присланным из Сибирской губернской канцелярии репортом объявлено, что оным Долгоруковым до получения вышереченнаго Его Императорскаго

Величества указу наказание кнутом со урезанием у них языков учинено Ноября 19 дня, и посланы в вышеобъявленныя места.

Ныне оные Долгоруковы живы ль, или из них КТО умер, в тайной канцелярии известия не имеется.

Приложение 4
Трактат между Российским и Турецким двором, заключенный в лагере при Белграде 18 Сентября 1739 года

Трактат, между Российским и Турецким двором, заключенный в лагере при Белграде. – О вечном между обоими дворами мире и согласии; о разорении Азовской крепости; о дозволении России построить на Догу близ Черкаска, а Порт близ Азова крепости; о независимости Кабардинцев; о размене пленных; о свободной взаимной торговле; о безпошлинном Россиянам посещении Иерусалима, и о бытии при Порте Российскому резиденту.

Копия с трактата между Всероссийскою Империею и Портою Оттоманскою, заключенного с Российской стороны чрез бывшего Французского чрезвычайного и полномочного при Порте посла маркиза де Вилленева с Турецким верховным везирем, под Белградом 1739-го года Сентября 18 дня.

Во Имя Господа Бога, Создателя неба и земли и всяких благ источника.

Поне же между Пресветлейшею и Державнейшею Великой Государынею, Божиею поспешествующею милостию, Анною, Императрицею и Самодержицею Всероссийскою, Московскою, Киевскою, Владимирскою, Новьгородскою, Царицею Казанскою, Царицею Астраханскою, Царицею Сибирскою, Государыню Псковскою и Великою Княгинею Смоленскою, Княгинею Эстляндскою, Лифляндскою, Корелскою, Тверскою, Югорскою, Пермскою, Вятскою; Болгарскою и иных, Государынею и Великою Княгинею Нова Города Низовские земли, Черниговскою, Рязанскою, Ростовскою, Ярославскою, Белозерекою, Удорскою, Обдорскою, Кондинскою и всеа Северныя страны Повелительницею и Государынею Иверские земли, Карталинских и Грузинских Царей и Кабардинские земли, Черкаских и Горских Князей и иных

Наследною Государынею и Обладательницею Ея Императорским Величеством с одной стороны, и пресветлейшим, державнейшим Его Салтановым Величеством, преизрядных Салтанов великим и почтеннейшим Королей, лепотнейшим Мекским и Мединским и защитителем Святаго Иеросалима, Королем и Императором пространнейших провинций, поселенных в странах Европских и Ассийских, и на Белом и на Черном море,

светлейшим и державнейшим и Великим Императором Салтаном сыном Салтановым, и Королем и сыном Королей, Салтаном, Магмутом, Ханом сыном Салтана Мустафы Хана, с другой стороны, тяжка и обоих сторон подданным разорительная война началась, а лаки обе стороны, по возбуждению Богу благоприятного примирения общим склонением о том мысли, дабы тому кровопролитию окончание учинить, и все ссоры прекратя, совершенную тишину, и права древней дружбы и соседства между обоих стран, государствами, землями м подданными чрез истинной, надежный и постоянный мир и вечно пребывающее дружбы обязателство, к общей народове ползе и благополучию, возстановить. И тако соизволением и поспешествованием Всевышшаго Бога и употребленною медиациею Его Христианнейшаго Величества к тому пришло, что с обоих сторон, чрез поверенных к тому благому делу принадлежащею и достаточною полною мочью снабденных министров, а имянно: с стороны Ея Императорскаго Величества Всероссийскаго благороднейшаго и превосходительнейшаго господина маркиза де Вилленева, статскаго советника Его Христианнейшаго Величества и чрезвычайнаго полномоченнаго его посла при Оттоманской Порте; а с стороны помянутой Блистательной Порты Оттоманской, превосходительнейшаго и сиятельнаго Ходжи Магемет паши, верховного везиря Оттоманской Империи, по силе совершенной и волной имеющейся власти от своего характера, по бывшим многим конференциям, державным между помянутым господином послом и министрами Роты оной, постоянной, вечной и ненарушимой мир на следующих статьях и артикулах постановлен и заключен.

О восстановлении и содержании между обоими империями вечного миру и дружбы.

1. Да отложится и уничтожится отныне впредь всякое неприятство и недружба, которая между обоими сторонами началась, и все, еже во время продолжающейся войны, с одной или с другой стороны неприятельскаго, или противного хотя оружием, или инако предвозприято произведено и учинено, вечному забвению да предастся, и никакими мерами месть и отмщение о том да не вземлется; но вместо того вечной постоянной и ненарушимой мир, как на земле, так и на воде, тако жь истинное согласие и неразрушимая вечная дружба и прилежнейшее исполнение и сохранение сих поставленных статей и обязательств, да пребудет между обоими договаривающимися Высокими стороны Ея Всепресветлейшим Императорским Величеством и Его Салтановым Величеством и их Наследниками

и потомками, так же и между обоих сторон империями, областями, землями, подданными и жителми, так что впредь обе стороны, не токмо одна другой ничего неприятелского, или противного, хотя тайно, или явно, не учинить, но паче вместо того верную дружбу и соседство и истинной мир между собою содержать и взаимно себе всякаго блага желать и всякой ползы поспешествовать имеют, дабы возстановленный мир и постоянная тишина к ползе и приращению обоих Имперей и подданных ненарушимо соблюдена была.

2. И понеже обоих сторон истинное намерение есть, между обоими сими Империями учинить мир твердый и постоянный, дабы обоих оных подданные оным ползовался, и во всяком покое и благополучии пребывать, и всякой способ к ссорам и случай к несогласию вовсе отвращены и пресечены быть могли; того ради общим согласием договоренось, что границы обоих Империй имеют быть имеют те, как учреждены и постановлены были в прежних трактатах, а наипаче как оные явственно толкованы будут при договоре, который по силе сего трактата произведен быть имеет.

О разорении Азова; о бариерной тамо земле; о строении вновь крепостей, чтоб Таганрог не был возобновлен, и с Российской бы стороны ни на Азовском ни на Черном море никаких кораблей не иметь и не построить.

3. Крепость Азовская имеет вовсе разорена быть, и в разсуждении истинного и вечного мира, земля той крепости, по учрежденным границам 1700-го году трактата, имеет статца пустая и между двумя Империями барриерою служить будет, по взаимно позволено да будет России новую крепость построить, в близости острова Черкаского к Азову которой остров стоит на реке Доне и из давных лет Российскою границею есть; тако жь с стороны Оттоманского Империя позволено будет на Кубанских границах к Азову крепость построить, по определению местоположения помянутых крепостей, которое от учрежденных с Обоих сторон коммисаров назначено будет, на которых справедливость и дискрецию тако учреждение положено быть имеет, с такою однако жь кондициею, ЧТО б бывшая крепость Тоганрока, которая уже разорена, вновь возобновлена не была, и что б Российская Держава ни на Азовском море, ни на Черном море, никакой корабелной флот, ниже иных кораблей иметь И построить не могла.

О комиссарах с обоих сторон для учреждения границ.

4. Для лутчаго ж и подлинного знания обоих стран подданным тех границ, которые имеют быть учреждены, скоро после подтверждения сего мирного трактата, имеют быть от обоих Империй определены и отправлены вышеупомянутые искусные комисары, с такими доволными инструкциями и полномочными грамотами, что б на той коммисии не могли произойтить никакие излишние затруднения, но оные б сьехався, по силе сего трактата между обоими Империями границы без продолжения, учредили и в потребных местах постройные впредь на вечные времена знаки постановя, обыкновенными писемянными инструкциями изъясня в них все те границы, со обстоятелствы утвердили, которые коммисары имеют в совершенное окончание привесть сию свою коммисию в полгода, после размены ратификацей сего трактата. I. 1739 Октября 3. Конвенция, в следствие Белградскаго мирнаго Трактата, заключенная в лагере под Ниссою между Российскою и Турецкою Империями, при посредстве Французскаго Двора. – Об определении границ обеих Империй.

Арт. 2. С другой стороны Днепра, то есть к востоку, начав от востока или начала реки Заливы Конския Воды, имеет ведена быть прямая линия до западнаго истока, или начала реки Большой Берды, и все земли и воды, лежащия внутри между помянутыми реками: Днепром, Заливою Конских Вод, помянутою линиею и рекою Большой Берды, Оттоманской Империи остаться имеют; а все те земли и воды, лежащие по другой стороне, то есть в непомянутых рек и линий, Всероссийской Империи да останутся, изъяв того, что в следующем артикуле упомянуто будет, а именно:

Арт. 3. Что касается до земли, лежащей между помянутою рекою Большой Берды даже до реки Миуса, границы таким образом определены да пребудут как оне постановлены были мирным трактатом, заключенным между обеими Империями в 1700 году.

II. 1740 Ноября 4. Инструмент, заключенный при Великом Ингуле. – О разграничении земель Российскаго и Турецкаго владений между рек Буга и Днепра.

О воздержании обоих Империй подданных от набегов и обид и о наказании за то своевольных и о возвращении от оных погрaбленого.

5. Ея Императорскаго Величества и Всероссийской Империи подданные казаки и калмыки и протчие, какого б звания ни были, в подданстве упомянутого Империя обретающиеся люди, и народы Оттоманской Империи, подданным крымским и всем

протчим в подданстве Оттоманской Империи обретающимся татаром и другим народам никаких набегов и неприятелств да не творят, и никому убытка и урону да не наносят, но жестоко воздержаны да будут от своевольств и нападений, и всяких сему блаженному миру противных поступков; а ежели какие продерзости от оных и в самом деле явятца, те з жестокостию да накажутца.

Равным же образом подданные Оттоманского Империя, как крымские, так и все протчие татары, и все другие в подданстве Оттоманской Порты обретающиеся, какого б звания и достоинства ни были, впредь, ни с малою или с великою воинскою силою на страны и на городы и на села владения Ея Императорскаго Величества Всероссийской, и на подданных Ея Великороссийских и Малороссийских стран, ни на казацкие подданные Ея Императорскаго Величества городы и поселения, по рекам по Днепру и по Дону и ин-де поселенные, ни на села и городки, ни на жителей, и генерально, противу и на границы Всероссийской Империи, которые назначены и учреждены будут, нападения и неприятельств да не чинят, и в полон да не берут, и скота да не отгоняют и, ни тайно, ни явно убытка и урона да не наносят, ни иным каким ни есть образом да не обеспокоивают. А естли каким ни есть случаем или убыток наносити, или каким нибудь сочинением обид подданным и вассалов Ея Императорскаго Величества обеспокоивать, или неприятелски с ними поступать дерзать будут, такие да защищаемы да не будут, но по правам правды и по законам Божественным по тягости вин своих, без пощады да накажутся, и что с обоих сторон пограблено, что бы ни было, сыскав тем, чьи они были, возвращено да будет.

О Кабардах что оным быть волным и между обоими Империями за бариеру служить имеет.

6. О обоих Кабардах, то есть Большой и Малой, и Кабардинском народе, с обоих сторон соглашенось, что быть тем Кабардам волным, и не быть под владением ни одного, ни другаго Империя, но токмо за бариеру между обоими Империями служить имеют; и что и от другой стороны Блистательной Порты туркам и татаром во оные не вступатца, и оных не обеспокоивать, також де и от Всероссийской Империи оные в покое оставлены будут. Но что однако же по древнему обыкновению браны будут во Всероссйскую Империю от тех кабардинцов, для спокойного их пребывания, аманаты; и Оттоманской Порте тако, ж позволяется для такой же притчины, брать от них таких же аманатов; а ежели помянутые кабардинцы причину жалобы продадут одной или другой державе, каждой позволяется наказать.

О освобождении с обоих сторон пленных всех без размены и без выкупу за деньги.

7. Все полоняники, как до начатия нынешней войны, так и во время оной, с обоих сторон во всяких случаях побранные, или по какой притчине удержанные, которые и поныне еще в обоих сторонах содержутся и пребывают военные и всякого чина и звания люди, кроме тех, которые во Всероссийской Империи Христианской, а в Оттоманской Империи магометанской закон приняли, по подтверждении сего полезного мирного трактата, без розмены и без выкупу за денги, все, и без всякова изъятия, сколько их и в которой стороне ныне и впредь сыщется, немедленно освобождены и отпущены быть имеют; и о том свобождении пленных в обоих сторонах, по всем городам и провинциям крепкими указами публиковать, дабы свобода и отпуск оных действително без продолжения и без всякого затруднения исполнен был.

А которые пленные по заключению сего трактата, или во время сего мира, из государств Ея Императорскаго Величества похищены и отведены будут, и в странах Крымских, или Буджацких, или Кубанских, или во иных меж Оттоманами и Татарами, и другими подданными Блистательной Порты найдутся, дабы сии без всякаго выкупу свобождены и возвращены были. А все те, которые для освобождения Российских полоняников, приходящие и отходящие в вышереченных странах люди, подданныя Ея Импараторскаго Величества с проезжими грамотами, толко б дела свои мирно творя, свободу полоняников промышляли, никоими мерами озлоблены да не будут, понеже противно законом Божиим их озлобляющии и убытками наводящие да наказаны будут.

О непринимании перебещиков и о выдаче оных.

8. Ежели кто, по заключении и подтверждении сего мирного трактата, и с подданных обоих стран, учиня измену, непослушание или какое преступление и своеволство, в которую сторону перебежит или перейдет; всех тех отнюдь в обоих сторонах не принимать и не держать, но тотчас выдавать, или по последней мере и государства и земель, где имеется будут, вон высылать; дабы чрез таких безделных людей между обоими Империями какой в дружбе холодности, а наипаче напрасных ссор не произошло, выключая толко тех, которые, или в Российской Империи Христианскую веру, или в Оттоманской Империи магометанской закон приняли; и тако ж впредь ежели кто из подданных Российского Империя в область Оттоманского

Империя уйдет или ежели кто из подданных Оттоманского Империя в Российские стороны уйдет, когда такие будут реклямированы и назад с другой стороны, взаимно возвращены да будут.

О комерция обоих сторон подданных, и что Россияня имеют ту комерцию отправлять по Черному морю на судах турецких подданных.

9. Понеже коммерция от плодов мира суть, и от оной плодоносие и изобилие государств и подданных происходит; того ради позволяется Блистательной Порты подданных купцам в Государстве Всероссийском купечество свое со всякою свободностию отправлять, на таком основании, как других держав подданным позволено, и с платежем таких пошлин, как оные платят; напротив чего взаимно Всероссийской Империи подданным купцам в Империи Оттоманской такая ж свобода в купечестве дана быть имеет; что ж касается до Российской коммерции по Черному морю, и сия отправлена быть имеет на судах турецким подданным надлежащих.

О успокоении случающихся между подданными обоих сторон споров и ссор от пограничных губернаторов и комендантов.

10. А буде во время сего мира, между подданными обоих стран по каким причинам возбудится спор и ссора, то от пограничных губернаторов и коммендантов по справедливости удобно разсмотрено да будет; а зачавшияся несогласии чрез пересылку между обоими Империями пристойными способами к крепкому содержанию мира и дружбы да успокоятся, и для подобных тому между подданными пограничных ссор и никакия неприятелския поступки от обоих сторон до не всчинаются, но совершенно и со всяким радением и дружеским способом тщатис имеют, дабы покой с обоих сторон крепко соблюдаем и хранен был.

О свободном хождении Россиянам в Еросалим.

11. Всероссийскаго Империя народа миряном и иноком иметь волное употребление ходить во Святый град Иеросалим, и посещать места, достойныя посещения; а от таких посещения, ради проходящих пасажиров и пелигримов, ни во Ирусалиме и нигде от подданных Оттоманской Империи дань или какой платеж да не спросится; но даны им будут потребные пашпорты, и таким образом, как обыкновенно Порта снабдевает подданных протчих нацей, с Отоманскою Империею в дружбе пребывающих, и сверх того живущим в странах государства Оттоманского,

Всероссийским духовным, чрез все время пребывания их тамо ни едина по Божественному закону досада и озлобление да не чинится.

О титуле Императорском Ея Императорского Величества.

12. Что ж касается до Императорского титула Ея Всероссийского Величества, упомянутого, о том, без далняго отложения времяни дружески трактовано, и с удовольствием обоих сторон соглашенось будет, как того требуют потребность и высокое достоинство и Держава Ея Императорскаго Величества.

О содержании при Порте на резиденции Российского министра.

13. Для лутчаго охранения между Российскою и Оттоманскою Империями возстановленного ныне мира, и всех сего мирного трактата артикулов и всяких до обоих государств с подданных дел и потребностей, позволяется быть при Порте на резиденции от страны Ея Императорскаго Величества Всероссийского министрам, какого карактеру Ея Величества за потребно разсудить, и оные министры со всею своею свитою, как в привилегиях и свободах, так и во всем протчем против министров протчих наизнатнейших держав содержаны и почитаны будут, и быть имеют.

О торжественных посольствах с обоих сторон.

14. И дабы сей мир и добрая дружба толь наивяще между обоими Империями учрежден и подтвержден был, того для отправлены быть имеют с обоих сторон торжественные и чрезвычайные посольства в учрежденное и определенное время, с общаго согласия обоих дворов, которые послы имеют с равенством на границах разменены, приняты, почтены и трактованы быть с такими ж церемониями, и тем образом, как сие производится в знатных посолствах, между самознатнейшими державами и Оттоманскою Портою, и во знак дружбы имеют чрез сих послов отправлены быть взаимные подарки, пристойные достоинству их Императорских Величеств.

О ратификациях сего трактата со обоих сторон.

15. Сверх того соглашенось, что в три месяца, считая с того числа, как сей трактат, подписан, ратификации оного разменены быть имеют чрез благороднейшаго и превосходителнейшаго господина посла Его Христианнейшаго Величества медиатора сего мира и напоследок ради вящшаго ясного толкования вышеписанных артикулов объявляется, что понеже, по силе

четвертого артикула договоренось, что назначены будут комисары для определения границ и исполнения договору, которой на тех границах совершен быть имеет.

О комиссарах турецких к разграничению определяемых что оные подчинены быть имеют Крымскому Хану. Того ради оные с стороны Порты назначенные комисары подчинены быть имеют Крымскому Хану. Тако ж, ежели с стороны одного или другова Империя вопоследует какое дело, о котором в сем мирном трактате не упомянуто, и от оного могло б какое предосуждение сему вечному миру вопоследовать, то при таком случае с обоих сторон без замедления с истинною справедливостию к поправлению того полезныя способы употреблены будут.

О прежних трактатах между России и Порты, что оные без всякой силы пребыть имеют.

И дабы кондиции сего заключенного мира, на вышеупомянутых пятнадцати артикулах с обоих сторон соглашенные, могли бы впредь исполнены, и с надлежащим почтением не нарушимо содержаны быть: того для объявлется, что, по силе сего настоящего трактата, все прежде заключенные трактаты имеют пребыть без всякой силы и важности, выключая границ, которые имеют быть учреждены.

О гарантии Французского Короля.

Впротчем в самое то время, что превосходителнейший, сиятелный верховный везирь по силе вышеупомянутой полномочии вручил благороднейшему и превосходителнейшему господину послу Его Христианнейшаго Величества инструмент сего мира, на турецком языке писанный, то и вышеупомянутой благороднейший и превосходителнейший господин французской посол, по силе своей уже сообщенной полномочии, вручил тако ж помянутому верховному везирю такой же мирный инструмент, на италианском языке писанной, с такою кондицею, что когда сей трактат ратификован будет, тогда дана будет гарантия Его Христианнейшаго Величества.

Вышеписанной проэкт к мирному трактату, будучи рассмотрен и апробован в разных с турецкими министрами держанных конференциях. Окончание трактата.

Мы Луи Совер маркиз де Вилленев, статской советник и чрезвычайный полномочный посол Императора Французского при Порте Оттоманской, в силе данных нам от Ея Величества Всероссийскаго и Порте сообщенных полных мочей деклярируем, что имянем высокоупомянутого Ея Величества Всероссийскаго мы, сиятельный Хаджи Мегемет пашою верховным везирем Оттоманской Порты верховного везиря подписанной, и

припечатанной, мы ему сей италианским языком писанной инструмент, от нас по француски подписанной, и печатью нашею припечатанной, вручили, предоставляя себе однако же ретификацию Ея Величества Всероссийскаго, и в таком случае, что она возпоследовать будет.

Мы обещаем гарантировать помянутой трактат с стороны, и имянем Императора Французского, сохраняя однако же в целости Его права и преимущества, Которым чрез сие предосуждение учинить не намерены.

Еже учинено в лагере при Белграде в полатках конгреских и восмы на десять день Сентября тысяча семьсот три десять девятого года.

Список сей написан на 15 листах, скрепленных *по* листах: «С подлинным читал Канцелярист Николай Арсениев». Моск. Гл. Арх. М. И. Д. Турецкия дела 1739 г. Сент. 18, 40; листы 1 – 15.

Приложение 5
Ратификация Ее Императорского Величества Елизаветы Петровны на трактат вечного мира, заключенный с Его Королевским Величеством и Государством Шведским в Абове в августе 1743 года

1743 Августа 7.

Ратификация Ея Императорскаго Величества, на трактате вечнаго мира, заключенной с Его Королевским Величеством и Государством Шведским в Абове. (П. С. 3.j 8766).

Во имя Святыя и Нераздельныя Троицы.

Известно и ведомо да будет сим, понеже Ея Императорское Величество Пресветлая Державнейшая Императрица, Великая Государыня Елисавет Первая, Императрица и Самодержица Всероссийская, Московская, Киевская, Владимирская, Новгородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица и Великая Княгиня Смоленская, Княгиня Эстлянская, Лифлянская, Корелская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и иных, Государыня и Великая Княгиня Нова Города Низовия земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Белоозерская, Удорская, Обдорская, Кондинская и всеа Северныя страны Повелительница и Государыня Ивере кия земли Карталинских и Грузинских Царей, и Кабардинския земли, Черкаских и Горских Князей и иных Наследная Государыня и обладательница с одной, и Его Королевское Величество пресветлейшей державнейшей Король Государь, Государь Фридрих Первый, Свейской, Готской и Венде не кой Король и протчая, и протчая, и протчая, Ланд Граф Гессенской, Князь Гиршфелдский, Граф и Кацен-Элленбогене Дице, Цигенгайне, Нидде и Шаумбурхе, и протчая, й» протчая, и протчая, с другой стороны. По возбуждению Богу благоприятного примирения мыслили как бы после Нейстацкого, в прошлом 1721-ом году в 30 день Августа, заключенного мира, произшедшее в 1741-м году между Россиею и Свециею несогласие, и потом до сего времяни продолжившуюся войну и бывшему кропролитию окончание учинить, и земле, разорительное зло, как наискорее прекратить. И тако, руководством и благословением Всевыщаго Творца, к тому пришло, что с обоих Высоких стран уполномоченные министры определены, о истинном, безопасном и на и всегдашные времена постоянном мире, и вечно пребывающем дружебном

обязательстве между обоих стран государствами, землями, подданными и жителми, купно договариваться и оной заключить, а имянно: со страны Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской, высокоблагородный господин Александр Румянцов, войск Ея Императорского Величества генерал-аншеф, лейб гвардии Преображенского полку подполковник, и ординов Всероссийских, Святых Апостола Андрея и Александра кавалер, и высокоблагородный господин Иоанн Людвих Потт, барон фон Люберас, войск Ея Императорского Величества генерал-аншеф и ордина Святаго Александра кавалер. А с страны Его Королевского Величества и Государства Свейского, высокоблагородный господин барон Герман фон Цедеркрейц, Его Королевского Величества и Государства Свейского советник, и благородный господин Эрик Матиас фон Нолкен, Его королевского Величества статской секретарь.

Которые полномочные министры, по согласию с обоих стран, к конгрессу и трактованию в назначенной и соизволенной город Абов в Финляндии съехались, и по умолении о помощи Божией, и по объявленным, и одну против другой, обыкновенным образом размененным полномочиям, оное полезное дело купно предвосприяли, и по трактовании, Всевыщаго милостию, о следующем всегда пребываемом вечном заключении мира, имянем обоих высоких стран, и за них, договорились и согласились.

1. Имеет отныне непрестанно пребываемой вечной, истинной и ненарушимой мире на земле и на воде, та кож де истинное согласие и неразрешаемое вечное обязателство дружбы быть и пребывать между Ея Императорским Величеством, Пресветлейшею Державнейшею Императрицею, и Великою Государынею, Государынею Елисавет Первою, Императрицею и Самодержицею Всероссийскою, и протчая, и протчая, и протчая, Ея Императорского Величества Наследниками и последователями Всероссийскою Императорского Престола, и всеми оной земли, городами, государствами, и областми, васалами, подданными и жителми, с одно, и Его Королевским Величеством Сейским пресветлейшим державнейшим Королем Государем, Государем Фридрихом Первым, Свейским, Готским и Венденским Королем, и протчая, и протчая, и протчая, и Королевством Свейским, и Его Королевского Величества Наследниками и последователями Свейской Империи, как вне оной лежащими областями, провинциями, землями, городами, вассалами, подданными и обывателями, с другой стороны: так, что впредь об Высокия договаривающияся страны, не токмо одна другой ничего

неприятеле кого, или противнаго, хотя тайно, или явно, прямым, или посторонним образом, чрез своих, или иных, чинить, наименше один другаго неприятелям, под каким бы имянем ни было, помощи не чинит же, или с ними в союзы, которые сему миру противны быть могут, не вступать: но паче, буде с какою державою такия имеются, от оных намедленно весма отстать, и вместо того, верную дружбу и соседство и истинной мир между собою содержать, один другаго честь, ползу и безопасность верно охранять и поспешествовать, убыток и вред, елико им возможно по крайней силе остерегать и отвращать хотят и имеют, дабы возстановленный мир и постоянная тишина, к ползе и приращению обоих государств и подданных ненарушимо содержаны были. Чего ради обои Высокодоговаривающиеся страны, по совершанном окончании сего мирнаго трактата, о ближайших меж собою обязателствах, немедленно помышлять будут.

2. Имеет еще с обоих стран генералная амнистия и вечное забвение всего того быть, что во время продолжающейся войны, с одной и с другой страны, неприятелского, или противного, хотя оружием, или инако, предвосприятно, произведено и учинено, так, что б никогда о том более упомянуто не было, наименше же, что б кто в которое ни быль время то злом мстил: и имеют особливо все и каждые высокого и ниского чина подданные или чюжестранные, какого народа они б ни были, которые во время сея войны, у одной которой партии службу приняли, присягу учинили, или против другой неприятелски поступали (окроме тех Российских казаков, и детей их, которыя свейским оружиям следовали) в сию генералную амнистию всемерно внесены и включены быть тако, и таковым образом, что всем обще, каждому особливо, тот их поступок, никаким образом впредь не имеет причтен быть, наименше же им ради того наималейшее оскорбление причинено, но права их и справедливости, им принадлежащия, оставлены и возвращены будут.

3. Понеже о пресечении с обоих стран всех неприятелств, как во всем здешнем Великом Княжестве Финлянском, так и при обретающихся на море флотах, уже предидуще, до сочинения сего главного трак-гита, соглашенось, и ради того оное прекращение неприятелств, и на все протчия места и края, принадлежащия обоим странам, сим наиобязателнейшим образом подтверждается, и оныя все и каждые неприятелства, вечно пресечены и оставлены быть и пребывать имеют. И договоренось, о совершенном постановлении вечного мира, немедленно, по

размене на сей трактат ратификацией, обявление повсюды учинить. А ежели между тем, по неведению о сем мире, где нибудь, на воде или на земле, какие неприятелства, какого звания оные б ни были, учинены; то оное, настоящему заключению сего трактата, нимало предосудительно быть не может: но то, что иногда из людей и имения взято и увезено, беспорно возвращено и назад отдано быть имеет.

4. Его Королевское Величество Свейское, наиторжественнейше сим вновь за Себя, и Наследников Своих и последователей Свейского Престола и Королевство Свейское, подтверждают, Ея Императорскому Величеству Елисавет Первой, Императрице' и Самодержице Всероссийской, и Ея Наследником и последователем Российского Императорского Престола, в совершенное непрекословное вечное владение и собственность, учиненное от Свейской Короны, в прошлом 1721 году в 30 день Августа, Всероссийской Империи, по четвертому артикулу Нейстацкого трактата, вечное уступление провинцией, а имянно: Эстляндию, Лифляндию, Ингермоландию и тое часть Карелии с дистриктом Выборского Лена, которые в восьмом артикуле Нестацкого трактата описаны, с городами и крепостями Ригою, Дюнаминдом, Перновою, Ревелем, Деритом, Нарвою, Выборхом, Кексголмом и всеми протчими к помянутым провинциям надлежащими городами, крепостями, гаванями, местами, дистриктами, берегами, с островами Эзель, Даго и Меном, и всеми другими от курлянской границы, по эстлянским, лифлянским и ингермоланским берегам, и на стороне востока, от Ревеля в фарватере к Выборху, на стороне юга и востока лежащими островами, со всеми так на сих островах, как в вышепомянутых провинциях, городех и местах, обретающимися жителями и поселениями, и генерално со всеми принадлежностями, и что к оным зависит, высочествами, правами и прибытками, во всем, ничего в том не исключая, и как оными Корона Свейская владела, ползовалась и употреблял: и Его Королевское Величество отступает и отрицается вновь, сим наиобязательнейшим образом, как то учинится может, вечно, за Себя, наследников Своих и последователей, и все Королевство Свейское, от всяких прав, запросов и притязаний, которые Его Королевское Величество и Государство Свейское, на все вышепомянутые провинции, острова, земли и места до того 1721 году имели, и тогда иметь могли; так и таковым образом, что в вечные времена, Его Королевское Величество и Государство Свейское, под каким предлогом то б ни было, в них вступатца, ниже оных назад требовать, не могут и не имеют; но оные, как

уже были Всероссийскому Империуму присовокуплены, так и впредь вечно оному присоединены пребывать имеют. И обязуется Его Королевское Величество, за Себя, Своих Наследников и последователей и Государство Свейское, сим, и обещают, Ея Императорское Величество и Ея Наследников и последователей Всероссийского Императорского Престола, при спокойном владении, всех оных, во всякие времена силнейше оставить и содержать.

5. Его Королевское Величество Свейское, тако ж сим и силою сего за Себя, наследников Своих и последователей Свейского Престола и Государство Свейское уступают, Ея императорскому Величеству и Наследником Ея и последователям Всероссийского Императорского Престала, в совершенное, непрекословное вечное владение и собственность, в сей войне, чрез Ея Императорского Величества оружие, завоеванную из Великого Княжества Финлянского провинцию Кюменегор, с находящимися в оной городами и крепостми Фридрихсгам и Вильманстранд, и сверх того тоя часть Кирхшпиля Пюттиса, по ту сторону и к востоку, последняго рукава реки Кимени или Келтиса обстоящую, которой рукав меж болшим и малым Аборфорсом течет, а из Саволаксской провинции город и крепость Нешлот с дистриктом, каков в последующем артикуле разграничения описан будет, и всеми протчими к помянутой Кюменегорской провинции и Нейшлотскому дистрикту, так же и помянутой части Кирхшпиля Пюттиса, даже до выше помянутого последняго рукава, надлежащими гаванями, местами, дистриктами, берегами и всеми, от устья оного рукава к фарватеру на юг и восток лежащими островами, со всеми, так на сих островах, как и вышепомянутой провинции, городех и местах обретающимися, и принадлежащими жителями и поселениями, генерално со всеми принадлежностми и что к оным зависит, высочествами, правами и прибытками, во всем, ничего в том не исключая, как оными Корона Свейская владела, ползовалась и употребляла, и Его Королевское Величество отступает и отрицается, сим наиобязателнейшим образом, как то учинится может, вечно за Себя, своих, Наследников и последователей Свейского Престола, и все Государство Свейское от всяких прав, запросов и притязаний, которые Его Королевское Величество и Государство Свейское, на вышепомянутую провинцию, города, земли, места и острова, тако ж и на вышереченную часть Кирхшпиля Пюттиса, и город и крепость Нешлот, с назначенным к оному дистриктом, до сего времяни имели и иметь могли, я ко же все жители оных от присяги и должности их, которыми они Его Королевскому

Величеству и Свейскому Государству обязаны были, по силе сего весма увалнены и разрешены, и ко Всероссийской Империи вечно присоединены быть и пребывать имеют, так и таким образом, как в предидущем артикуле уступленные по Нейстацкому трактату провинции, города, земли, места, берега, острова и гавани с подданными вассалами и жителями Всероссийской Империи наивсегдашные времена присовокуплены и присоединены. И Его Королевское Величество и Гоударство Свейское обязуются сим и бещают, под каким предлогом то б ни было, никогда в них вступатца, ниже оных назад требовать, но при спокойном всех оных владении, Ея Императорское Величество, Ея Наследников и последователей Всроссийского Императорского Престола, во всякие времена силнейше содержать, и оставить, також де все документы и писма которые до сих земель особливо касаются, приисканы и сколко из оных найдено быть может, Ея Императорского Величества к тому уполномоченным верно отданы быть имеют.

6. Напротив того же Ея Императорское Величество Всероссийское обещает в четыре недели, по размене ратификацией о сем мирном трактате, или прежде, ежели возможно Его Королевскому Величеству и Государству Свейскому возвратить и испражнить их нынешних своих владений в Великом Княжестве Финлянском взятые провинции Эстерботинскую, Бюрне-бургскую, Абовскую, Аланские острова и провинции Тавастгускую и Нюланскую с тою частию кирхшпиля Пюттиса, которая по сю сторону на запад последняго рукава Кимени или Келтис реки обстоит, так как сей рукав в предидущем пятом артикуле описан, купно со всеми их принадлежностями, тако ж тое часть Карелии, или Кексголмского лена, по Нейстацкому трактату Свеции принадлежавшую, и провинцию Саволаксскую, окроме города и крепости Нейшлота с границею, в последующем артикуле разграничения описанною, так и таким образом, что Ея Императорское Величество, Ея Наследники и последователи Всероссийского Императорского Престола, на сии ныне возвращенные провинции Великого Княжества Финлянского, никакого права, ниже запросу, под каким бы видом и имянем то ни было, во веки иметь не будут, ниже чинить могут, яко де все оных жители от прияги и должности, которыми они Ея Императорскому Величеству и Наследникам Всероссийской Империи обязаны были, силою сего весма уволнены и разрешены.

7. И понеже с обоих стран истинное и ревностное намерение имеют истинные и постоянный мир учинить, и для того весма

потребно есть, чтоб границы между обоими государствами и землями таким образом определены и учреждены были, что б ни которая страна другой ни какого подозрения подать, но паче каждая тем, что за оною чрез сей мир останется в Поделанном покое и безопасности владеть и ползоватся могла; того ради между обоими Высокими договаривающимися странами сим соизволено, и договоренось, что от сего числа и в вечные времена между Россиею и Свециею границы следующий быть и остаться имеют, а имянно; начинается оная у северного берега синюса Финского, при устье последняго западного рукава Кимени или Келтис реки, которой рукав между мызою болшого Аборфорса и деревнею малого Аборфорса в море впадает, и следуя от устья по сему последнему рукаву, вверх даже до того места, где оной последней рукав из реки Кимени или Келтис начинается, так что все рукава и устья Кимень или Келтис реки к морю в оную границу включаются, и все что к восточной и южной стране реки Кимени или Келтиса, и вышепомянутого последняго рукава обстоит, Всероссийской Империи, а что к западной и северной стране обстоит, Королевству Свейскому принадлежать будет, и последует сия граница вдоль Кимени или Келтис реки до того места, где оная река с Тавастгускою границею соединяется, откуда по обыкновенной границе, как оная меж Тавастгускою и Кюменегорскою провинциями имеется, следует даже до того места, где Тавастгуская и Саволаксская граница вместе с Кюменегорскою соединяется. А оттуда простирается сия граница на восток вдоль обыкновенной границе, разделяющей Кюменегорской и Саволаксской лены, даже до того места, где к западной стране разполагаемая от Нейшлота новая граничная линия (которая того для наперед вымерена быть имеет) с обыкновенною Кюменегорскою границою сомкнется, и продолжается помянутая граница оттуда в такой новой линии на север, таковым образом, когда Нейшлот от нея прямо к востоку лежать будет, оная оттуда две швецких миль, или более или де менше удалится, смотря по натуралному положению для толь удобнейшаго разграничения, потом следует сия граница далее на север еще две швецких миль или более, или же менше, тако ж по положению мест, и обратится оттуда к востоку, в которую сторону столко продолжается, пока крепость Нешлот в дистанции двух миль от такой граничной линии на юг станет; и здесь твердой пограничной пункт установлен будет, от коего граница, например, на зюйд ост поворотится, даже до того пункта, где граница меж Саволаксиею и Свейскою Карелиею, с постановленною Нейстацким миром границою Российской и Свейской Карелии совокупляется; при том же в сем

произвождении границы генерално договоренось, что все реки и потоки сей Государственной границы, пределы полагаемые настояще, пополам разделены быть имеют, а к Карелии или Свейской части Кексголмского лена от того места, где выше помянутая новая граница дистрикта около Нейшлота, с прежнею по Нейстацкому миру учиненною границою соединяется, тако жив Лапмарках граница между обоими государствами веема так остатся имеет, как оная до сего времени по вышепомянутому Нейстацкому трактату учреждена была. И Ея Императорское Величество, за Себя, Своих наследников и последователей Всероссийского Императорского Престола наиобязательнейшим образом утверждает, и возобновляет уступление Нейстатским мирным трактатом учиненное Его Королевскому Величеству и Государству Свейскому, тоя части Карелии инако же части Кексгольмского лена имянумоей, которая в старыя времена Всероссийской Империи принадлежала так что сей части Карелии или Кексгольмского лена нив какое врем, подкаким бы видом то ни было, назад требовать не хощет и не может, но имеет оная Свейским землям, как прежь сего была так и впредь в вечныя времяна присовокуплена быть и пребывает. Еще ж договоренось, что тотчас по воспоследовании ратификации сего главного трактата с обоих стран комисары назначены быть имеют, для учинения и разделения чего разграничения, таким способом и образом, как выше описано, которым комисаром також де до взаимному произволу волно и свободно будет земли партикулярных людей и подданных, кои сею новою границею пересечены найдутся, при разграничении по удобности участие имеющих, на ровную с другой страны часть обменивать.

8. В уступленных, как напредь сего Нейстацким, так и нынешним мирным трактатом, землях не имеет никакое принуждение в совести введено быть, но паче евангелическая вера, кирхи и школы, и что к тому принадлежит, на таком основании, на каком при последнем Свейском првителстве были оставлены, и содержаны будут, однако ж в оных и вера Греческого исповедания, впред, так ж свободно и без всякаго помешателства отправляема быть может и имеет.

9. Ея Императорское Величество Всероссийское обещает при том, что как все жители, прежде присовокупленных по Нейстацкому миру ко Всероссийской Империи, провинцеи Эстлянския, Лифлянския и острова Эзеля, так и внов приобретенной Кюменегорской провинции города и крепости Нейшлота с дистриктом принадлежащия обыватели шляхетные и

не шляхетные, и в тех провинциях обретающиеся городы, магистраты, цехи и цунфты, при их под Свейским правлением имевших привилегиях, обыкновениях, правах и справедливостях, постоянно и непоколебимо содержаны и защищены будут.

10. И понеже в прежния времена, учиненная Королевско Свейскими о редукции и ликвидации, и тем подобными коммисиями отписка, и секвестрация маетностей в герцогствах Эстлянском, Лифилянском и в провинции Эзеле, по силе первого на десть артикула Нейстацкого мира весма оставлена. Того ради сие и на всегда при том остается имеет и помещики, которым по помянутому первому на десять артикулу, та кия маетности действително возвращены и очищены, тако ж их Наследники и наследоприемники, при собственном безпрепятственном оными владении, ползовании и диспозиции во все времена защищены и содержаны будут. И с наследствами и другими притязаниями, которыя подданныя обоих Высоких договаривающихся государств в землях одной или другой страны справедливо имеют, и иметь могут по содержанию втораго на десять артикула Нейстацкого трактата пребывать имеет; а жители и подданныя нынешним мирным трактатом, Ея Императорскому Величеству вечно уступленных земель и городов, також де в разсуждении своих маетностей, прав и других обстоятельств, всем тем при случаемых оказиях ползоваться, что жителям уступленных Нейстацким миром России провинцией тогда договоренось и постановлено: чего ради первой на десять и второй на десять артикулы Нейстацкого мира, сим так подтверждаются, чтобы оныя обои артикулы, для обывателей и подданных ныне уступленных земель и городов, от слова до слова нарочно сочинены были.

11. В Великом Княжении Финлянском, которое Ея Императорское Величество, по силе предшествующаго шестаго артикула, Его Королевскому Величеству и Государству Свейскому возвращает, имеют от числа подписания сего мирного договору, все денежныя контрибуции веема отставлены быть; и хотя по установленному военному обычаю, сей земле надлежало бы армею Ея Императорского Величества потребным правиантом снабдевать, однако ж Ея Императорское Величество, для облегчения обывателей оной им, равно как по ныне учинено, так и впредь упускать соизволяет, а фураж войскам до совершенного испражнения, на таком основании, как до сего числа учреждено было, безденежно сполна даваем быть имеет, тако ж и войскам под жестоким наказанием запрещено быть имеет при их выходе,

каких служителей из Финской нации против их воли, а веема никаких Финских крестьян оттуда с собою вывозить, или им хотя малое какое насилство, или обиду чинить; сверх того имеют все крепости и замки в Великом Княжении Финлянском, в том состоянии, в котором они ныне обретаются, оставлены быть; однако ж Ея Императорскому Величеству, свободно будет при испражнении помянутой земли и мест, все болшое и мелкое оружие и ко оному принадлежащее аммуницию, магазины и иныя воинския припасы, какое б имя не имели, и Ея Императорское Величество туда привезти указали, с собою взять, тако ж для вывозу всего того и багажу армейского имеют потребныя подводы и телеги до границ от жителей безспорно и безденежно даны быть; а ежели в назначенное ко испражнению время, все то вывезено быть не может, но из того некоторая часть до времяни оставлена будет, то имеет оное все в добром сохранении остатся; а потом всегда во всякое время, в которое ни пожелают, тем, которые от страны Ея Императорского Величества, для того присланы будут, безспорно отдано, и как прежнее до границ вывезено быть имеет. Ежели же от Ея Императорского Величества войск, какие документы и писма, которые до сего Великого Княжества Финлянского касаются, найдены, и либо из земли вывезены, то изволит Ея Императорское Величество, оныя скол ко возможно приискивать, и что из них найдется, Его Королевского Величества Свейского, к тому уполномоченным верно назад отдать повелеть.

12. С обоих стран военныя пленники, какой бы нации, чина и состояния ни были, имеют тотчас по вознследовании ратификации сего мирного трактата, без всякого выкупу; однако ж, когда всякой наперед либо во учиненных каких долгах или разделку учинить, или в платеже оных доволственную и справедливую поруку даст, из плену освобождены, на совершенную свободу выпущены, ис обоих стран без всякого задержания и в некоторое уреченное по разстоянию мест, где оныя пленники ныне обретаются, пропорционалное время до границ, с надлежащими подводами безденежно по возможности выпровождены быть а те которые у одной или другой страны какую либо службу приняли, или инако в землих одной или другой страны остатся намерены будут, в том без изъятия всякую свободу и совершенную мочь иметь; сие же расумеется и о всех, во время сея войны в здешнем Великом Княжестве невербованных и взятых людях, которые тако ж по своему произволу остатся, или в домы свои свободно и без помешателства возвратится могут и имеют; окроме тех, которые по своему желанию веру Греческого

исповедания приняли, которые на стороне Ея Императорского Величества остатся имеют; для чего обе Высокодоговаривающиеся страны в своих землях публичными указами о сем публи ковать и объявить изволят. Его Королевское Величество обещает ха себя и Государство Свейское, притом, что совершенная свобода дана быть имеет прежним обывателям и подданным городов Фридрихсгама, Вилманстранда и Нейшлота с дистриктом, тако ж и всея Кюменегорской провинции, кои при начатии и продолжении войны, оставя домы свои, в Свецию, или в иные Великого Княжества Финлянского, ныне возвращенные провинции уехали, какого б кто состояния ни был, всем безпрепятственно на те их прежния жилища в домы возвратится.

13. Ея Императорское Величество Всероссийское дозволяет, что Его Королевскому Величеству Свейскому в вечныя времена свободно быть имеет, в портах Ея Императорского Величества Балтийского моря и финского синуса, ежегодно на пятдесят тысяч рублев хлеба покупать повелеть, который по учененному засвидетелствованию, что оной, или на Его Королевского Величества, к тому имянно уполномоченными подданными закуплен, не платя никаких пошли и иных налогов, в Свецию свободно вывезен быть имеет, что однако же не о тех летах разуметися имеет, в которыя за недородом, или иными важными притчинами Ея Императорское Величество принуждена будет, вывоз хлеба генерално всем нациям запретить.

14. Коммерции имеют свободно и безпомешателно между Всероссийскою Империею и Свейском Государством, и к оным принадлежащими землями, подданными и жительми как на земле, так и водою учреждены, и сколь скоро возможно чрез особливый трактат к ползе обоих государств утверждены быть, а между тем могут обои Российские и Свейские подданные, тотчас по ратификации сего мира в обоих государствах и землях, с платежем в каждом государстве обыкновенныя пошлины, и протчия установленныя права всякими товарами свои торги свободно и невозбранно отправлять, и имеют Российские подданные в Государстве и землях Его Королевского Величества Свейского, и напротив того Свейские подданные в

Империи и землях Ея Императорского Величества, таковые привелегии и ползы в своем купечестве получать, какия дружебнейшим народам в оных позволены.

15. Торговые домы, которые Ея Императорского Величества поданные прежде сего в Королевстве Свейском и других Свейских

землях имели, по воспоследовании мира, не токмо немедленно так, как оныя напредь сего за ними были, и они ими ползовались, им паки возвращены и очищены быть имеют, но и сверх того еще им позволено будет, тако ж и в других Государства Свейскаго городех и гаванях, где они того пожелают, таковые торговые домы себе получать и учреждать, яко же и Свейские подданные оныя торговые домы, которые прежде сего в некоторых Ея Императорскому Величеству принадлежащих землях имели, равномерно немедленно по возпоследовании мира, как оныя напередь сего за ними были, и они ими ползовались, паки им возвращены и очищены, и им свободно быть имеет, во уступленных как по Нейстацкому миру, так и сим трактатом городех и гаванях, такия ж торговые домы, себе получить и учреждать.

16. Ежели свейские военные или купеческие карабли, от штурма, погоды и иных случаев, при берегах и морских краех Всероссийской Империи, и ко оному принадлежащими землями, на мель попадут или потонут, то имеет от Ея Императорского Величества подданных в той нужде сущим всякое верное истинное вспоможение показано, люди и товары по всякой возможности спасены и выниманы, и что из товаров на берез выбросит, во время одного года требующим хозяевам за некоторое пристойное воздаяние верно назад отданы быть таковым же образом имеет и Свейской страны с российскими разбитыми караблями и товарами содержано и поступлено быть; и хотят обе Высокие договаривающийся страны о том старание, прилагать дабы срез крепчайщее запрещение и наказание всякия своеволства, похищение и грабежи при таковых случаях уняты и удержаны были.

17. Дабы також де всякие случаи на море которые к какому несогласию между обоими Высокими договаривающимися странами повод подать могут, сколко возможно отвращены и предостережены быть могли, Того ради сим постановлено и соглашенось, что когда свейские военные карабли, один, или более вислом, болшие или малые, Ея Императорскому Величеству принадлежащую крепость впредь проходить будут, то оные должны будут свейской лозунг стрелять, на что оному тот част Российским лозунгом с крепости взаимно поздравлено будет; равным же образом имеют, також де российские военные карабли, один или более числом, когда оные мимо Его Королевского Величества принадлежащей крепости пойдут, российской лозунг стрелять, и також де свейским лозунгом с

крепости взаимно поздравлены будут; в протчем обои Высокодоговаривающиеяся страны немедленно, и как наискорее возможно, особливою конвенциею договорятся, и постановят, каким образом в таковых случаях, когда российския и свейския карабли друг друга на море, в гаване, или инде где встретят, или на каком месте застанут, поздравлено быть имеет; а между тем для предупреждения всяких непорятков сим соглашенось, что до того времяни в вышепомянутых случаях от военных обоих стран караблей салютация чинена быть не имеет.

18. Понеже в прежния времена между обоими дворами во употреблении бывшее безденежное содержание послов Нейстацким трактатом оставлено. Того ради постановленной о том в оном трактате двадесятой артикул сим так подтверждается, якобы оной от слова до слова здесь внесен был.

19. И хотя б, впредь между обоими государствами и подданными какие ссоры и несогласия произошли, то однако ж имеет сие заключение вечного мира в совершенной силе и действе пребыть; а ссоры и несогласия чрез назначенных к тому с обоих стран коммисаров немедленно изследованы, и по справедливости окончаны и успокоены быть.

20. Имеют також де от сего числа, все те, которые по вопоследованной ратификации сего мира, для учиненной измены, убивства, воровства, и иных притчин, или вовсе без притчины от Российской к Свейской, или от Свейской к Российской страны одни, или з женами и детми перейдут, когда они от той страны, от которой они збежали, назад требованы будут, какой бы нации они ни были, и в таком состоянии, как они пришли з женами и з детми, и со всем тем, что они из краденых или погрableных пожитков привезли, безспорно выданы и назад отданы быть.

21. Ратификации о сем мирном инструменте имеют во время трех недель, щитая от подписания, и прежде, ежели возможно, получены, и здесь в Абове одна против другой разменены быть. Во утверждение всего того сего мирного трактату два единогласные эксемпляра сочинены, и с обоих стран от полномочных министров, по силе имеющей полной мочи, собственноручно подписаны, их печатми утверждены, и один против другаго разменены. Еже учинено в Абове в седмый день Августа, в лето Господне, тысяща седмьсот четыредесять третие.

А. Румянцов. Iohann Lugvig Pott von Luberas. H. Celeicreutz. Erich Matthias von Nolken.

Договор сей написан на 12 листах под каждой подписью уполномоченнаго находится его гербовая печать краснаго суругча. Моск. Гл. Арх. М.И. Д, Шведские трактаты 1743 г. Авг. 7,98.

Приложение 6
Указ генералу Фермору, посланный 21 января 1758 года за собственноручным Ее Императорским Величеством подписанием

Копия с указа к генералу Фермору, посланнаго от 24 Генваря 1758 года, за собственноручным Ея Императорскаго Величества подписанием.

Привезенная нам чрез графа Брюса от Вас весма приятная ведомость не токмо о благополучном занятии столичнаго города Кенигсберга, но и о покорении оружию нашему всего Королевства Пруского тем наиболшее причинила нам удовольствие, что при том как Ваше благоразумное и осторожное поведение так и все обстоятельства нашему ожиданию совершенно соответствовали.

Что до присланнаго к Вам от Кенигсбергскаго Правительства с депутатами прошения и разных пунктов принадлежит, то во первых Всемилостивейше объявляем Вам особливое о том Наше благоволение что Вы удовольствовались на обнадежит их генерално Нашею милостию о решении их прозеб Нам представили а потом имеете вы им на их просительныя пункты при вручении приложеннаго при сем под отворчетою печатью Нашего рескрипта и резолюцию за Вашим подписанием объявить:

1-е. Город Кенигсберг при Его привилегиях, волностях, правах и преимуществах защищен будет.

2-е. Для постов в оном легкия войска без крайней и не обходимой нужды никогда не ведутца.

3-е. Почему город и жители и тогда твердо обнадежены быть могут, что никаких безпорядков и вынуждений не увидят.

4-е. Совершенная свобода в отправлении закона и публичной Божией службы оставляется не нарушимо на прежнем основании.

5-е. Церкви, школы, гошпитали и протчие богодельни и сиротские домы при их учреждении и имениях оставляются а о доходах точныя ведомости поданы быть имеют.

6-е. Гражданския и церковныя служители, кои должность свою прежнему радетелю исполнять будут останутся при их прежнем жалованье и доходах.

7-е. Все казны и доходы без изъятия нам принадлежат, но буде какия доходы особливо и собственно принадлежащим городу, то о том на разсмотрение имеют поданы быть точные ведомости с показанием на то своего права.

8-е. Ратушам и архивы их регистратуры оставляются.

9-е. Приватные библиотеки оставляются в дсипозиции их хозяев, а публичных точные реестры поданы быть имеют.

10. Свободную безпределную и надежную внутреннюю и иностранную комерцию, выключая контрабанты водою и сухим путем, производить не токмо позволяем, но паче о защищении оной старатся будем и Нашему флоту повелим идущие в Кенигсберг и из Кенигсберга корабли не токмо свободно пропускать, но паче в случае нужды потребное вспоможение и всякое благоволение оным показывать.

11-е. Находящияся в публичных пакгаузах и амбарах товары кому б ни принадлежали остаются в диспозиции их хозяев, но с коих пошлина еще неплачена, с тех верно сполна в казну нашу взята быть имеет.

12-е. Жители всякаго звания генерално в спокойном владении всего их имения оставляются.

13-е. Отсудствующая с их домашними и имением могут надежно и безопасно возвратитца и толко всякое будущее при них воинское оружие нашим воинским командам на сохранение отдавать имеют.

14-е. Все почты безпрепятственной их ход удержать, так же всем из деревень и других городой приезжающим и отъезжающим равномерная свобода и генерално всякий привоз дозволяется.

15-е. Все цехи и гильдии оставляются при их привилегиях и правах при свободном отправлении их ремесла и промыслов.

16-е. Никто генерално к принятию службы неволею принужден не будет, так как на противу того не возбранитца тем, кто похочет службою своею удостоитца особливой Нашей милости.

17-е. Город и все Королевство Пруское могут на щедроты Наши и милости совершенно надеятся столь долго пока каждой в должном послушании останется и единственно своему званию прилежать будет.

На пункты о королевских коллегиях с их служители следующее в резолюцию объявить имеете:

1-е. Находящияся во всех вышшних и нижних коллегиях служители какого бы чина ни были службы переменить не принуждается и могут спокойно живучи Нашею протекциею ползоваться, но при том генерално все те кои остаются под Нашею протекциею для надежности что или ничего противу Нас и интересов Наших ни тайно ни явно предприято не будет и быть не имеет присягою обязатся должны, а кто из них с позволения Вашего яко учреждаемаго от Нам во всей Пруссии генерала

губернатора куда либо выехать пожелает те из их имения десятую часть по оценке в казну заплатить имеют ибо хотя выше и обещали Мы спокойное владение каждому своим имением, но сие разумеется только о тех, кои действительно теперь в Королевстве Пруском и при их домах сами спокойно пребывают а на противу того имение всех тех кои в службе Короля Прусскаго находятся и служат противу Нас или союзников Наших секвеструется почему о всех таковых немедленно верные списки поданы быть имеют.

2-е. Ежели в которых коллегиях приватные и партикулярные денги находятся и впредь полагаем будут оные по достоверному о том свидетелству хозяевам их сполна выданы быть имеют.

3-е. Архивы и регистратуры х коллегиям принадлежащия при оных оставляются.

4-е. Находя щи яс я в городе из деревень и других мест всякаго чина люди могут спокойно на прежния их места возвратится и тамо имением своим ползоватся.

5-е. В разсуждении постоя для всех равенство и справедливость наблюдаемы будут.

6-е. Находящийся в магазинах хлеб тот болше в ползу войска употреблен быть имеет, что магазин хлебом и более наполнять надобно.

7-е. Находящаяся в городе болныя и раненыя королевския офицеры и салдаты потребным пропитанием, лечением и призрением довольны будут но на противу того яко военно служащие, военнопленными остатся имеют.

Скреплено конференц-секретарем Дмитрием Волковым.

Моск. Гл. Арх. М.И. Д. Рескрипты (оригинальные из конференции к губернатору Прусскаго Королевства генерал порутчику Корфу. 1/558 г. Генв. – Дек., j 2, листы 24–26.

Приложение 7
Конвенция, учиненная в Санкт-Петербурге между Российским и Венским Дворами о продолжении противу Прусского Короля войны и о присоединении Прусского королевства к Империи Российской 21 марта 1760 года

1760 Марта 21.

Конвенция, учиненная в Санкт-петербурге между Российским и Венским Дворами о продолжении противу Прусскаго Короля Войны и о присоединениии Прусского Королевства к Империи Российской. (П. С. 3. j 11042).

Перевод с конвенции между Ея Императорским Величеством Всероссийскою, и Ея Величеством Римскою Императрицею Королевою Венгеро-Богемскою, по случаю настоящей войны с Королем Пруским заключенной.

Во имя Пресвятыя и Неразделимыя Троицы.

Понеже Ея Величество Императрица Всероссийская и Ея Апостольское Величество Императрица Королева Венгеро-Богемская, употребленными стараниями о сохранении общей тишины в Европе, а особливо в Германии, возпрепятствовать не могли, что б не возгорелась нынешняя Королем Пруским начатая война; а при начатии оной, а имянно: заключенною здесь в Санктпетербурге дватцать втораго Генваря тысяща семьсот пятьдесят седьмаго года между Ея Императорским Величеством Императрицею Королевою Венгеро-Богемскою конвенциею, обязательства и меры к тому достаточны еще не были, что б достигнуть имевшееся оною намерение, а имянно, охранить Европу, буде можно, для переду от предприятей подобных сему, которое Король Пруской ныне учинил, и которыя предследовали, так же дабы отмстить особливо все несправедливости и насилия, которыя сей Государь производит в Саксонии, в областях Ея Величества Императрицы Королевы, и везде, куда собственная Его корысть обращает его оружие. Того ради Ея Величество Императрица Всероссийская и Ея Величество Императрица Королева Венгеро-Богемская, не отменно пребывая при сих справедливых намерениях, и будучи самою должностию к Себе самим и своим областям и подданным, обязаны стараться о будущей их безопасности благосостоянии, и о награждении тех

великих убытков и разорений, кои претерпели их области от сея войны за благоразсудили: на место вышепомянутой конвенции от двадцать седьмаго года которая сею настоящею во всем уничтожается, заключить новую, на время нынешней войны токмо простирающуюся, и оною постановить те меры и способы, кои к прекращению нынешней тягостной войны, наилутче служить и справедливое за понесенныя для оной убытки награждение, на иждивении неприятеля и возмутителя общаго покоя, доставить могут, а к требованию и получению сего награждения Ея Императорское Величество Всероссийская и Ея Величество Императрица Королева имеют толь болшее право, что необходимо нужно отобрать назад более похищенныя нежели завоеванныя Королем Пруским области, а при том надлежит положить и достаточныя пределы силе такого Государя, котораго неправедныя замыслы никаких пределов не знают.

К достижению де такого намерения, которое прежним и нынешним поведениям Короля Прускаго становиться столько ж праведно, сколь и полезно, и которое равномерно интересует безопасность и независимость всех Европейских Государей, Их Императорския Величества желая принять между собою потребныя меры, Ея Величество Императрица Всероссийская определила и уполномочила Своего канцлера, сенатора, действительнаго тайнаго советника, лейб-компании порутчика, действительнаго каммергера и орденов Святаго Андрея Первозваннаго, Белаго и Чернаго Орла, Святаго Александра Невскаго и Святыя Анны кавалера графа Михаила Воронцова, и от армеи Ея генерала порутчика, действителнаго каммергера, московскаго университета и академии художеств куратора, орденов Белаго Орла, Святаго Александра Невскаго и Святыя Анны Кавалера Ивана Шувалова; а Ея Величество Императрица Королева Венгеро-Богемская Своего каммергера, действительнаго тайнаго советника, Короны Венгерскаго Королевства, хранителя, орденов Святаго Андрея Первозваннаго и Святаго Александра Невскаго кавалера, чрезвычайнаго и полномочнаго посла Ея Величества Императрицы Королевы Венгеро-Богемской при Дворе Ея Императорскаго Величества Всероссийской, Николая Эстергазия де Таланта, наследнаго владетеля Форкенстейнскаго, графа освященной Римской Империи, соглашается, и как наискоряе постановить между ими наидействителнейшия и приличнейшия к предложенному виду меры; и помянутые министры, сообща надлежаще друг другу взаимныя их полномочии и здраво разсмотря важной предмет сей негоциации, сходственно с намерениями их Самодержиц о следующих артикулах согласились:

1. Понеже настоящая Королем Пруским начатая война есть общая, как Ея Императорскому Величеству Всероссийской, так и Ея Величеству Императрице Королеве Венгеро-Богемской, с тою только разностию что разстояние мест и успехи, которыми Всевышний благословил оружие Ея Императорскаго Величества Всероссийской возпрепятствовали Королю Прусскому исполнить его угрозы, или зделать впадение в границы сей Империи, хотя сие самое разстояние умножает трудности производить войну против Короля Прускаго, а напротив того области Ея Величества Императрицы Королевы Венгеро-Богемской, многократно прусским впадениям подвержены были; того ради Ея Императорское Величество Всероссийская и Ея Величество Императрица Королева Венгеро-Богемская обязуются чрез сие и обещают друг Другу употреблять противу сего Государя, для вышеозначенных намерений, во все время войны, все те силы, кои только собраны быть могут, и по крайней мере не менше, как по осмидесяти тысяч человек регулярных войск с каждой стороны.

2. Ея Величество Императрица Всероссийская обещает сверх того и флотом своим в Балтике, в ползу общаго дела столько действовать, сколько то по обстоятельствам учиниться может.

3. Обе содоговаривающиеся стороны будут ежегодно сообщать взаимно друг другу подробный и точныя ведомости о числе Их армий, и пришлют с той и другой стороны генералов, кои право иметь будут в военных советах присудствовать и голос давать, так де согласятся обе стороны между собою о плане операцей, будучи с нынешняго времени согласны, что ежели б Король Пруской, все силы свои или большую часть оных обратил против одной их Высокосоговаривающихся сторон, другая должна все то в действо употреблять, чем общему неприятелю сильная диверзия учинена, а утесненной стороне достаточная помощь подана быть может, и что б сие правило за генеральной план на всю нынешнюю войну служило.

4. Их Императорские Величества обещают друг другу наиторжественнейшим и обязательнейшим образом не только не делать ни перемирия, ни мира с Их общим неприятелем Королем Пруским, одна сторона без содействования и согласия другой, но и обязуются продолжать войну соглашенными силами до того времени, пока заключаемым с общаго согласия мирным трактатом будущая Их областей безопасность утверждена, и праведное обеих сторон в нижеследующем артикуле изображенное намерение достигнуто будет.

5. И как Король Пруской начатием нынешней войны нарушил все прежния трактаты, и чрез то участвующим в войне против него державам неоспоримое доставил право требовать на

иждевении его возвращения, всех тех убытков и раззореней, коим он причиною то» Обои Их Императорския Величества обещают друг другу наиторжественнейшим обязательнейшим образом, во время нынешней войны всё силы, а при будущем замирении все старания обще и согласно к тому употребить, что б Ея Величество Императрица, Королева Венгерско-Богемская получила в свое владение всю Селезню и Графство Глацкое как такия области, кои издавна принадлежали Архи-Гер-цогскому Австрийскому дому, и на которыя Король Прусской потерял свое право начатием нынешней войны; а Ея Императорскому Величеству Всероссийской, к совершенному ея удовольствию, на иждевении Короля Прускаго возвращены были убытки, к чему она приобрела Себе наиосновательнейшее право не токмо за употребленныя в сию войну издержки, но и за показанныя общему доброму делу генеральной услуги.

6. Обе Высокосодоговаривающися стороны не токмо будут друг другу гарантировать взаимныя их приобретении, но и о том согласно стараться станут, что б оныя и от других держав им гарантированы были.

7. Понеже Европейской покой никогда твердо установлен быть не может, еже ли у Короля Прускаго выше изображенным образом не отнимутся способы к смущению онаго; то Их Императорския Величества все силы и старании к тому употребят, чтоб зделать сию услугу человеческому роду, и будут для того соглашаться со всеми теми державами, коих они в равномерных склонностях найдет; особливо де согласны отныне призывать Его Христианнейшее Величество, дабы приступить к сей конвенции, как главная бодоговоривающася сторона.

8. И как невозможно отныне постановить и назначить все те меры, кои для всего вышеизображеннаго полезными и нужными быть могут: то Их Императорския Величества взаимно обещают и обязуются поступать и действовать согласно во всем, что касается и касаться может до сей конвенции, и генерально исполнить и спонять велеть содержание оной со всякою точностию и усердием, коими друг другу долженствуют державы интересом и дружбою тесно соединенный.

9. Сия конвенция ратификована будет Их Императорскими Величествами, Ея Императорским Величеством Всероссийскою и Ея Величеством Императрицею Королевою Венгеро-Богемскою, во время двух месяцов, или искоряе, ежели то учиниться может, а между тем принятый уже меры, не токмо не остановятся, но паче без отлагательства, и непрестанно старание приложится о исполнении оных вследствие сей конвенции. Во уверение чего мы полномочные министры оную подписали и печати наших гербов к

ней приложили.

Учинено в Санкт Петербурге Марта двадцать перваго дня тысяща седьмсот шестьдесятаго года. Граф Михаила Воронцов, Иван Шувалов, граф Н. Эстергазий.

Артикул сепаратной первой.

Хотя Его Величество Король Польской Курфирст Саксонский чрез вероломство, с каковым Король Пруской захватил Его Курфирстския области, находится почти со всем не в состоянии и невозможности исполнить свои обязательства, и следовательно споспешествовать и содействовать к произведению в действо проекта, об ослаблении, или уничтожении Короля Прускаго: оба Императорския Двора учинят однако ж все то, что от них зависеть может, не токмо дабы возстановить сего Государя во владение Его Курфирстких земель, но дабы и доставить ему на иждивении Короля Прускаго сходственную сатисфакцию за обиду и убытки, кои он претерпел, в твердом при том надеянии, что Его Посольское Величество с Своей стороны все то учинит, что может для поспешествования сильных страней обоих Императорских Дворов.

Артикул сепаратной второй.

Постановлено между Ея Величеством Императрицею Всероссийскою и Ея Величеством Императрицею и Королевою Венгеро-Богемскою, что наблюденной в эксемплярах, подписанной сего дня конвенции, порядок, не может иметь никакого следствия, ниже в чем либо вредить, призванному, установленному и наблюденному между Высокососодоговаривающимися сторонами алтернативу, и что французской язык употребленной в сочинении акта настоящей конвенции, сего дня подписанной, не может впредь служить примером, от котораго какое либо следствие или предосуждение каким либо образом содоговаривающимся сторонам произойти могло б, и что соглашенось будет впредь, о том, что наблюдено было, и наблюдено быть имеет с стороны содоговаривающихся держав, которые приобыкли и могут давать и принимать такия акты на другом языке, кроме французскаго.

Сие сепаратные артикулы ратифицированы будут обеими Высокососодоговаривающимися сторонами в тоже время, как и конвенция.

Во уверение чего мы оные подписали и печати гербов наших приложили.

Учинено в Санкт Петербурге Марта двадцать перваго дня тысяща седмьсот шестьдесятаго года.

Граф Михаила Воронцов, Иван Шувалов, граф Н. Эстергазий.

Артикул сепаратной и секретной.

Хотя заключенною и подписанною сего дня конвенцией), а имянно пятым артикулом оной, обе содоговаривающияся стороны постановили между собою взаимный их приобретения; но как до ныне Ея Величество Императрица Королева Венгеро-Богемская вспомоществовала Ея Императорскому Величеству Всероссийской милионом рублев ежегодно, в разсуждении великих на сию войну издержек, кои великий разстоянием мест становятся всегда большими и тягостнейшими; и хотя Ея Императорское Величество Всероссийская отнюдь не хочет Ея Величества Императрице Королеве в тягость быть, однако ж Ея Величество Императрица Королева тем не менше обещает и обязуется, помянутой милион рублев ежегодно во все время продолжения сей войны платить за каждые шесть месяцев вперед, так как оное постановлено конвенциею 1757 года.

Сей сепаратной и секретной артикул ратификован будет от обоих сторон в то же время как и конвенция.

Во уверение чего мы оной подписали и печати наших гербов приложили.

Учинено в Санктпетербурге, Марта двадцать перваго дня тысяща седмьсот шестидесятаго года.

Граф Михайла Воронцов, Иван Шувалов, граф Н. Эстергазий.

Артикул сепартной и секретной.

Понеже главные причины побудили Ея Величество Императрицу Всероссийскую, и Ея Величество Императрицу Королеву Венгеро-Богемскую, не означивать и не определять в артикуле 5-м подписанной сего дня в Санктпетербурге конвенции упомянутаго возвращения убытков для справедливаго Ея Императорскому Величеству Всероссийской награждения, токмо обе Высокосодоговаривающияся стороны поставляют между собою формальным и точным образом обязательство, которое каждая из оных сторон вышепомянутым артикулом конвенции принять на себя разумела, того ради за потребно найдено, настоящим секретным артикулом обстоятельнее объявить: Что понеже Король Пруской начатием нынешней войны нарушил все прежние трактаты, и чрез то всем участвующим державам неоспоримое доставил право требовать на иждевении его возвращения всех тех убытков и разореней, коим он причиною, то Их Императоре кия Величества обещают друг другу наиторжественнейшим и обязательнейшим образом, во время нынешней войны все силы, а при будущем замирении все

старания обще и согласно к тому употребить, что б Ея Величеству Императрице Королеве Венгеро-Богемской получить в свое владение всю Силезию и Графство Глацское, как такия области, кои издавна принадлежали Австрийскому Архи-Герцогскому дому, и на которыя Король Пруской потерял свои права начатием нынешней войны. А Ея Императорскому Величеству Всероссийской Королевство Прусское ныне Ея оружием действительно уже завоеванное, уступлено было, как справедливое награждение не токмо за понесенныя в сию войну убытки, но и за показанную общему доброму делу генерально услугу. При чем однако разумеет надлежит, что приемлемое Ея Величеством Императрицею Королевою обязательство не имеет быть тогда состоятельно, есть ли случится что помянутому Ея Величеству доставлено не будет уступление всей Силезии и Графства Глацкаго. Сей сепаратной и секретной артикул ратификован будет обеими Высокосодоговаривающимися сторонами в то же время, как и конвенция. Во уверение чего мы оной подписали и печати гербов наших приложили.

Учинено в Санктпетербурге Марта дватцать шестьдесят аго года.

Граф Михаила Воронцов, Иван Шувалов, граф
Н. Эстергазий.

ДЕКЛАРАЦИЯ.

Хотя в подписанной сего дни конвенции, Ея Императорское Величество Всероссийская и Ея Величество Императрица Венгеро-Богемская согласились, и постановили, во время сей войны, все силы, а при будущем замирении все старания обще и согласно к тому употребить, что б Королевство Пруское, ныне оружием Ея Императорскаго Величества Всероссийской действительно уже завоеванное, Ея Величеству уступлено было, как справедливое награждение за претерпенныя в нынешнюю войну убытки и показанную общему доброму делу генерально услугу; однако ж Ея Императорское Величество Всероссийская чрез сие предоставляет Себе принять с королевством и Республикою Польскою впредь такия меры о Королевстве Прусском, кои бы ко взаимному обеих сторон удовольствию служили, а Ея Величество Императрица Королева Венгеро-Богемская обещает придприемлемую о том, во свое время с Республикою негоциацию, добрыми своими официями подкреплять.

Сия декларация имеет равно и в одно время, с подписанною сего дня конвенциею, ратификована быть. Во уверение чего мы нижеподписали и печати] наших гербов приложили.

Учинено в Санктпетербурге Марта дватцать перваго дня

тысяща седмьсот шестьдесятого года.

Граф Михаила Воронцов, Иван Шувалов, граф Н. Эстергазий.

Перевод сей написан на 10 листах. Моск. Г. Арх. М. И. Д. Конвенция 1760 г. Март. 21, 89.

Приложение 8
Рескрипт императрицы Екатерины II графу Панину «О независимости Татарской Орды от подданства Турецкого» от 2 апреля 1770 года

Божиею милостию Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему Генералу Аншефу Графу Панину.

Усмотря из реляции вашей от 4-го Марта под N 9, что первыя по Нашему повелению учиненныя вами подсылки к Татарам, в Турецком подданстве находящимся, для внушения им мыслей о удобности настоящаго времяни отстать от Порты Оттоманской, и тем свое состояние поправить, некоторое уже действие произвели, восхотели Мы чрез сие и ближае вам изьяснить Нашу систему в рассуждении Крымскаго полуострова и всех, под властью тамошнего Хана состоящих, Татарских народов, дабы вы в состоянии были, в случае действительной с их стороны податности на точные соглашения, во всем оной следовать.

Совсем нет Нашего намерения иметь сей полуостров и Татарския орды, к оному принадлежащия, в Пашем подданстве, а желательно только, чтобы они отторгнулись от подданства Турецкого и остались навсегда в независимости.

По положению Крыма и тех мест, на которых и Вне онаго Татары живут, а не меньше и по свойству их, они никогда не будут полезными Нашей Империи Подданными; никакия порядочные подати не могут быть с них собираемы, они же и к обороне границ ея Служить не будут; ибо с той стороны, коль скоро Порта не возможет ими повелевать, не будет уже никакого соседа, который бы покусился нападатть на Российские границы. Сверх того беспосредственным их подданством возбудилась бы общая и не безосновательном зависть и подозрение, о беспредельном намерении умножения областей, скипетру Нашему подверженных, от чего, однако ж, предостерегаться благоразумие научает, особливо тут, где никакой знатной и существительной пользы обещать себе не возможно, будучи Татарские народы такого свойства, что они за одно имя подданства щитают иметь право всего требовать в свою одну пользу, для других же услуги свои и пользу в том только поставляют, что живут спокойно и не разбойничают. Но сколь ни мало для россии пользы из подданства Крыма и татарских орд,

но, напротив того, велико уже и знатно, быть может приращение силам и могуществу Российскому из их от власти Турецкой отторжения, и в независимости и собственной свободности утверждения; ибо единым сим обстоятельством так сказать возможно, что Оттоманская Порта, в рассуждении беспосредственно самой России, ея границ и соседства, претворится в небытие моральное, по тому, что ей не кем и ни с которой стороны неудобно будет делать никаких важных предприятий на Российския границы, да и тем же самым положится навсегда новое и довольно важное препятствие переводить ей свои войска и чрез Дунай, имея тогда в правом боку независимых от нея Татар.

Но чтоб распространить было возможно в самом деле сию политическую пользу при настоящей войне, то Мы решительную и приемлем резолюцию, когда Татара согласятся от Порты отторгнуться, не полагать оружия, хотя бы то излишнюю Нам кампанию стоить стоить могло, пока Порта не признает торжественно, в своем с нами мирном договоре, независимою областью Крыма с принадлежащими к нему ордами, как по случаю войны и ея следствий от подданства Турецкого добровольно отложившихся, для своего собственного и своих земель спасения, обращая при том Мы Наш всегдашний вид и свободнаго мореплавания на Черном море, к их же в том ободрению и вспомоществованию.

Но для надежнейшей Нам способности всегдашняго татар против Турок охранения, в силу постановляемых с ними обязательств, необходимо надобно, чтоб они приняли Наш гарнизон в некоторые свои крепости, по удобности и ближайшему усмотрению нужды, и, оставляя в Наших руках проход из Азовскаго в Черное море, для чего чаятельно имянно и нужны будут обе крепости, сей проход защищающия, то есть, на Крымском берегу Яниколу, а на Кубанском Тамань, отдали бы Нам одну морскую гавань на Крымском берегу, где бы наша флотилия могла их защищать от Турецких десантов; а естьли сия важная негоциация в настоящую еще кампанию совершится, то уже, не теряя ни малейшаго времяни, и останется занять, каким бы то числом не было, Нашею Азовскою флотилию тот порт, который на Крымском берегу выговорен будет, дабы, при начатии с Турками негоциации о мире, можно уже было прелиминарными пунктами выговорить и удержать проход нескольким Нашим кораблям из Средиземного моря в Черное, как в такой порт, который в Нашей собственности уже утвержден, чем и одержано быть может действительное основание Нашего флота, следственно же и мореплавание на Черном море.

По сим положениям и препоручается вам, продолжая начатую с Татарами обсылку и негоциацию, склонять их не к Нашему подданству, но только независимости и отложению своему от Турецкой власти, Обещая им торжественно наше ручательство, покров и оборону, с твердым обнадеживанием, что естьли они теперь такой договор своего из под власти Турецкой отложения с Нами подпишут, и оставя себя независимыми ни от кого, обратят свою защиту единственно к отпору Турок, которые стали бы входить с оружием в в принадлежащие им земли, Мы не положим Нашего оружия против Турок, и, не утвердя договорными пунктами независимости Крымской области, мира не заключим, а, домогаясь от них принятия В некоторые их крепости нашего гарнизона, и уступление нам одной морской гавани на Крымском берегу, с оставлением в Наших же руках прохода из Азовского в Черное море, можете их наисильнейше удостоверить, что Мы тут никаких владений не желаем и не требуем, а хотим только, для их собственно всегдашней безопасности и надежности, иметь крепостныя прикрытия, с некоторым вокруг их выгоном для выгоды тамошних Наших в оных крепостях жителей. Между тем как в самом существе польза Нашей Империи соединена будет в том с собственною их, чтоб в некоторых их местах Наши гарнизоны содержать, так из того по видимости их свободнрсти и незавимости не будет же ни малейшаго и предосуждения, по примеру тому, что и Англия имеет на Гиспанском, берегу Гибралтарскую крепость, а многие Европейские народы и на берегах Восточной Индии укрепления. Со всем тем обе сии Державы равными признаются, да и прочие Европейские нации тех Индейских владетелей, в землях которых имеют укрепленные места, подчиненными себе почитать не могут же. Там только взаимная польза от коммерции к уступкам малой части земли убедила, а от Татар собственная их безопасность требует исполнить по Нашим желаниям; ибо всякому понятно, что Порта расстанется с сожалением, по крайней необходимости, и без сомнения ни малейшего случая, а особливо с начала, упускать ен будет, чтобы не искать их себе по прежнему подвергнуть, а Мы, не имев бы в их стороне близких способов к отражению Турецких нападений, долженствовали бы, не смотря на Наше торжественное обещание, однако же, по расстоянию мест, с сожалением видеть чинимое им иногда утеснение.

Вы дадите татарам уразуметь, что по новым их обстоятельствам натурально так же должно быть условие и о свободной и беспрепятственной между обеими сторонами коммерции водяной и сухопутной; но в подробности оной теперь входить еще не время, а довольно только то сказать, что и вся

оная с Нашим мореплаванием в их же единую пользу и усиливание обратится, по тому что они тогда более никаких посторонних интересов, которые бы им наносить уже могли какое либо в том препятствие, как то много раз настало при их Турецком подданстве, иметь не будут.

Все сие, однако же, составляет побуждение для людей благоразумных, о прочности своей пользы основательно рассуждающих и никакими предубеждениями не занятых; ибо в самом деле осязательна и чувствительна та удобность, чтоб Крым, по собственной своей силе и принадлежащих к нему орд, и по своему положению, начал быть независимою Державою, и нужда предоставления нам ближайших способов толь лутче их защищать. Напротив того известно, сколь велика легкомысленность Татарская, преданность их к Магометанству, а к Христианам недоверие и некоторая врожденная непримиримость. Мы по тому и уповаем, что вы со всею возможною предосторожностью сие важное дело производить будете, применяясь к их нраву, и обращая и самой войны происшествия к их побуждению, а когда сперва в том преуспеете, что они уже явным образом, положась на Наши обнадеживания, от послушания Порты откажутся, тогда, чувствуя вообще все необходимость Нашего покровительства, чаятельно толь сговорчивее будут и Наши требования исполнить, следовательно, вы и можете домогательство и соглашение с ними о том до онаго времени отложить, ежели бы какие либо, однако же, происходящие между тем случаи и обстоятельства, не заставили ускорить с надеждою в успехах. Впрочем пребываем Мы вам Императоскою Нашею милостию благосклонны. Дан в Санктпетербурге 2-го апреля 1770 года.

Екатерина.

Приложение 9
Манифест императрицы Екатерины II «Об освобождении Крымского ханства от порабощения Оттоманской Порты и о избрании крымским ханом Сагиб Гирея» от 11 апреля 1772 года

Божиею поспешествующею милостию Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская, Московская, Киевская, Владимирская, Новогородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Государыня Искровская и Великая Княгиня Эстлянская, Лифляндская, Корельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и иных Государыня и Великая Княгиня Нова-города Низовския Земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Белозерская, Удорская, Обдорская, Кондийская, и всея Северныя Страны Повелительница и Государыня Иверския Земли, Карталинских и Грузинских Царей и Кабардинский Земли, Черкасских и Горских Князей и иных Наследная Государыня и Обладательница.

Начальникам Крымским, Мурзам, Агам, духомному чину и всему благонамеренному обществу, Наша Императорская Высочайшая милость и благоволение. Совершились Наши человеколюбивые желания и достигло Наше удовольствие до выщняго степени, видя, милосердым Всевышняго Промыслом и пособием победоноснаго Нашего оружия, Крымский полуостров, со всеми своими обитателями и со всеми Нагайскими народами, избавленным от постороннего порабощения, его ж испрашивающаго, чрез нарочно присланных к Высочайшему Нашему Двору посланников, Наше Императорское покровительство и поручающего себя в союз и дружбу Нашей империи, а в то ж время и возвращающего потерянное свое преимущество, вольной и ни от кого независимой, кроме единаго Бога, области, избранием в верховное начальство Славнейшаго и Светлейшаго Хана, Сагиб Гирея, по праву наследства и породы, и с торжественным обязательством, чтоб порученную ему власть употреблять по древним Татарским законам, обыкновениям и обрядам, и чтоб непременно быть и оставаться с Нашею Империею в союзе и дружбе и под Нашим покровительством, нужным Крыму и всем татарским народам, для безвредности, целости и безопасности настоящего их благополучнаго жребия. Мы, приобретши в свете справедливую славу Нашим

руководством и великодушным подвигом в совершении толь знаменитаго происшествия, коим великая часть рода человеческого в злополучии, в горести, в тесноте и презрении бывшая, видит совершенно своего состояния перемену полезную, и для будущаго времени ласкательнейшия ей надежды подающую, собственную похвалу и достопамятствие умножим, пособствуя Крымскому обществу Нашим попечением и трудами, со всеми Татарскими народами спасенному, восстановленному, и В достоинство независимой области возведенному, все сии, для него прежде неожиданые, но действительно уже совершившийся, выгодности и преимущества сохранить и на позднейшее его потомство продолжением времени предавать беспрепятственно. Но, дабы перенимаемое Нами охранение вольной Татарской, независимой и под собственным своим верховным покровительством состоящей области с точностию было определено, и Наше Императорское признание и подтверждение такого сей области качества и верховнаго над оною начальства, Славнейшаго и Светлейшаго Хана, Сагиб-Гирея, торжественным образом всему свету засвидетельствовано и ознаменовано. Мы, для всего того за благо и за нужно изобрели, отправить в Крым к Его Светлости, Хану, и всему правительству нарочное торжественное посольство, назнача к тому Нашего Генерал Порутчика, Лейб-Гвардии Нашей Майора и Кавалера, Евдокима Щербинина, как уже при производстве дел татарских немалое время находившагося, и потому о всех их обстоятельствах сведомаго и персональное свое им доброжелательство доказать неоднакратныя случаи имевшаго. Крым ничем больше не может изьявить должной к Нам благодарности и прямой доверенности своей к Нашей империи, и соответствия своего к Нашим о пользе его и всех Татарских народов неутомленных стараниям, как полным вниманием и уважением тех предложений, которыя, Высочайшим Нашим имянем и по Нашим повелениям, полномочным Нашим учинены быть имеют, для вящщего взаимной дружбы утверждения и обеспечивания Татар от всякой опасности на все последующее время. Между тем Мы, отпуская ныне от Нашего Императорского Двора присланных от Крымскаго общества посланников, Измаил и Шагин-Гирей-Мурз с товарищи, и сею Нашею священною Монаршею грамотою, им препорученною, начальников Крымских со всем обществом обнадеживаем и удостоверяем, что, пока они с народом Крымским в настоящем положении и свободном состоянии оставаться будут, то есть, дружественными и союзными с Нашею Империю, начавшемуся вновь верховному Татарскому правительству в лице Хана Крымскаго, избранного в сие

достоинство в независимости и вольными голосами, по праву породы и наследства, послушными и не подверженными искушениям, могущим происходить неминуемо от зависников Татарского благополучия и недоброжелателей, чтоб вовлещи их в бездну прежних нещастий, подведение и подвержением под власть постороннюю, но вопреки всех происков и ковов, доставленную их отечеству вольность и независимость всеми силами сохранять и защищать будут, не допуская между себя распространяться и укореняться вредным развратам, при таком расположении Крым может всегда иметь надежное прибежище к Нашему Всероссийскому Императорскому Престолу и защищением онаго пользоваться. Мы здесь же наконец охотою подаем засвидетельствование, что посланники общества Крымскаго во всю при Нашем Дворе бытность свою вели себя пристойно и порядочно, и тем совершенно оправдали возложенную на них от общества Крымскаго доверенность.

Дана сия Наша Императорская грамота, которую Мы, для полной доверенности, Государственною Нашею печатью утвердить повелели, в столичном Нашем городе Санктпетербурге, в 11-й день Апреля, от Рождества Христова 1772 года, а государствования Нашего десятого лета.

Подлинная грамота Государственною печатью утверждена.

Приложение 10
Мирный и союзный трактат между Российской империею и Ханством Крымским, учиненный 1 ноября 1772 года Ратификация трактата, заключенного В.М. Долгоруковым с Ханом Крымским, Екатериной II 29 января 1773 го да

1773 года января 29.

Мирный-и союзный трактат между Российскою Империею и Ханством Крымским.

Божиею поспешествующею милостию Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская, Московская, Киевская, Владимирская, Новогородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Государыня Пскровская и Великая Княгиня Эстлянская, Лифляндская, Корельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и иных Государыня и Великая Княгиня Нова-города Низовския Земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Белозерская, Удорская, Обдорская, Кондийская, и всея Северныя Страны Повелительница и Государыня Иверския Земли, Карталинских и Грузинских Царей и Кабардинския Земли, Черкасских и Горских Князей и иных Наследная Государыня и Обладательница.

Да будет всем известно.

Бывшее Крымскаго полуострова и всех, принадлежащих к оному Татарских народов Порте Оттоманской подвержение, как несвойственное и совсем предосудительное для сих народов, служило всегда к Нашему сожалению; по чему, обратя Мы победоносное Наше оружие на Крым, по случаю происшедшей между Нашею Всероссийскою Империею и Портою войны, не искали мстить Татарам за нарушение мира сею Державою, поелику оная, превозмогши над ними в продолжение времяни властию своею, употребляла их, в произведении своих намерений, против собственной их воли и пользы, но охотно подали им, напротив того, способы постановить себя на степень свободной и ни от кого независимой области, правимой собственным своим верховным начальством, в лице Хана Крымскаго, в которое достоинство, по такой благополучной Татарских народов перемене их жребия, будучи избран добровольным соглашением и по праву породы и наследства, Светлейший и Славнейший

Сагиб-Гирей, сын Ахмет-Гирей Солтана, торжественным и признан от Нас образом в качестве независимаго владетеля над свободною Татарскою областью, учиненным к Его Светлости и к сей области отправлением Нашего Полномочнаго, войск Наших Генерала Порутчика, лейб-гвардии Майора и кавалера Щербинина; сверх того распространяя Мы оказанное с Монаршей Нашей стороны татарским народам благодеяние и на все веки будущие, и чтоб всегда могли они пользоваться защищением Нашим и преемников Наших на Российском Императорском Престоле, при обстоятельствах, того требовать имеющих, восхотели Его Светлости, Хану Крымскому, и всему Татарскому обществу, чрез помянутого же Нашего Полномочнаго предложить и о заключении с Нами формальнаго трактата союза и дружбы, определяющаго со всею точностию и самыя средства и действия способствования, Какое от Нашей Империи Крымскому полуострову и Татарским народам на будущее время иметь нужным и полезным остается, для вечнаго охранения доставленной им, трудами и подвигами Нашими, вольности и настоящаго независимаго состояния. Ниже следующий Договор, совершенный и заключенный с Нашей стороны чрез вышеозначенного Генерала Порутчика, Лейб-гвардии Маиора и Кавалера, Евдоким Щербинина, по силе данной ему от Нас полной мочи, а с стороны свободной и независимой области Татарской чрез Светлейшего и Славнейшего Сагиб-Гирея, Хана Крымскаго, купно с уполномоченными от Крымскаго и Нагайскаго обществ, а имянно: от перваго с Ширин-Беем-Джаин-Гиреем, Великим Агою Бегадир-Агою, и Мансурскаго поколения с Шагпаз-Беем и Измаил-Беем-Аргиным, а от Нагайскаго общества от Эдишкульской орды с Карашаг-Мурзою, от Эдисанской с Темир-Шаг-Мурзою, от Буджакской с Катир-Шаг-Мурзою, а от Джамбулуцкой с Эль-Мурзаг-Мурзою, есть справедливое уважение Нашего о татарских народах неутомленнаго попечения, начальством сих народов, по собственному онаго удостоверению, полезным признаваемаго, и таким и явно подтверждаемаго; а в протчем сей договор, составляющий существенно и в самом деле меры нужныя к прочной безопасности Крымскаго полуострова, и к утверждению истинной дружбы между Всероссийскою Империею и областию Татарскою, кои как избраны, так и назначены, согласно по предшествовавшем взаимном и с достоверностию рассмотрении, от слова до слова гласит та ко:

Во имя Господа Бога, Создателя неба и земли, и всяких благ источника.

Когда открылась война настоящая, Ее Императорское Величество, Самодержица Всероссийская, воспряв дарованное Ея

Величеству от Всевышняго оружие на отражение неприятеля, тем одним удовольствоваться не изволила, но человеколюбивое сей Монархини сердце подвиглось в то ж время употребить способы к избавлению Крымскаго полуострова и всех Татарских народов и от по нос наго порабощения, в какое они коварством и насильством низвержены были. Благодарение Всевышнему на всякое время! Теперь все, Крыму принадлежащие, Татарские народы, полу ча древнюю свою вольность и независимость, составляют уже особливую область под собственным своим правительством, благополучие, которое, при Божием покровительстве, произошло единственно от велико» душнаго Ея Императорскаго Величества пособия. Но чтоб оное в роды и роды вечно осталось безвредно, твердо и прочно, и новая Татарская область время ОТ времени в лутчее установление приходить могла, Ея Императорское Величество, дозволяя ей свое покровительство и ручательство в охранении и защищении всех Татарских, оную составляющих народов, в настоящем их состоянии, кроме собственнаго своего верховнаго правительства, ни от кого независимым, соизволила отправить к Светлейшему Хану Крымскому, Сагиб-Гирею, избранному в сие достоинство по праву породы и наследства, и к протчим Крымским и Татарским начальникам, полномочным своим Генерала Порутчика, гвардии Майора и Кавалера Евдокима Щербинина, для постановления с Его Светлостью Ханом и вообще всей Татарской области с именитыми начальниками, формального трактата, которым бы точнее определено было взаимство дружбы и союза между Всероссийской Империею и Татарскою областию, чему и с своей стороны Светлейший Хан с чинами правительства Крымскаго и Нагайскаго общества уполномоченными, а имянно: ФШирин-Беем Джанн-Гиреем, Великим Агою Бегадир-Агою, Мансуроваго поколения Шагпаз-Беем, Измаил-Беем-Аргиным, Эдишкульской орды Карашаг-Мурзою, Эдисанской Темир-Шаг-Мурзою, Буджацкой Катир-Шаг-Мурзою, Джамбулуцкой Эль-Мурзаг-Мурзою, с должным признанием и благодарностию соответствуя с помянутым Генерал-Порутчиком Щербининым, и о взаимным изъяснениям, согласились и на мере постановили следующия условия:

1. Союз, дружба и доверенность да пребудут вечер между Всероссийскою Империею и Татарскою областию, без притеснения Вере, законов и вольности.

2. Сей татарской вольной области верховное и нижнее начальство, то есть, все вообще законы и обряды в самовластном Крымском Хане быть имеют, избрание ж и постановление на предбудущие времена В Ханы зависит от общаго согласия сей

области, в которое, как и во все выше сказанное в сем пункте, ни Российская Империя, ни Оттоманская Порта, и протчия посторонний, никто и ни один ни в чем вмешиваться да не имеют, но, по избрании и постановлении Хана, доносимо будет Высочайшему Российскому Двору.

3. До войны настоящей бывшия под властью Крымскаго Хана все Татарский и Черкеские народы, Томанцы и Некрасовцы, по прежнему имеют быть во власти Хана Крымскаго, Большая же и Малая Кабарды состоят в подданстве Российской Империи.

4. От Крымской области Российской Империи в помощь себе войск не требовать, равно Крымския и татарския войски противу России никому и ни под каким претекстом вспомоществовать не имеют.

5. Ея Императорское Величество за себя и за своих Всероссийского Престола преемников обещает Татарскую область сохранять и защищать во всех ея правах и начальных положениях.

6. Пока настоящая война между Всероссийскою Империею и Портою Оттоманскую продолжается, резоны военные требуют, чтоб укрепленные Крымские места заняты были Российскими императорскими войсками, но при всем том возможное старание употребится, чтоб сие обстоятельство ни в малейшую не было тягость Крымским обывателям.

7. Как натуральное положение Крыма подвержено и всегда незапным непрязненным нападениям, а Российский силы, по заключении с Портою Оттоманскою мира, возвратясь в свои границы, великим рас-, стоянием отдалены будут от сего полуострова, то, дабы во всегдашнее время с стороны Всероссийской Империи надежные способы предоставлялись, перенимаемое торжественнейшим образом ручательство вольности и независимости Крымской и всех Татар, составляющих ныне свободную область под Собственным своим верховным правительством, действительно исполнить, поданием в нужных случаях немедленной помощи и защищения, в сем уважении содержаны да будут навсегда Российскою Империею крепости Яниколь и Керчь, на берегу пролива из Азовского в

Черное море лежащие, с гаваньми и с околичною землею, то есть, начав от Чернаго моря по старой Керчинской границе до урочища Бугак, а от Бугака прямою линиею на север в Азовское море, оставляя в границах к Керчи и Яниколю все источники, довольствующие сии крепости пресною водою, чтоб в тех крепостях запасное войско и суда находиться могли для стражи и отвращения всяких противных на Крымский полуостров покушений, но только для коммуникации с живущими на Кубанской стороне народами, иметь Крымцам при Яниколе на

собственных своих судах перевоз у особой пристани, равно в Яникольском и Керчинском проливе ловить рыбу Российским и Крымским людям беспрепятственно, исключая те места, кои заняты будут Российскою флотилиею.

8. Кроме крепостей Яниколя и Керчи, протчия вся Крымския, какого бы названия и имени ни были, крепости с пристаньми, гаваньми, жилищами, со всеми во оных жителями, доходами и соляными озерами, в ведомстве и распоряжении Светлейшего Хана и Крымского правительства быть имеют, в которых, по заключении с Портою мира, Российские войски пребывания иметь не будут, равно и за Перекопом Крымская степь, по границы Российской Империи бывшая до настоящей войны, то есть, начиная от вершин речек Берд и Конских Вод до устья оных, по прежнему во владении Крымских жителей оставаться имеет.

9. Нагайским и Буджацкой ордам остаться навсегда обитать на Кубанской стороне под властию Его Светлости Хана, состоя, по древним их правам, обрядам и обычаям, на основании сего трактата и первоначальных их с Россиею положений.

10. Подданные Ея императорского Величества, которые найтись могут в Крыме и у Татарских народов в плену и в неволе, да будут, в следствие союза и дружбы, без всякого выкупа возвращены и впредь возвращаемы, и есть ли кто, по самоизвольному желанию, приимет Магометанский Закон, те, для удостоверения о том, чрез словесное их обьявление разбираны будут Российским Резидентом, равно как и с Высочайшей Ея императорскаго Величества стороны Крымские, Нагайские и Буджацкие пленники также возвращаемы быть имеют.

11. Все другие в Крыму и в Татарских ордах невольники не подданные Российские, хотя бы они и Христианскаго Закона были, когда прибегут к Российским войсками к местам, оными содержимым, приемлемы быть не имеют, но назад отсылаемы, а могут только, по добровольному соглашению с хозяевами, выкупаемы быть.

12. Дозволяется взаимная торговля Российским подданным в Крыму, а Крымским в Российским местах, со всею безопасностию и выгодностями, какия другие дружественные народы имеют, но с платежем только по купеческим установлением надлежащей пошлины.

13. Ея Императорское Величество, в вящщее засвидетельствование своего к Светлейшему Хану Крымскому уважения и доброжелательства и в поспешествование взаимной дружбы, соизволяет содержать при Его Светлости своего Резидующаго Министра, а Его Светлость обещает всегда и при всяких обстоятельствах сохранить в рассуждении его и всех, при

нем быть имеющих, народные права, не дозволяя и не допуская никого, чтоб ему и людям его малейшее оскорбление учинено было, в противном же случае все, до него обидным образом касающиеся, жестокому подвержены будут наказанию.

14. Сей трактат вечной дружбы и союза имеет быть от Ея Императоскаго Величества апрбован и ратификован, и ратификация письменная коль скоро возможно Его Светлости Хану и Крымскаго правительства чинам доставлена будет.

Во уверения того я, Ея Императоскаго Величества Полномочной, подписав оной моею рукою и утвердя моею печатью, отдал Его Свеьтлости, Хану Крымскому, Сагиб-Гирею, и Полномочным, приняв от них единогласной экземпляр за подписанием и приложением их печатей.

Учинено в городе Карасу 1772 года, ноября 1 дня.

Мы выше означенной трактат союза и дружбы, заключенный Нашим Полномочным с Светлейшим и Славнейшим Сагиб-Гиреем, Ханом Крымским, и с свободною Татарскою областию, под его верховым начальством состоящею, сим за благо приемлем, подтверждаем, обещая Нашим Императорским словом за себя и наследников Наших, исполнять точно по силе и содержанию всех условий, в оном положенных. А для вящщего уверения того Мы сию Нашу Императорскую ратификацию собственноручно подписав, печатию Нашей Империи утвердить повелели.

Дано в Санктпетербурге, Нашей резиденции, лета от Рождества Христова 1773, месяца генваря 29 дня, а государствования Нашего перваго на десять года.

Подлинная ратификация подписана собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

Екатерина.

Контрасигнировал: Вицеканцлер князь Александр Голицын.

Утверждена Государственною большою печатью.

Приложение 11
Трактат вечного мира и дружбы, заключенный между императрицею Всероссийской и Оттоманскою Портою при деревне Кучук-Кайнар-джи 13 января 1774 года

Арт. 3. Все татарские народы: крымские, буджатские, кубанские, едисанцы, жамбуйлуки и едичкулы без изъятия от обеих империй имеют быть признаны вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти, но пребывающими под самодержавной властью собственного их хана чингисского поколения, всем татарским обществом избранного и возведенного, который да управляет ими по древним их законам и обычаям, не отдавая отчета ни в чем никакой посторонней державе, и для того ни российский двор, ни Оттоманская Порта не имеют вступаться как в избрание и в возведение помянутого хана, так и в домашние, политические, гражданские и внутренние их дела ни под каким видом, но признавать и почитать оную татарскую нацию в политическом и гражданском состоянии, по примеру других держав, под собственным правлением своим состоящих, ни от кого, кроме единого Бога, не зависящих. В духовных же обрядах, как единоверные с мусульманами, в рассуждении Его Салтанского Величества, яко Верховного Калифа Магометанского закона, имеют сообразоваться правилам, законом их предписанным, без малейшего предосуждения, однако ж утверждаемой для них политической и гражданской вольности. Российская Империя оставит сей татарской нации, кроме крепости Керчи и Яниколя с их уездами и пристаньми, которые Российская империя за собой удерживает, все города, крепости, селения, земли и пристани в Крыму и на Кубане, оружием ея приобретенный.

Арт.19. Крепости Еникале и Керчь, лежащие в полуострове Крымском с их пристаньми и со всем в них находящимся, тож и с уездами, начиная от Черного моря и следуя древней Керченской границе до урочище Бугак и от Бугака по прямой линии кверху даже до Азовского моря, остаются в полное, вечное и непрекословное владение Российской империи.»

Приложение 12
Переписка князя В. М. Долгорукова и императрицы Екатерины II

Письмо Екатерины II князю Долгорукову от 10 мая 1771 года.

Письмо Екатерины II князю Долгорукову от 27 авг. 1771 года.

Манифест о вступлении в Крым.

Письмо Екатерины II князю Долгорукову 2 июня 1772 года.

Письмо Екатерины II князю Долгорукову 27 января 1774 года.

Письмо Екатерины II князю Долгорукову 26 февраля 1774 года.

Реляции князя Долгорукова из лагеря в Крыму, при урочище Сарабузды 28 июля, 3 августа, 5 августа 1774 года.

Письмо Екатерины II князю Долгорукову 19 августа 1774 года.

Письмо Екатерины II князю Долгорукову 22 августа 1774 года.

Реляция князя Долгорукова Екатерине II из крепости Перекопской 26 августа 1774 года.

Письмо Екатерине II князю Долгорукову 15 сентября 1774 года.

Форма письма командующему в Крыме турецкими войсками от князя Долгорукова или его преемника.

Записка Резидента России в Крыму П. Веселицкого.

Божиею милостию Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская, и протчая, и протчая, и протчая.

Нашему Генералу Аншефу Князю Долгорукову.

По представлениям вашим о негоциации с Татарами вообще, и особенно с Крымскими, признавая Мы оныя с удовольствием, происходящими от вашей к службе Нашей ревности, объявляем вам чрез сие ближае и со всею точностью Наше Монаршее соизволение, каким образом та и другая производима быть имеет, для совершения обеих с равномерным успехом.

Соглашение с Крымцами по всем, по ныне учиненным, стараниям и попыткам, как единственно открыться может от операций и успехов Нашего оружия, вашему предводительству порученнаго, то и дальнейшее сей важной негоциации производство, не инако, как собственному вашему же попечению, предоставляется, в несумненной надежде на ваше искуство, осторожность и тщание в приобретении всех выгодностей, предмет оной составляющих.

Но что касается до Эдисанских и Буджацких Татар, и протчих,

в согласии с ними находящихся, все оные, явным отвержением бывшей над ними власти Порты Оттоманской и вступлением своим в Наше покровительство, вышед из той связи, в какой с Крымом, по разным свои обстоятельствам, были, напротив того сделали нужным, для сохранения между их начальниками единомыслия и предварения всякаго колебания, такое за собою с Нашей стороны надзирание, которое во все мелочи и подробности от обращения и частных их уже соответствий и взаимств к их удовольствию, но в здешние ж виды, от разрешения немедленнаго и всех встречающихся небольших приключений, из каких, однако же, важныя следствия, по легкомысленному сих народов состоянию, произойти могут, и от управления почти каждого их племяни в особенности, для лучшаго и всех в общество соглашения, но к тому требуется целаго досуга, ни чем другим не занятаго время ни, непрестаннаго упражнения и с бывшими примерами и соображения.

Императрица Екатерина II

По переходе же, по данному от Нас дозволению, за Дон, на Кубанскую сторону, сих отложившихся от Порты Татар, чем далее будут они находиться от Крыма, и по видимому исключатся уже совсем от участвования в тамошних делах, тем не меньше, или еще больше, нужно быть имеет прилежное и непосредственное наблюдение их поступков, по тому что в таком случае приближается, однако ж, они к Кубанским народам, состоящим и по ныне в ведомстве Хана Крымскаго, которые давно б не упустили набегами своими ближних к ним пограничных мест, по Догу лежащих, также и в Астраханской Губернии по Волге и Тереку, обезпокоить, ежели б удерживаны не были чинимыми над ними поисками Генералом Маиором Медемом обще с Калмыками. Но по случившемуся между тем в Калмыцком народе разврату, сей Генерал-Маиор не находится теперь в состоянии с небольшим, в его команде состоящим корпусом всего пространства тамошних степей прикрыть.

Излишно был б, при воинских ваших подвигах и порученном вам де искательстве, отторгнуть от Порты. Крымской полуостров, не только действием оружия, но и соглашением с начальниками, выходя из того многия распоряжения, все ваше время и внимание занимать могущия, озабочивать вас и произведенною уже далеко с сими Эдисанскими, Буджацкими и протчими, с ними согласившимися, Татарами негоциациею, обращающеюся теперь по большей части во внутреннее управление и руководство их корпуса, по отлучению сих народов их сферы Крымской; для чего Мы и находим за нужно, чтоб, в облегчение трудов ваших, остался при Татарской Комисии по прежнему наш Генерал-Маиор Щербинин, равно как бы и в разсуждении предместника вашего, Генерала Графа Панина, не смотря на то, что он с Татарами начал негоциацию и во время предводительства своего Нашею армиею производил оную, необходимо также было б Определение особливаго человека для подробностей дел, а особливо на время похода, чтоб подробными делами отдаленных орд от мест военных действий при важных исполнениях не затрудняться. Совсем тем верховное и Татарской коммисии производство и отправление, имея и оная еще некоторое сопряжение с военными операциями, вам же, как главному полководцу, принадлежит. По чему Генерал-Маиор Щербинин о все, что к сведению вашему нужно было б, и впредь, как он и ныне делает не только вам представлять будет, но и резолюций ваших требовать при произшествиях новых и важных. А чтоб и в отлучение ваше от границ, однако ж, со всею возможною удобносию, такое его с

вами сношение происходить могло, в сем намерении и снабден уже он Нашим повелением, на то время в ближайшем быть от вас месте. Сверх того, естьли, по открывающейся с Крымскими начальниками негоциации, окажется отношение и до Татар, от Порты от ложившихся, то есть, соглашаясь с одними, в то же время некоторыя уважения и о других иметь будет надобно, а вы бы тогда, по важности дела, за нужно нашли его к себе призвать, то можете дать ему и о том повеление.

Мы отдаем в ваше же благоизобретение взять с собою и Канцелярии Советника Веселицкаго, или при Генерале Майоре Щербинине оставить. Не будучи здесь известно, где пребывание его во время вашего похода больше нужно, и не полезнее ли быть ему тогда в третьем месте, а имянно, по переходе Татар за Дон и в приближении их к Кубанским хищным народам, у оных Татар, для предохранения, по его кредиту и восприятой ими к нему доверенности, духов их и по таком сих орде из одной стороны в другую перемещении, с благонамеренном положении и устройстве, по крайней мере, пока они осмотрятся и привычку сделают быть и там спокойными; а буде дойдет у них между тем до избрания собственнаго Хана, как и действительно о том есть от них отзывы, и которое обстоятельство и к решимости самого Крыма поспешествовать может, то и для содействия при сем, толь знаменитом, обряде, и предостережения, чтоб сие, новое у них, начальство и к новому служило подтверждению остаться навсегда в независимости и в неразрывном с Нашею Империею союзе.

Таким образом Мы не сумневаемся, что вы помянутаго Канцелярии Советника Веселицкаго там употреблять будете, где и когда он, по ближайшему же вашему усмотрению, основанному на настоящем положении дел, с лутчею пользою быть не может.

Известной Якуб, чтоб был также в походе при вас, зависит от вас же; но в каких поступках сей человек напредь сего обращался, о том, будучи уже дано отсюда знать, как предместнику вашему, так и Генералу Маиору Щербинину, остается, чтоб и вы, по его коварному нраву и подозрительному состоянию, допускали его к делам со всею возможною осторожностью и примечание за ним во всякое время продолжалось.

На подарки, по встречающимися вам случаям, а особливо по ожидаемой с Крымцами негоциации, имеете вы взять из находящихся в Татарской Коммисии вещей, сколько заблагоразсудите, а и Мурз сколько вам при себе и с ними Татар иметь и на каком содержании, для употребления их по оной де негоциации и по другим могущим случиться надобностям, собственно вам же распорядить поручается.

В протчем Мы пребываем к вам Нашею Императорскою

милостию благосклонны. Дань в Царском Селе 10 го Маия, 1771-го года.

Подлинной подписан собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: Екатерина.

Божиею милостью Мы, Екатерина Вторая, императрица Самодержица Всероссийская, и протчая, и протчая, и протчая.

Нашему Генералу Аншефу Князю Долгорукову.

Разсмотрев Мы ваши представления, содержащияся в полученных от вам до ныне реляциях, из которых последния были от 9 Августа, в деле негоциации с Крымцами, под благоуспешным действием нашего оружия, предводительству вашему вверенаго, начатой и продолжаемой, Всемилостивей апробируем, как все меры, вами употребленныя, так и данные ответы на запросы Крымскаго начальства, присовокупляя к тому следующия наставлении к дальнейшему вашему руководствованию:

Когда, после скоропостижнаго побега Селим-Гирей-Хана, Крымские начальники избрать не умедлили и новаго Хана в лице Сагиб, Гирея, а в Калги брат его, Шагин-Гирея, и в Нурадины племянника их, Батырь-Гирея, с представленным вам, с стороны оных Начальников, и ручательством за всех сих Султанов, которые, учиненною пред обществом присягою, вовсе отказались уде от Порты Оттоманской, то и остается нам Такое избрание за благо принять, в показание Татарам, что, соглашаясь во всем на из желания, тем самым подаем им опыты безсумнительныя, сколь Мы склонны находимся доставить им совершению во всем независимость.

В следствие сего имеете вы от себя, но Нашим имянем и повелением, сделать о том пристойные отзывы, как Хану, так и всему начальству, дозволяя ему и действительно вступить в правление Крымскаго полуострова, со всеми, свойственными и прежними обыкновениями утвержденными, правами и преимуществами, после того как он подпишет акт своего отрицания пред своим народом от Порты, со обязательством никогда и ни при каких обстоятельствах оной не подчиняться, но навсегда пребывать в дружбе и союзе с Нашею Империею, и препоручить вам, как сей акт, так и нарочных для отправления ко Двору Нашему, с формальным и непосредственным чрез особливую грамоту, в которую и содержание онаго акта внесено быть имеет, возвещением о своем на Ханство избрании и испрашиванием Нашего покровительства, и которая навсегда здесь и останется залогом его обязательства, но акт, с его посланниками, возвратится назад для хранения в Крымском архиве.

Симферополь Памятник Екатерине II

Мы хотя и ожидаем, что в сию коммисию, по учиненному от вас требованию, употреблен будет один из выше означенных двух Султанов, избранных в первейшия по Хане полуострова Крымскаго начальники, но ежели бы между тем каким либо существенныя, по состоянию тамошних дел и правительства, оказались препятствия в том дальнем их отлучении, тогда можно будет удовольствоваться кем либо и другим их Ханских же родственником, а по нужде и из Крымцов знатнейшим, чтоб сего отправления на долго не остановить.

Точное с стороны Нашей подтверждение Хана в сем достоинстве предоставляется с некоторыми обрядами учинить по отпуске отсюда присылаемых от него, и о чем вы и его уведомите, но Калгу и Нурадина Солтанов в сих, препорученных им от Крымскаго общества, начальствах, вы ныне же подтвердить можете, сделав им пристойные, по вашему разсуждению, подарки из имеющихся у вас казенных вещей, равно как и Хану, но от имяни вашего ж, при случае дозволяемаго ему в правительство

вступления.

Содержание в Крыму Повереннаго в делах есть такой пост, которой, по связи, с тамошним Ханом наступающей, коль необходим, толь и важен, по существу и пространству соединенной с тем должности, нацию и приобучение к тому Хана учинится определением к нему от вас одного Штаб-Офицера, как вы о том уже ему предложить и не оставили, а при отлучении вашем из Крыма Препоручается вам акредитовать при нем на первой случай от себя Канцелярии Советника Веселицкаго, как приобретшего кредит в Татарских народах и в делах их сведение, и сперва исправиться всем нужным, да и остаться и жить там с пристойностию и без затруднительства в отправлении своего звания, и у чему вы его и надлежащими також-де наставлениями снабдите, придавая и людей таких, в которых была б надобность, а по получаемому здесь о всем том от вас представлению, Мы и утвердительно положения сделать не оставим, акредитуя его уже и от Нашего имяни, по постановлении здесь с Крымскими посланниками договора и обратном их отпуске.

По продолжающемуся с Крымской стороны предъявлению о принадлежности всех, в их полуострове собираемых, доходов без изъятия Хану и в пользу тамошняго общества Наше соизволение такое:

Хотя из настоящих обстоятельств Крыма и известно уже тамошним начальникам и всем вообще жителям в разсуждении их Нашего предмета, не только производится достаточное извинение, но и совершенное оправдание старанию их в том, чтоб снискать для своего отечества и в обществе и в частности пользы всевозможныя, и с посторонним участвованием меньше сопряженныя, но как из реляций ваших между другим здесь усмотрено, что в Кефе, где преимущественной торг пред другими Крымскими местами отправляется, все пошлины, и сверх того, и еще разные сборы вступали в казну Салтанскую, кроме небольших из того расходов для Хана и тамошних знатных, то, по крайней мере, во время войны и пока независимость Крымская признана не будет и со стороны Порты, Мы и могли б, по военному праву принадлежавшие ей доходы как неприятельские, употреблять на защищение того ж самого Крымскаго полуострова, но, не смотря, однако ж, на сие, Мы оное право, коль скоро заключен будет с, присылаемыми сюда от Хана и от всего начальства, посланниками договор о их независимости, в пользу Хана и тамошняго общества оставить весьма склонны, и о чем вы и предварительно надежду подать им можете, стараясь между тем в подлинность осведомиться и Нам донесть о образе собирания сего полуострова доходов, и о бывшем их употреблении, с точным

означением тех, кои принадлежали Порте.

Но нужно, еще дать вам знать, равным образом здесь же, с подробностию о Нашей воле и относительно занятых вами гарнизонами крепостей, и какое Мы впредь в Крымском полуострове основание, и для чего, иметь желаем, дабы вы не только, по отзывам тамошним, могли с точностию ваши ответы располагать, но и старания ваши, начав, совершить, еще прежде вашего из Крыма отлучения.

Пока продолжается с Портою война, безспорно и всякому и из Крымских уроженцев может быть чувствительно понятно, что чем больше Нашими войсками занято в Крыму укрепленных мест, особливо по берегам, тем безпечнее и безопаснее они от покушений Турецких; но содержание всех оных по заключении мира было б для нас излишно тягостно и таково ж убыточно, надеясь Мы, как и в данном предместнику вашему, Генералу Аншефу, Графу Панину рескрипте, от 2-го Апреля, 1770-го года, изъяснена уже система, которой Мы следуем, в разсуждении Крымскаго полуострова и всех Татарских орд, непрерывную границам Наших безопасность утвердить от хищных народов, отторжением их от Порты, что уже действительно и воспоследовало, а установление на Черном море кораблеплавания, совокупляя с тем и предупреждение Турецких во всякое время на Крым десантов, снискать получением свободнаго прохода из Азовскаго моря в Черное и одной гавани на Черном для содержания всегда в готовности Нашей флотилии, к опорствованию Турецким войскам. А чтоб и такое навсегда продолжающееся некоторых Крымских мест занятие тамошним начальниками и всем жителям показалось существенно же необходимым к собственному их благоденствию и безмятежному жизни продолжению, удостоверение их в том и требует с стороны вашей подвига, по обыкновенному Татарским народам небрежению, размышлять о будущих приключениях, а излишному только уважению текущих еще происхождений без всякаго дальновиднаго отношения.

Мы, при настоящем положении Наших с Татарскими народами дел, а особливо с Крымскими жителями, и умножающейся их между тем к Нашей Империи привязанности, весьма удалены допустить их к непосредственному трактованию с Портою, о признании их в при обретенной Нашей им независимости, с отступлением бывшаго на них права ея, а все то собственному Нашему попечению присвоиваем; но, для облегчения употребляемых в том стараний, весьма желательно и полезно быть имеет, чтоб ныне же заблаговремянно с Крымцами условие посредством вашим состоялось и утвердилось, как об

оставлении в здешних руках помянутаго прохода и защищающей его крепости, Еникале, с Крымской стороны, так и еще укрепленнаго порта для флотилии на Черном море, с потребными к обоим местам выгонами, а имянно делаем Кафу, естьли лутче и ближе ея нет.

Мы вам по тому здесь и объявляем, что за верх вашей к Нам и к Нашей Империи услуги сочтем, если вы разумным вашим, в настоящую вашу в Крыме бытность, обращением и управлением расположите духи Татарския к тому, чтоб они как бы сами собою достигли до познания нужды в такой уступке, для собственнаго своего спокойствия, безопасноси и безвредности, и сами ж о том нас и просить подвигались. Равным образом усматривая Мы из реляций ваших, что, кроме Кефинскаго пристанища и другия удобныя в открытое море находятся, с удовольствием и к особливому также благоволению Нашему приимем употребляемое вами старание, прежде нежели вы из Крыма ж возвратитесь, и все оныя, кроме того, которой, по усмотрению вашему, предпочтительно пред другими навсегда занять быть может Нашими войсками «общими вашими с Татарами силами испортить и для больших судов сделать невместными и непроходными, изъясняя Татарам, чтоб они и на то также доброю волею склонились, опасность для них же от нечаянных на их полуостров покушений, а их непривычку к сохранению каких либо укреплений.

Здесь в подлинность неизвестно, по колику занятой вами и на Кубанской стороне город Тамань проливом из Азовскаго в Черное море владеть, или независимо онаго сим проходом пользоваться можно, в первом случае, конечно, необходимо, и впредь такое занятие сохранять, вмещая оное и в условие с Крымцами, но в последнем, в минование излишняго войск употребления, кажется, лутче оставить, равно как нет нужды о покорении и протчих, на Кубанском кряжу лежащих, городков мыслить, по тому что содержание сих небольших и маловажных мест, может стать дорого в разсуждении потери людей; находясь оныя в самом ближайшем соседстве от горских народов, хотя некоторых из них и не подданных Турецких, но собственною склонностию к разбоям и злодействам стремящихся, чему Абазинцы под Таманем и пример уже показали, не смотря что ни малейшею Турецкому Двору должности о не обязаны, а утверждение Крыма в независимости и помянутыя Кубанския городки и все тамошние народы сообразными оному сделает, тем больше, что ныне, по переходе в их соседство на Кубанскую же сторону Нагайских орд, от Порты также отторгшихся, подобныя мысли Кубанцы и от них почерпать будут, видя и живущих в близости себя Кабардинцов,

кои, бывшими до ныне колебленностями их блазнили к Нашей же Империи, после учиненных срез Генерала Маиора Медема поисков, присовокупленными.

Между тем из начальников оных Нагайских орд, главнейший Эдисанский, Джан-Мамбет-Бей, как заслуживает особливое с стороны Нашей призрение, по данному от него первому поводу к тому, что все Татара, одни по других, в Наши вступили виды; то вы отличным образом и потщитесь настоящему Хану Крымскому рекомендовать сего благонамереннаго старика, чтоб, как от Хана, так и от всего Крымскаго начальства, и после того как Нагайския орды с Крымом на избрание Ханское согласятся и власть его признают, всегда, однако ж, к нему, Джан-Мамбету, предпочтительное пред другими уважение сохранилось.

Здесь же прилагается копия с отправленнаго ныне рескрипта и к Генералу Маиору Щербинину для вашего сведения о тех наставлениях, коими непосредственно снабден и он от Нас в разсуждение орд Нагайских, но по настоящим Крымскаго же полуострова обстоятельствам.

Что касается до живущих между Кубанскими народами Некрасовских Казаков, оные хотя по испрошенному у вас Крымским правительством дозволению и могут оставлены быть в их местах, но сие, однако же, не будет препятствовать употреблению независимых от Крымцов способов к добровольному их увещанию возвратиться в отечество, о чем надлежащее попечение и можете вы препоручить Генералу, который после вас останется в Крыму начальствующим, чтоб хотя начало сделалось чрез преклонение нескольких из них семей к такому выходу.

В прочем Мы с совершенным удовольствием приемлем, что вы, при все вашем упражнении, не преминули достаточного старания употребить и к избавлению из плена и неволи Наших подданных. Сия есть новая и для Нас довольно убедительная причина к изъявлению особливаго Нашего Монаршего вам благоволения, а по вас и всем, под вашим предводительством находящимся, которые, по засвидетельствованию вашему, участвуя в заботе о сих злощастных и сожаления достойных людях, пособствуют вам к их пропитанию. Дан в Санктпетербурге 27-го августа, 1771-го года.

Подлинная подписана собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: Екатерина.

Форма Манифеста.

Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссийской, моей Всемилостивейшей Государыни, Генерал Аншеф и Кавалер,

второю Российскою армиею предводительствующий, Князь Василей Долгоруков, по силе даннаго мне от Ея Императорскаго Величества Высочайшаго повеления, объявляю:

Вступление в Крым второй армии Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссийской, Всемилостивейшее моему предводительству вверенной, в таком намерении предпримлется, чтоб, при благословении Божием, распространяя повсюду успехи справедливаго Ея Императорскаго Величества оружия против вероломнаго неприятеля, и сей полуостров, силою и коварством его порабощенный, избавит от несвойственнаго ига, и для того исторгнуть из рук Турецких находящиямя там крепости. Природные Крымские обитатели, которые, вопреки существенной отечества своего пользы, будут иногда помогать неприязненным Турецким войскам соединением ли с ними и по них поборствованием и доставлением каких либо удобностей, или же хотя б токмо единомысленными и согласными с неприятелем оказались, имеют равным образом праву войны подвержены быть, с употреблением и против их и принадлежащих им жилищи всякаго имущества огня и меча. Но как Эдисанская, Буджацкая, Эдишкульская и Джамбуйлуцкая орды, по натуральному человечества праву, отреклись уже от Турецкаго подданства, утвердились между собой клятвою состоять и жить независимым ни от кого народом, под управлением своих собственных древних обычаев и законов, и с тем вступили со Всероссийскою Империею в вечный союз и дружбу, а сим же самым приобрели и Ея Императорскаго величества, моей Всемилостивейшей Государыни, сильное и надежное покровительство, к своей и потомства своего безопасности и благоденствию, то и Крымцы, кои, видя пример, от однородных и одноверных их собратий поданной, возвратятся также к природной своей вольности и навсегда похотят в соединении с ними остаться независимыми ни от какой посторонней Державы и власти, с своим собственным верховным начальством, будут подкреплены ж и защищены в таком, толь древнему народу свойственном, предприятии, и всякое им к тому пособие окажется.

В следствие того я вообще Крымскаго полуострова жителей, какого бы они звания и состояния ни были, срез сие увещеваю, неприятельских поступков против состоящей под моим покровительством Ея Императорскаго Величества армии удержаться, но к оной, как действующей в их пользу и для их избавления, и свои силы присовокупить, а между тем благонамеренным из них, и прямо к своему отечеству усердным, а по тому цену сего призыва уважающим, дозволяется без всякаго

опасения ко мне являться, с которыми и ближайшия изъяснения учинены быть могут, да и самыя постановления о их свободности и независимости, равно как с выше помянутыми Татарскими ордами действительно уже в том чрез предместника моего, Главнокомандовавшаго прошедшею компаниею), Генерала Графа Панина, соглашенось, чем они на всегда и избавились от подлаго рабства, в каком от Порты Оттоманской содержаны были, но от котораго еще Крымский полуостров угнетается, достойный, однакоже, быть, по своему положению и избытку в средствах, областию почтительною и собственное собою правимою. Дано в главной квартире 1771-го года.

Князь Василий Михайлович.

Апробовав отправленным к вам от 19 Маия рескриптом предприятой вами по реляции поход к Каменному Затону, Мы не оставили вам в том же рескрипте приметить, что Мы сумневались, чтоб Турки могли ныне перевезть в Крым потребное число войск, для возвращения себе сего полуострова. Теперь же получа реляции ваши, под j 15 и 16, Мы почли за нужно еще с вами изъясниться. Мы имеем в Крыму войска, за всею потерею в бывшую там язву, еще довольное число. В прибавление к тому находится теперь в марше резервный корпус, и Генерал-Маиор Зорин с деташементом, как вы реляции сюда доносите. И так, чтоб быть в состоянии изгнать нам оттуда, надобно неприятелю прислать армию, по крайней мере, в пятидесяти тысячах, и та бы еще одна страшна ли была. Но где может он взять потребное число судов для перевоза такого числа и всего им нужнаго? Положим, что неприятель намерен учинить одно покушение, или только нас встревожить; но и для сего надобно ему перевезть туда тысячь хотя десяток, да и на татар им надеяться также нельзя, как и нам. Да и хотя бы и удалось ему перевезть в тот полуостров сие последнее число войска, что также не без труда будет, в разсуждении на то потребных судов: то могут ли они, однако ж, стать противу Наших, там находящихся и всегда побеждать привыкших? Мы почти думать не можем при том, чтоб Порта Помышляла сделать сию попытку в такое время, когда уже высланные с обеих сторон комисары постановили теперь, может быть, перемирие, и когда отправленные на конгресс Полномочные, вероятно, прибыли в главныя обеих армии квартиры. Соображая все сие, вы ощутительно найдете, что нет ввереннным вам войскам никакой, или весьма малая от неприятеля опасность, и что находящиеся в Крыму и у Перекопа корпусы оных довольно достаточны не только воздержать ветренность Татар, но отражать настоящее между Татар

колебание произошло, может быть, и от безвременнаго и неумереннаго у них о уступке городов настояния. Предпишите еще Нашему Поверенному в делах Веселицкому, чтоб он оставил сие в молчании до прибытия туда Нашего полномочнаго, Господина Щербинина. Он имеет довольная к руководству своему по сему наставления. Мы надеемся, что такое объяснение Наших собственных мыслей успокоит вас от заботы и приведет в состояние согласовать ваши поступки с настоящим положением дел, и пребываем вам благосклонны.

К сему собственною Ея Императорскаго Величества рукою прибавлено тако:

Сие письмо я подписала после чтения сего дня полученной от вас реляции, от 23 Маия, из которой усмотрела покушения Турецкия у Бельбека и у Ялты, что самым делом подтверждают мною выше писанную догадку.

2 Июня 1772 года.

Божиею милостию Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская, и протчая, и протчая, и протчая.

Нашему Генералу Аншефу Князю Долгорукову.

Мы не оставили принять в достойное уважение представления вашего, от 20 Декабря минувшаго года, о предупреждении распространяющагося старанием и происками неприятельскими разврата в Татарских народах, на Кубанской стороне находящихся, употреблением на подарки их начальникам некоторой суммы денег, дабы таким образом могли сии легкомысленныя и на зло поползновенныя толпы остаться и впредь вне всякаго в пользу неприятельскаго действия, получа новые и корыстолюбию их ласкающия побуждения, к сохранению постановленнаго с Нашею Империей союза, и освобождения уже и вас от разделения сил ваших в такое время, когда оныя наипаче потребно вам будет иметь в совокуплении, для толь лутчаго и действительнейшаго производства военных операций будущей кампании.

Из приложенной при сем копии с отправленнаго ныне рескрипта Нашего к Генералу Порутчику Щербинину, усмотрите вы по всей подробности, что Мы, повелев ему действительно искать Татарских начальников закупать дачами и подарками, убеждающими их, по своей цене, пренебрещи сделанныя им с Турецкой стороны прельщения, употребляя на то из казны Нашей до тридцати тысячь рублев, сею принятою Нами, по поводу представления вашего резолюциею, и Отдаем совершенную справедливость и похвалу предусмотрительной вашей заботе, в виде толь нужном и полезном.

Между тем, судя по известной татар к прибыткам алчности, хотя и можно ожидать с основанием, что, будучи от Нас удовольствованы сверх времяни надежду к подобным снабдениям, меньше будут они поползновенными к содействию неприятелю, но со всем тем, как с другой стороны предупреждения Веры а привычки всего сильнее, а Татара, кроме того, что внутреннее их к Туркам, однозаконцам, доброжелательство для Нашей стороны не может быть и никогда несумнительно, колико уже и по одному своему легкомыслию к злодействам поползновенны и удобьпреклонны, нет нужды здесь изъяснять, как о деле весьма известном; по тому осторожность и благоразумие требуют, чтоб не только неослабное за их поступками продолжалось бдение, но чтоб и такия взору и примечанию их оказательства представлялись иногда, по коим бы они удостоверены быть могли о возможности и избытке способов и к отмщению, за их неверность и противное поведение.

Мы и находимся в полной надежде к изведанной и многократными случаями подтвержденной ревности вашей к службе Нашей и отечества, и к свойственной вас и вашему званию прозорливости и попечению, что вы, употребляя вверенныя вам силы там, где иногда больше будет нужно и полезно, всегда однако ж, и на Татар, на Кубанской стороне живущих, внимательно назирать не оставите, как и по месту своего пребывания под вашею стражею, что до воинских действий качается быть долженствующих, по чему и все такия распоряжении предприймать будете, при обстоятельства требовать того могущих, кои бы, без ослабления нужнейших мест, и сих Татар такожде в спокойном положении удержать могли, будучи, без сумнения, вам не безъизвестно по собственным испытаниям, состояние сих народов тогда больше продерзких, когда не видят никакого страха, и, напротив того, унылых и боязливых, когда того начинают ощущать некоторый против себя приготовления, следовательно, и одни уже, к стати и ко времяни чинимые, движении некоторою небольшею войск частию небесполезны быть имеют, чтоб их занять и дать им заботливое упражнение там, где теперь находятся, не думая о сообщении своем с неприятелем, и в чем во всем, как и выше сказано, совершенно полагаемся Мы на ваше к Нам и к службе Нашей усердие, и искуство ваше и расторопность в делах воинских, пребывая в протчем Нашею Императорскою милостию к вам благосклонны. Дан в Санктпетербурге, 27 Генваря, 1774 г.

Подлинной собственной Ея Императорскаго Величества рукою тако: Екатерина.

Божиею милостию Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская, и протчая, и протчая, и протчая.

Нашему Генералу Аншефу Князю Долгорукову.

Доставление живущему под Нашим покровительством в Полтаве Шагине-Гирею, Калге-Солтану Крымскому, в благонамеренности своей многократно уже испытанному, главнаго над ордами Нагайскими правления, будучи по видимому средством из лучших и надежнейших к удержанию сих легкомысленных людей и во время продолжающейся войны в положении, свойственном с пользою Нашей Империи, тем паче Нашего старания достойно, что, сверх исполнения вида толико важнаго и нужнаго, найдет и Калга-Салтан в том же самом, по состоянию и обстоятельствам своим, самое сходственнейшее воздаяние своей к Нам преданности.

Теперь, когда по содержанию реляции вашей, от 27 Генваря, и Генерала Порутчика Щербинина, от 29 того ж месяца, происки известнаго Казы-Гирей-Солтана, старавшагося, чрез Нагайскаго начальника, Джан-Мамбет-Бея, учиниться у Татар Нагайских главным правителем, окончились уже безплодно, и довольно для него безнадежным образом и на будущее время, а, напротив того, Джан-Мамбет начал Калгу-Солтана к себе призывать, и он не несклонным же с своей стороны оказался к принятию начальнической должности; то в самом деле и остается только воспользоваться всеми сими, благополучно стекашимися, удобностями к поставлению его на степени властительства, удовлетворящаго самолюбию его и здешней в разсуждении Татар заботе, всегда своевольных и всегда сумнительных, пока разными начальствами предводительствуются; по чему Мы Всемилостивейше и приемля за благо, представленныя вами, по предварительном вашем изъяснении, как и Генералом Попутчиком Щербининым, так и с самим Калгою, меры, к совершению сего намерения служить имеющия и стостящия в том, чтоб он как наискорее отправлен был к Нагайцам, чтоб получил и пособие войсками и деньгами, для устрашения одним способом злонамеренных, и приобретения другим себе доброжелательствующих, и чтоб наконец находился при нем и особливый Пристав, наблюдающий его поведение и все обращении, повелеваем вам и действительно по всем тому исполнить.

Таким образом вы, по получении сего, объявите Калге-Солтану, что Мы, по справедливому уважению известнаго Нам его благоразумия, которое достаточно было представить ему всю цену восприяных Нами подвигов в пользу народов Татарских, и убедить его предпочесть странствование из нежной и

достохвальной предосторожности, чтоб не казаться не устоявшим в своем слове и обещаниях, соизволяем и можем со всем основанием с стороны его ожидать, после сих доказательств, что он где ни будет находиться, всегда, однако же, достойным будет Нашего Монаршаго благоволения и своего звания, а в следствие того, и при восприятом им ныне намерении, чтоб переехать к Нагайцам, для начальствования над оными, может он совершенно положиться на Наше покровительство и пособие во всяком случае и потребности, при чем столь долго, сколь благонамеренным пребудет, и определенныя для бытности его в Наших границах по тысяче рублев на месяц, чтобы толь лучше пристойность своего лица и начальства Нагайцам изъявлять в состоянии находился, ему, Калге-Солтану, так же производимы быть имеют, и что прибежище ему в Нашу Империю всегда, однако ж, есть и будет отверстым.

Сие есть содержание сокращенное и следующаго здесь с копиею для вашего известия письма к нему от Нашего Министра Иностранных Дел, Графа Панина, которое, подтверждая ему ваше объявление исполнить желание его в том, чтоб виделся уведомленным быть и непосредственно от Двора Нашего, чего он действительно требовал, по доношению Генерала Поручика Щербинина, равно как чтоб отсюда ж знал дано было и Нагайским ордам о Нашем соизволении в разсуждение его с ним переезда, для чего при сем же и посылается письмо к Джан-Мамбете-Бею, и другое к Исмаил-Бею, Начальнику Эдишкульской орды, которая под особенным управлением находится, с копиями ж, сверх Русских, служащих к уведомлению вашему, и на татарском языке, для сообщения Калге-Солтану, а между те доставление и подлинных писем в их места, когда и каким образом учинено быть имеет, предоставляется общему вашему с ним и с Генералом Порутчиком Щербининым благоизволению, с таким примечанием, что хотя о письме, принадлежащем в Эдишкульскую орду, представил он, Генерал-Порутчик, только в запас и на случай могущей к тому оказаться впредь нужды, по тому что от сей орды ни какого отзыва а Калге-Солтане еще не было; но как оная ж орда от него паче всех других описывается и развращение, то в изготовленном для не я и не говорится о Калге-Солтане имянно, а советуется только, согласясь с протчими ордами, поручить общее над собою правление, по древним своим обыкновениям, для лутчаго благоустройства, особе, сего звания и доверенности достойной, на против того изъясняются уже с подробностию все те убеждении, кои долженствуют Татар во всякое время воздержать от неприязненных против Нашей Империи поползновенностей, чтоб по тому письмо оное всегда

удобно и пристойно и было к употреблению, да и ныне отправлено быть могло б, когда наипаче Татарам помянутой Эдишкульской орды напоминание их должности нужным видится, в предупреждение вящших соблазнов, а по общему вашему разсмотрению не почтится, однако же, несогласным и несовместным и одновременное в разсуждении сей орды искательство, чтоб осталась без содействия неприятелю, и чтоб и до собственнаго ея отзыва склоняема была ж и решится могла на предание себя, обще с другими ордами Нагайскими, в управление, какое у всех без изъятия видеть желается.

Мы с совершенным надеянием ожидаем, что Калга-Солтан разстанется с вами с удовольствием, и совершит весь предстоящий ему путь по употребляемым с стороны вашей распоряжениям и с возможною удобностию.

Что касается до препровождения его Нашими войсками и содержания оных при нем, вы и можете употребить к тому состоящий на Дону корпус, как на первой случай вами для сего намерения достаточным почитаемой; но ежели б когда нужда востребовала, по могущим впредь быть обстоятельствам, оной и умножить, ваше Нам довольно известное усердие к службе нашей и к пользе отечества, без сумнения, и к тому наилутчие способы вам внушить и представить.

Здесь почитаем Мы у места повторить и данное вам рескриптом Нашим, от 8 Ноября, 1773 года, повеление об очищении Таманской стороны от подосланных Портою Оттоманскою развратников, полагая, что войска Наши, к Калге определяемыя, иногда в близости тамошних мест находиться могут, и число их, по вашему разсмотрению, достаточно будет к произведению сего намерения, в каком случае вы и не оставите надлежащих с стороны вашей сделать распоряжений, а инако чтоб ничего на удачу не придприять к вящему злонамеренных ободрению, будете ожидать впредь уже открывающихся к тому удобностей, и такия в свое время в том меры приймите, которыя совершенно соответствовали бы в следствиях своих тому, чего ищемо быть имеет.

Состоящее в деньгах Калге-Солтану пособие, назначивая Мы до тридцати тысячь рублев, то есть, до такого числа, которое, по рескрипту Нашему, 27 Генваря сего года, имел уже держать Генерал-Порутчик Щербинин на закупление Нагайских Начальников, для отвлечения их от сложения с неприятелем, повелеваем вам, по причине учиненнаго здесь предупреждения оным Генералом Порутчиком о недостатке в порученной ему Слободской Украинской Губернии денег, и о не удобности употребления банковых ассигнаций, а нег обходимой нужде

иметь для сего серебрянную монету, взять на то из наличной в Крыме суммы с разных продаж, при занятии сего полуострова собранной.

Но что касается до образа действительнаго сих денег, на определенной для них предмет, обращения, то частию из оных снабде быть имеет Пристав при Калге-Солтане отпускаемой, а протчие отдадутся в распоряжение Генерала Порутчика Щербинина, дабы таким образом, с одной стороны, оной Пристав, по соглашению с Калгою, а не меньше и по собственному своему усмотрению, мог из того делать дачи, намерению споспешествующия, а с другой и Генерал-Порутчик Щербинин не только их обоих в нужных случаях дальнейшими снабдениями подкреплять способ имел, но, со всеми тамошними обстоятельствами соображаясь, и от себя делал же употреблении, для облегчения производимых Калгою же и его Приставом домогательств.

И как из сего видно, что Мы, при всем Калге-Солтану пособии деньгами и войсками, желаем, однако же, по самому существу сего дела и предприятия, чтоб искательство им власти над ордами Нагайскими ни малейшаго вида принуждения не имело, *но* приведено было к совершению, с соблюдением всей наружной свободности, и они поступившими казались на признание его своим начальником собственным добровольным избранием, следуя прежним своим обыкновениям, и что все весьма нужно не только для самой цели и прочности его между ими пребывания, но и в предупреждении вяшщаго волнования в Крымском Правительстве и во всех тамошних жителях, нежели в каком они когда либо по ныне быть могли, для того, отпуская вы от себя Калгу-Солтана, и потщитесь дать ему уразуметь, колико для него нужно и полезно будет удаляться от всяких мер строгих Нашим оружием, а вместо того стараться общую снискать доверенность снисходительством и пристойными изъяснениями.

В протчем Полковник Бринк, начальствующий войсками, для Калги-Солтана назначенными, и по тому уже при нем быть имеющий, с удобностию может должность Пристава исполнять, и в том также, чтоб примечать и за его поведением и ему способствовать, со всем тем надлежит до времяни остаться в Нагайских ордах и Подполковнику Стремоухову, поелику сей офицер, по договоренной своей там бытности, довольно случаев имел вникнуть в связь дел тамошних, узнать людей, кои протчими руководствуют, и Полковнику Бринку, особливо при первом случае с пользою содействовать может.

Вы, отправляя сего Полковника к поручаемой ему новой должности, не оставите дать ему надлежащего наставления,

приказав о всех тамошних произшествиях писать к вам и к Генералу Порутчику Щербинину, чтоб от вас и от него, по обоюдному в делах Нагайских орд участвованию, и дальнейшими предписаниями, по пристойности каждаго времяни, снабдеваем быть мог; а каков и к помянутому Генералу Порутчику отправлен ныне Наш рескрипт, как для того, так чтоб он и во всем, до установления главнаго над Татарами начальства в лице Калги-Солтана касающемся, соответствовал вашим стараниям, сколько с его стороны будет надобно, с того прилагается при сем же для вашего известия, и копия, и пребываем к вам Нашею Императорскаю милостию благосклонны. Дан в Санктпетербурге, 26 Февраля 1774 года.

Подлинной подписан собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: Екатерина.

Копия-с реляции Генерала Князя Долгорукова из лагеря в Крыму, при урочище Сарабузды, от 28 Июля, 1774 года.

В следствие донесения моего Вашему Императорскому Величеству, от 18 числа настоящаго месяца, предпринятом мною походе на отражение неприятеля, выгрузившаго флот и поставившаго лагерь свой при местечке Алуште, поспешал я туда, Всемилостивейшая Государыня, со всевозможною скоростию, присовокупя еще к себе пять баталионов пехоты от войск, расположенных на речке Булзыке. 22-го числа прибыл я, Всемилостивейшая Государыня, к деревне Яни-саль, в самую внутренность гор, откуда, лежащая к морю, страшною ущелиною, дорога окружена горами м лесом, а в иных местах такими пропастьми, что с трудом два только человека в ряд пройти и по крайней мере трехфунтовыя орудия везены быть могут, одни же только войски Вашего Императорскаго Величества, на собственных своих ременах, открыли ныне там путь двенадцатифунтовым новой пропорции единорогам. 23-го числа отрядил я, Всемилостивейшая Государыня, к поискам над неприятелем Генерал-Порутчика и Кавалера, Графа Мусина-Пушкина, с семью батальонами пехоты, в числе находящихся под ружьем двух тысяч осьми сот пятидесяти человек, сам же я остался с двумя баталионами пехоты и двумя конными полками прикрывать тыл его, чтоб не быть ему отрезану. Между тем Турки, отделясь от главнаго своего при Алуште лагеря, по уверению пленных, тысячах в семи, или осьми, заняли весьма твредую позицию, в четырех верстах от моря, пред деревнею Шумою, на весьма выгодном месте, с обеих сторон котораго были крутыя каменныя стремнины укреплены ретраншементами. Как скоро войски Вашего Императорскаго Величества повели на оные свою

атаку двумя каре, то встречены были жесточайшим из пушек и ружей огнем. Неприятель, пользуясь удобностию места и превосходством сил, защищался из ретраншаментов с такою упорностию, что более двух часов, когда оба каре, подаваясь вперед непроходимыми стезями, приобретали каждый шаг кровию, не умолкала с обеих сторон производимая из пушек и ружей наисильнейшая пальба. По приближении к обеим ретраншаментам, Генерал-Порутчик, Граф Мусин-Пушкин, котораго храбрость и ревностное к службе Вашего Императорскаго Величества усердие довольно Вашему Императорскому Величеству известны, приказал, приняв неприятеля, в штыки, продраться в ретраншамент, что и исполнено с левой стороны, где самое сильнейшее было сопротивление Московскаго легиона гренадерским баталионом, под собственным приводством храбраго Господина Генерал-Маиора и Кавалера Якобия, с другой же Секунд-Маиором Шипиловым, подкрепляемым от Полковника Либгольта, столь удачно, что Турки, возчувствовав сии поражении удариших в них войск Вашего Императорскаго Величества, бросились стремглав к Алуште, оставя свои батареи и будучи гонимы к обширному лагерю своему, на берегу стоящему. В сем случае Генерал-Маиор Якобий хотя командовал, Всемилостивейшая Государыня, и второю бригадою, но, по ближайшему оныя положению, будучи употреблен ко взятию ретраншамента в жесточайшем огне, поступал с отменною неустрашимостию, получил контузию, застрелена под ним лошадь и близ него убиты собственные его два человека. Господин же Генерал-Маиор Грушецкой, приближаясь с баталионом гренадер, и произведением жестокой канонады делая великой вред неприятелю, способствовал войскам, ретраншамент атакующим, скорее онаго достигнуть, когда между тем и Секунд-Маиор Преториус разбил и прогнал многочислие неприятелей из деревни Демерчи, из который удобно было оным зайти в тыл Графу Мусину-Пушкину. Числа побитаго неприятеля наверно знать не можно, поелику и в пропастях и между каменьями повержены тела их, но на месте осталось более трех сот трупов, взятых же в плен: один Байрактар и два рядовых Тюрков, четыре пушки и несколько знамен. Из числа же всего войска Вашего Императорскаго Величества убитых: Унтер-Офицеров, капралов, и разнаго звания рядовых тридцать два. Ранены: Московскаго легиона Подполковник Голенищев-Кутузов, приведший гренадерский свой баталион, из новых и молодых людей состоящий, до такого совершенства, что в деле с неприятелем превосходил оный старых солдат. Сей Штаб-Офицер получил рану пулею, которая, удариви его между

глазу и виска, вышла на пролет в том же месте на другой стороне лица; Капитаны: Николай Потемкин, Алексей Кучугов, Николай Смородин; Подпоручики: Петр Девяткин, Завалишин, Прапорщик Орловской; Унтер-Офицеров, капралов и рядовых всякаго звания сто шестьдесят три. Генералу Порутчику Графу Мусину-Пушкину повелено было от меня, Всемилостивейшая Государыня, чтоб он старался как можно завладеть постом передним у неприятелей, а далее бы отнюдь ничего не предпринимал, не доложа мне; Поелику, Всемилостивейшая Государыня, в самое то время от многих командующих постами уведомляем я был, что оные, даже и Генерал-Порутчик Князь Прозоровский, атакованы Татарами и к тяжелому моему обозу Хан с войском устремлялся, но, при сильном отпоре хранящих стражу, Татара не имели ни какого успеху в своих предприятиях. По сим обстоятельства приказал я Графу Мусину-Пушкину тотчас следовать ко мне, как он от моего лагеря был только в двадцати четырех верстах; и так сей Генерал, по прогнании неприятеля, утекшаго в неприступный его лагерь, защищаемый семью батареями, удовольствовавшись одною победою и не вдаваясь, с малочислием утомленных людей, в излишнюю отвагу, соединился со мною, не быв преследован от Турков, которые боялись выступить из своих укреплений. Донеся о том Вашему Императорскому Величеству, приемлю дерзновение повергнуть в Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоволение командовавшего сим отрядом Генерал-Порутчика Графа Мусина-Пушкина, как мужественнаго и искуснаго Генерала, и им рекомендованных господ Генерал-Маиоров Грушецкаго и Якобия, из коих первой с баталионом гренадеров, подкрепляя каре, правый неприятельский фланг атаковавшее и, подвержен будучи опасности, подавал собою пример подчиненным: о Господине же Якобии свидетельствует Граф Мусин-Пушкин, яко о виновнике победы: он храбро наступал на неприятеля и, ободряя солдат своих, хотя получил контузию, но пребыл неотлучно от своей команды. За тем же о прочих отличившихся, собрав от команд список, у сего осмеливаюсь Вашему Императорскому Величеству оный поднести, испрашивая Всемилостивейшего оным призрения.

В последней моей реляции удостоивался я Вашему Императорскому Величеству доносить о сильном неприятельском устремлении на пост Алуштенской, который, по уверению, присланнаго ко мне Господина Генерал-Маиора Кохиуса, нарочнаго, и считал я погибшим; но как отправленный оттуда Унтер-Офицер, по молодости лет своих, оробев от неприятельскаго многочислия, сделал таковое объявление, то, вопреки сего, командующий там Капитан Колычов и бывшие с

ним Офицеры, со стопятьюдесять легионными егарями, весьма храбро, не допуская неприятеля к высадке, сопротивлялся долгое время, до тех по, доколе была возможность; а коль скоро противостоять не могли, то ретировались в наилутчем порядке к деревне Янисаль, куда увезли с собою и легкия свои орудия, не смотря на совершенною трудность пути и превозможение неприятельское. Урону в сей команде, при жестоком неприятельском нападении, не было более, как убиты рядовых три, да ранены Сержант один, рядовых осмнадцать. В сем случае потеряли они весь обоз свой, низверженный в пропасти Татарами во время самаго жаркаго с Турками бою. Я за сие, а равно и оказанный в последующих сражениях отличности, наградя Капитана Колычова Секунд-Маиорским чином, выдал ему из казны Вашего Императорскаго Величества, в удовлетворение за потерянной экипаж, сто, да команды его Офицерам по пятидесяти, рублев, а за тем его с Офицерами и команды его егерей повергаю к Высочайшему Вашего Императорскаго Величества благоволению. По сделании сей ретирады, прибыл к Секунд-Маиору Колычову в сикурс Подполковник Московскаго легиона Руден с баталионом пехоты, которому и долженствовало подкрепить его тогда, когда бы еще защищал пост от неприятелей; но как он ранее поспеть не мог, то и приказал я ему дождаться вместе с егерями моего прибытия, однако он осмелился атаковать малым своим числом неприятеля весьма сильнаго, а пошедши к оному и претерпев весьма много от передоваго его посту, сделал мне затруднение тем, что и неприятеля привел в осторожность, и сам потерял убитыми рядовых шестнадцать, да ранено три Обер-Офицера, Унтер-Офицеров и рядовых девяносто девять. Таковой поступок подвергает его строгому наказанию. Но как сие предпринял он из усердия к службе Вашего Императорскаго Величества, то единственно от великодушия Вашего Императорскаго Величества и должен ожидать себе помилования. При сем случае, равно как и в первом с турками сражении, оказывали отменную храбрость егери Московскаго легиона, поражая неприятеля цельными своими выстрелами и устремляясь на него с совершенною неустрашимостию.

От Господина Генерал-Маиора Кохиуса имел я рапорт, Всемилостивейшая Государыня, от 19-го сего месяца, что неприятель, по утверждении своем при Алуште, устремился сухим путем и морем к Ялте, где храбрый Маиор и Кавалер Салтанов имел команду; поелику же присоединение к Туркам, живущим в тамошней окрестности, Татар, отняло ему все способы к ретираде, то он и предпринял защищаться до последняго

человека. Турки атаковали его в ретраншаменте не за долго пред разсветом, и самое жестокое сражение продолжалось до полдня; наконец, когда уже по зажжении у него батарей, не можно было команде его удержаться в Ялте, то сей Маиор вознамерился пробиться сквозь неприятеля, но едва только стал выходить, то и заколот. Команда же его, отверзши себе путь штыками, прибыла в Балаклаву с четырьмя Офицерами, в числе ста пятидесяти человек, и с ранеными. За тем же побито: Господин Маиор и Кавалер Салтанов, Подпорутчик Берличев, Прапорщик Батовин и Лекарь Шульц, Унтер-Офицеров, Капралов, рядовых и Казаков сто девяносто семь, таким образом, Всемилостивейшая Государыня, сей пост и претерпел от Турков, чрез способствование, от Татар им поданное.

По возвращения от Янисаля к тяжелому обозу застал я почти оный окруженный многочисленными войсками татарскими под предводительством Хана, которые пред самым прибытием моим отбиты были посланными от меня наперед четырьмя БахмутскаГО полку гусарскими и двумя Борисоглебскаго полку драгунскими эскадронами. Между тем же татара, Всемилостивейшая Государыня, сильными своими скопищами приведши в замешательство посты, затруднили мне коммуникацию, по чему мне и надлежало, Всемилостивейшая Государыня, податься к Перекопу, где и кровопролитныя струи потечь были должны. Но в самое то время, когда выступать я к бою, от Графа Петра Александровича присланы ко мне два везирскив Чегодаря, следующие один в Грузию, а другой к Паше Гаджи-Али-Бею, с объявлением о постановленном мире, с коим и Хан своих Мурз ко мне прислал, но только отправленный с сею депешею курьером Капитан, убоясь татарских толп, другой уже день ко мне не доехал, так я его и ожидаю.

Копия с реляции Генерала Князя Долгорукова из лагеря при урочище Сарабузы, от 3-го Августа, 1774 года.

По отправлении всеподданнейшей моей Вашему Императорскому Величеству, от 28-го числа минувшаго месяца, реляции, вскоре прибыл ожиданный мною от Предводителя первой армии, Господина Генерал-Фельдмаршала, Графа Петра Александровича Румянцова, курьер с радостным известием о заключении вечнаго между Империею Вашего Императорскаго Величества и Портою Оттоманскою мира. Я, в следствие того прекратя здесь все военныя действия как с Турками, так и с Татарами, по сделанному ко мне от Хана Крымскаго отзыву, приступлю, Всемилостивейшая Государыня, к удовлетворению присланных ко мне от Графа Петра Александровича двенадцати

артикулов, исполнению моему принадлежащих, и как должен я, во первых уведомить Хана о том высочайшем благе, которое восприял он от великодушнаго Вашего Императорскаго Величества призрения приобретением вольности и независимости себе и всему Крымскому народу, то и требовал я, Всемилостивейшая Государыня, о присылке ко мне, пребывающаго в Бакчисарае, Вашего Императорскаго Величества Резидента, Статскаго Советника Веселицкаго, о котором несколько дней сряду не имел я известия, но Хан пребыл о нем в молчании, не ответствуя ничего на мое письмо, а услышал я, Всемилостивейшая Государыня, чрез конфидентов, что его в Бакчисарае нет, а одна только его там фамилия. Я не оставил и еще к Хану писать, объявя ему истинное Татар благоденствие, в независимости ни от какой земной власти Крымскаго народа, и о умножении сея области пределов присовокуплением к оной Тамана и Кубанских земель, а по тому и повторил требование мое о Господине Веселицком, который бы представил ему, приняв от меня все, касающияся до татарскаго народа, предположении. В случае же отсутствия Резидента, просил я прислать ко мне двух знатнейших из Дивана членов, для удостоверения чрез них всего Крыма о том мирном постановлении, по силе котораго доставляется ему на вечныя времена спокойствие и благоденствие. Офицер, от меня посланной, нашедши Хана в лагере на реке Алме, в двадцати от меня верстах, привез от него ответное письмо, уведомляющее, что посланы во все четыре стороны нарочные для немедленнаго созвания всех почтенных старшин и знаменитых начальников к Хану на совет, на котором, что положено будет, обещает чрез чиновных людей меня уведомить, дая при том знать, что фамилия Господина Веселицкаго находится благополучно.

Между тем высадившийся при Алуште Сераскир-Паша, Гаджи-Али-Бей, и Капитан-Паша, Мегмед, флотом Турецким командующий, по прибытии к ним отправленнаго от меня Везирскаго Чегодаря с повелениями о прекращении войны, прислали ко мне первейших по себе чиновников с поздравлениями о мире, уведомляя, что они в силу полученных фирманов, пресекли военныя действия, и прося о равномерной с моей стороны поступи, в чем я сих Пашей и удостоверил. В бытность у меня тех чиновников, одаря присланнаго от Гаджи-Али-Бея, уведомился я чрез него, что Господин Веселицкой находится у сего Паши, будучи ему предан от Хана, и что намерены были послать его в Царьград, но по прибытии в самое то время Везирскаго Чегодаря с фирманом о мире, остановилось его отправление. Я почел за нужно писать к Гаджи-Али-Бею об

увольнении Резидента, приложа к его убеждению, из присланных ко мне от Графа Петра Александровича договоров, артикул содержащий в себе постановление о взаимном отпуске в свое отечество обеих Держав подданных, каким бы они образом в противную сторону не попались. По чему сей Паша, чрез присланнаго Татарина прежде, и обещал его возвратить, но потом доставил ко мне одного только, бывшаго с ним, Секретаря Дементьева, с тем объявлением, что он донес уже о Порте о взятии Резидента, И так не получа от оныя предписания о постановленных мирных артикулах, не осмеливается он приступить к освобождению его, обещая, в протчем, содержать его как гостя, чем и должны были кончиться мои требовании.

О Хане и Правительстве Крымском Вашему императорскому Величеству осмеливаюсь доложить, что первейшая особа весьма слабаго разума, не имея не только искуства в правлении, но ниже знает грамоте; по нем же управляющие суть самые враги Державе Вашего Императорскаго Величества, о которых смело сказать могу, что они, вместо обрадования об оказанном над ними Высочайшем Вашего Императорского Величества милосердии, приведением области Крымской в вольное и независимое состояние, всеконечно о том соболезнуют. По безчувственности же сего варварскаго народа, наверное я заключаю, что, ни мало не уважая оказаннаго над ними Высочайшего благодеяния, охотно возжелают они поработить себя Порте Оттоманской, и не преминут спорить о принадлежащих по трактату к Державе вашего Императорскаго Величества городах Керче и Ениколе. До меня доходят еще известия, что Гаджи-Али-Бей Паша ведет с ними переписку, и как удобно может он подавать сим вероломцам великое спомоществование к пользе интересов Порты, то и приемлю я смелость испрашивать Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повеления, что мне в сем случае делать, и что предпринимать при таковых обстоятельствах, которыя удерживают меня в нерешительности во многом нужном по содержанию мирных артикулов исполнений? Я просил Графа Петра Александровича приложить старание о скорейшем отзыве флота от Крымских берегов, с отплытием котораго пресеклись бы и все коварства области Крымской, но только не знаю скоро ли сие исполнится; а до тех пор не надеюсь я, Всемилостивейшая Государыня, чтоб Татара изъявили признание свое за оказанныя им Высочайшия Вашего Императорскаго Величества милости. Я же, Всемилостивейшая Государыня, видя их грубости, за должность однако, считаю обходиться с ними с мягкостию, не оказывая им никакого своего неудовольствия.

По короткости времяни не могу я Вашему Императорскому Величеству достоверно донести, сколький последовал урон в людях из войск Вашего Императорскаго Величества при бывших, во время нападения Татар на малые команды, сражениях. По собрании же о том рапортов не премину я Вашему Императорскому Величеству обстоятельно о том доложить. Сим варварам удалось особливо побить Казаков на некоторых постах, не успевших присоединиться к ближним командам, более же всех претерпели Украинские погонщики, по подряду возившие провиант в Крымские магазейны. Я считаю, что сих несчастных людей весьма много побито, однако отнюдь не свыше тысячи человек. Из Татар же естли не в пятеро, то, конечно, в четыре раза более истреблено.

Заготовя в Крыму на целой год пропитания войскам, долженствующим, по теперешним обстоятельствам, выступить из сего полуострова, осмеливаюсь Вашего Императорскаго Величества испросить повеления, куда сей провиант обратить поведено будет. Сообразуясь с нынешним положением дел считаю я, что Арбатской магазейн нужен к снабжению Ениколя и Керчи, и что приуготовленной мною провиянт в Олешках может поступить к заведению магазина в Кинбурне; но количество превосходное пропитания, во всех протчих местах состоящего, куда употребить, имею ожидать Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества предписания, а везти его назад нигде ни за какую цену подвод нанять не возможно. Сей провиянт свозится наймом в три главные магазина: Перекоп, Козлов и Салгирской ретраншамент. И так ежели на сие не удостоюсь получить Высочайшаго соизволения, то должным себя найду условиться С Ханом об оставлении при провиянте пристойных команд до будущаго года, и думаю, что Хан на то согласится; или не разсудится ли из Козлова и других мест перевозить к одному Перекопу? Я так же, Всемилостивейшая Государыня, не в состоянии поднять с собою всех запасов из крепости Перекопской, как то пороху и аммуниции, в изобилии там заготовленных, и всеподданнейше испрашиваю, не повелено ли будет пушки Перекопския медныя разрывать и отправить в границы, а чугунныя, заклепавши, или без всякаго повреждения, отдать Татарам, о чем и буду я ожидать Высочайшаго повеления, поелику о Перекопе ничего не сказано между протчими артикулами. Больных при армии моего предводительства число немалое, в доставлении коих в границы тем более мне затруднения, что в нынешнее лето от жаров весьма великой воследовал упадок в скоте под запасными повозками, коих то потому весьма сделалось недостаточно.

Как по силе утвержденнаго мира, владение Кинбурном принадлежит Высочайшей Вашего Императорскаго Величества власти, то на сих днях к Очаковскому Трехбунчужному Паше я, отписав, требовал, в силу трактата, о назначении комисаров к отдаче той крепости, а с моей стороны искусный инженерный Офицер уже отправлен, для принятия оныя, с принадлежащими к ней землями.

При окончании сего, Всемилостивейшая Государыня, получил я от Бригадира Бринка репорт о производимых им действиях на Кубани, о коих я прежде, по благополучному оных течению, умалчивал. Он, преклоня живущие на Кубани народы под власть Калги-Солтана, и прогнав в горы противящихся Темиргойцов отряженным под командою Подполковника Бухвостова деташаментом, достиг до того, что требует моего дозволения о штурмовании Темрюка, но я, по получении от Графа Петра Александровича известия о мире, предписал ему пресечь все военныя действия и соединять свои разделенныя части на правом берегу реки Кубани, содержа, однако, сие в тайне до времяни.

Копия с реляции Генерала Князя Долгорукова из лагеря при урочище Сарабузы, от 5-го Августа, 1774 года.

Сейчас получил я, Всемилостивейшая Государыня, от Воронежскаго Губернатора, Генерал-Порутчи-ка и Кавалера Шетнева, уведомление, по сообщению к нему Губернатора Казанскаго, Генерал-Аншефа и Кавалера Бранта, что известный изменник и бунтовщик Пугачев пришел к Казани и, по обширности сего города по малости воинских команд, удалось ему сделать великое там раззорение позжением всего почти вне крепости селения, убийством многих граждан и граблением имения их, и хотя прибывшим туда с деташаментом Подполковником Михельсоном три раза он разбит бы и понес урон величайший, но за всем тем сей преступник начал перебираться, в семидесяти верстах выше Свияжска, чрез Волгу, и как преследующия его войска, скорыми маршами утомленныя, сколь его ни поражают, не могут, однако, совсем истребить. Господин же Шетнев к противостоянию злодею, ко опровержденію предприятий его, естьли б он к Воронежу, или к Дону, покусился, и к сохранению знатной суммы денежной казны, не имея ни войска, Ниже укрепленных мест, требует моего наставления и помощи: то, по важности сих известий, особливо в теперешнем случае, когда уже, в следствие заключеннаго с Портою Оттоманскою мира, Крымскому полуострову от войск Вашего Императорскаго Величества очищену быть должно, осмелился я, Всемилостивейшая Государыня, отправить от армии

моего предводительства к Черкаску два карабинерные полка, Три эскадрона драгун Астраханскаго полку и четырмя пушками, и десять эскадронов гусар, приказав им на Дону взять расположение свое. В случае же приближения к той стороне злодеев устремлясь противу их, Поражать и истреблять сих извергов рода человеческаго. Я отрядил и к Бахмуту, Всемилостивейшая Государыня, Ряжской пехотной полк, с придачею к оному, сверх полковых пушек, шести полевых орудий, да их войск, содержащих стражу пред (Знаковым, велел я пяти ротам пехоты с пятью оружиями артиллерии, и пяти гусарским эскадронам, следовать в Полтаву, на дальнейшее, куда б обстоятельства востребовали их, употребление. К доставлению же безопасности Воронежу, приказал я как наискорее собрать по Украине линии, в состоящих там двуротных пехотных полков командах, по пяти сот, или до четырех сот, человек, и отправить их при одном Штаб-Офицере в тот город. Пребывающему за Доном с деташаментом, Генерал-Маиору Князю Багратиону, предложил я, Всемилостивейшая Государыня, перейти сию реку и обратить все внимание к Донским станицам, не попуская, чтоб сей злодей мог начать каковыя либо в том краю предприятия, а Господину Бригадиру Бринку подтвердил я, чтоб он, как наискорее приводя в порядок дела Нагайския, соединением преклонившихся из разврату Нагайцов с добронамеренными, отделил бы равномерно и от себя достаточное число войск, не давая узнать тамошним народам причины их откамандирования, коим и следовать с поспешением к Дону. Я же решился, Всемилостивейшая Государыня, Господину Бринку предписать, чтоб он, уведомя Калгу-Солтана о заключенном мире и о постановленной независимости и вольности Крыма, объявил в таком случае, что отверсты ему границы Империи Вашего Императорскаго Величества, в коих везде может он пользоваться Высочайшим Вашего Императорскаго Величества покровительством.

Все отряженныя к Дону, Бахмуту и Полтаве, противу злодея Пугачева, воски препоручил я, Всемилостивейшая Государыня, в команду Господина Генерал-Порутчика и Кавалера, Графа Мусина-Пушкина, дав о том знать и Губернатору Воронежскому срез нарочнаго курьера, чтоб он имел сношение с сим Генералом и уведомлял его об изменнике Пугачеве, к предприятию потребных мер, ради его низложения. Генералу Порутчику Графу Мусину-Пушкину, по возложенной на него экспедиции, предписано от меня прямо доносить в Государственную Военную Коллегию, репортуя о том и ко мне, а от Воронежскаго Губернатора требовал я о доставлении ко мне доходящих к нему

о злодее Пугачеве известий, дабы, по уведомлениям сих Генералов, брал я мои меры и усиливал в тот краю войски. По получении ж Высочайшаго соизволения о выступлении армии из Крыму, мог бы я и более туда оных подвинуть к местам нужным. Присутствственное командование Графу Мусину-Пушкину предоставил я, Всемилостивейшая Государыня, над тою частию войск, ему порученных, которая скорее достигнуть может назначенной позиции, учреждая по том пребывание свое по встречающимся обстоятельствам и усматриваемому изменника Пугачева преднамерению. Я же надеюсь, что отсюда отправленный войски не более, как чрез двадцать четыре дни, к повеленным им местам прибыть должны.

Донеся Вашему императорскому Величеству о всех моих учреждениях, которыя за долг почел я учинить, ведая обнажение от войск Губернии Воронежской и окрестности ея, всеподданнейше испрашиваю Высочайшаго повеления, каким образом должен я располагать дальнейшая мои расположения, и как войскам должно будет следовать чрез карантинныя заставы, то я, хотя карантинным Офицерам, по важности движения сих деташаментов и в разсуждении благосостояния в Крыму, также и дальнаго степнаго оходу, приказал безудержно пропущать, но осмеливаюсь всенижайше просить и о Высочайшем Вашего Императорскаго Величества предписании на случай, естьли они будут их останавливать на три, или на шесть, недель, делая таким образом великую препону в нужном иногда предприятии. Что ж принадлежит до предосторожности от болезни с моей стороны, то оная хранится наистрожайшим образом и каждому Штаб-Офицеру наикрепчайше потверждено, естьли, кроме самых необходимостей, найдется у кого в полках и командах хотя одна какая сумнительная вещь, то *за* слабое смотрение подвергнутся они всей жестокости военнаго суда. В протчем пребывание мое в теперешней позиции, Всемилостивейшая Государыня, крайне бедственно для скота, поелику и воды совсем почти нет, и травы при великих жарах посохли. Во всем же Крыму от опасной болезни благополучно.

О здешних обстоятельствах инаго Вашему Императорскому Величеству до несть не нахожу, как только, что все Татара трепещут гнева Вашего Императорскаго Величества за нарушение союза, присягою утвержден наго. Паша Гаджи-Али, изъявляя тесноту расположения его войск и трудность, с которою сопряжено стояние флота Турецкаго в открытом море, просил меня о дозволении перейти оному в Кефинскую бухту, перевезши к сему городу и пехоту свою. А как, Всемилостивейшая Государыня, войск Вашего Императорскаго Величества не

состоит, тоя на сие и согласился. В письме же своем учтивым образом включил он, что не разсуждал и я, по возстановлении мира, подвинуть войск к Перекопу, но я на то ответствовал, что, имя выгодную для них позицию, буду я здесь ожидать Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества о выходе из Крыма повеления. Сие его изъяснение приписываю я, Всемилостивейшая Государыня, просьбе Татар, пекущихся об удалении меня из средины их области. Теперь наверно Вашему императорскому Величеству донести не могу, но в разсуждении прдоставленнаго Крымцам с дарованною им полностию, права избрания в Ханы, мню я, Всемилостивейшая Государыня, что Паша Гаджи-Али употребляет свои ходатайства у Татарских чиновников и черни в пользу прибывшаго со флотом Султана Девлет-Гирея, Портою прежде Ханом нареченнаго. Между тем Хан Сагиб-Гирей, Правительства Крымское, все старшины и почтенные люди, сбираются ныне в двадцати верстах от стану Турецкаго, и объявление мое о вольности Крыма есть резон, предъявляемый от них сему совещанию, уверяя, что они разсуждать будут о сделании мне ответа. Давлет-Гирей Султан, делая мне поклоны чрез всех присылаемых от Паши

Гаджи-Али, шутками оказывает сожаление свое о скором заключении мира, воспрепятствовавшем увидеть мне на такого Хана, какого я загнал в Румелию, на что и я равномерно ему отзываюсь.

Божиею милостию Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская, и протчая, и протчая, и протчая.

Нашему Генералу Аншефу Князю Долгорукову.

Хотя вам и сообщено уже в свое время от Нашего Генерала Фельдмаршала, Графа Румянцова, о воспоследовавшем, благодарение Всевышнему, с Портою Оттоманскою примирении и о силе и содержании мирнаго трактата условий, кои до Крымскаго полуострова и до всех Татар вообще касаются и кои, сверх того, по части вашего ведомства и предводительства, принадлежат также к вашему исполнению, со всем тем все оныя и здесь еще прилагаются ж, для удобнейшаго и ближайшаго соображения с Нашими, даваемыми вам, в следствие сего важнаго призшествия, здесь же и предписаниями, основанными на сих, состоявшихся взаимных постановлениях и обязательствах.

Но прежде всего надлежит вам знать, что Мы, чем более приобрели пользы и славы для Нашей Империи, тем нужнее и почитаем, чтоб, восприяв за систему настоящего Нашего политическаго поведения в разсуждении Порты Оттоманской, показывать ей во всех, до нея относительных, Случаях и делах

Наших всю возможную умеренность и искреннее желание, вящше и вящше утверждать возобновленной ныне вечной мир, чрез пристойныя к стате и ко времяни снисхождения к ея справедливым требования, чрез уклонение от Нашей стороны всяких и малейших поводов к какому либо неудовольствию, или же недоверке, а напоследок чрез скорейшее заведение безпосредственно торговли между взаимными областями, дабы в прибытках оной учинить Турецких подданных участниками, а в сем собственныя корысти качестве и прямыми ревнителями о лутчем впредь сохранении драгоценнаго мира.

Сии общия правила, кои не только ныне, но и впредь всегда исполняемы быть имеют без изъятия, извещаются вам для употребления и при всех представляющихся случаях в остальное время участия Вашего в делах, тому соответствующих.

Между тем повелели Мы при сем приложить грамоту Нашу к Хану Крымскому объявительную о прекратившейся войне и о утверждении жребия и независимости, как его собственной, так и всех Татар, чрез торжественное от них Порты Оттоманской отречение, которую, препровождая вы собственным вашим письмом по следующей здесь же форме, имеете отправить к нарочным из состоящих под вашею командою Полковников, или же и Генерал-Маиоров, человеком в расторопности испытанным, и с некоторым присвоением обряда и ознаменования, дабы таким образом, как достоинство Нашей Императорской грамоты Татарам представлено было в приличном виде и образе, так и Хану Крымскому, как владетелю самовластному и ни от кого не зависимому, при первом случае, после действительной решимости участи Татарской, оказано было с стороны Нашей уважение, для чего находящемуся при Хане Резиденту препоручите вы истребовать у него посылаемому от вас и формальную аудиенцию.

Впрочем, по содержанию трактата мирнаго, существенно дело ваше состоит в том, чтоб Крымской полуостров изпразнить от войск Наших и снабдить в то же время Яниколь и Керчь оставаясь сии оба места и впредь навсегда в Нашем владении, достаточным гарнизоном, чтоб принять из Турецких рук в Наше владение замок Кинбурн с его округом и с углом, которой составляют степи, лежащия между рек Буга и Днепра, чтоб назначить и межу Уезду старому, принадлежащему к Очаковской крепости, которая в Турецком владении остается, и чтоб еще и отправляемую от Генерала Фельдмаршала, Графа Румянцова, в ваше распоряжение Дунайскую флотилию изместить и расположить, предупреждая всякое, могущее быть с Турецкой стороны, подозрение, или к нареканиям причины.

Таким образом что касается до перваго из сих пунктов, то есть, до испражнения Крымскаго полуострова от войск Наших, то, однако ж, не прежде к сему приступлено быть может, а тогда действительно, как Турки, по полученной здесь реляции вашей, от 18

Июля, около Судака десант сделавшие и в тамошних горах засевшие, оставлять сей полуостров, еже ли б и по ныне еще там продолжались и не могли быть выбиты вашим, употребленным иногда к тому подвигом, до полученнаго о мире известия, ни потом еще не возвратились, по не достигшему, может быть, до них повелению от верховнаго Порты Оттоманской Визиря, но к чему, однако же, они в совершенной обязанности находятся, кроме общих от состоявшагося мира уважений и по точному содержанию 10-го артикула трактата мирнаго, которым имянно постановлено и сказано, что «естьли между подписания мирных пунктов и получения о том от Главнокомандующих взаимными армиями повелений, произойдут где либо каковы действия военныя, оныя ни которая сторона не приймет себе за оскорбление, так как и самые в том успехи и приобретении уничтожаются.»

Когда же бы и сие затруднительство уже миновалось, вы, делая все виды и оказательство к выводу войск наших одной части за другою, и соглашаясь с Ханом в том и в нужных с Татарской стороны пособиях, снесетесь с Нашим Генералом Фельдмаршалом, Графом Румянцовым, и по его о прямом и приличном к тому времени сообщениям, соображенным с делами и обстоятельствами его края, наконец предвоспримите действительно Крым освободить от войск Наших, кроме двух крепостей, которыя, снабдевая вы, как выше сказано, достаточным гарнизоном на всякой незапной случай, снабдите и начальниками, по вашему усмотрению и избранию достойными сей важной стражи, и дадите им наставление полное не только о их воинской должности, но каким образом они поступать имеют и в разсуждении близкаго с Татарами соседства.

При собственном же вашем из Крыма отлучении, не безполезно быть может по здешнему разсуждению, естьли вы найдете случай и способ возыметь с Ханом свидание, для последняго удостоверения его со всем Правительством о истинности и безкорысти Наших относительно всех Татар намерений, и колико для них во всякое время, при настоящем их состоянии, есть нужно и необходимо продолжение Императорскаго Нашего покровительства.

Образ отдачи и принятия в Наше владение замка Кинбурна с округом по левому берегу Днепра и с углом, которой составляют

степи, лежащия между рек Буга и Днепра, описывается 26-м артикулом так: «чтоб вам, как командующему Нашею армиею в Крыму и Губернатору Очаковскому, тот час обослаться между собою, и в два месяца времени от своего съезда, дабы в четыре месяца от подписания трактата конечно было, а естьли можно и скорее.»

В следствие сего вы, сделав с Пашею Очаковским предварительно письменную обсылку в пристойных словах, и отправите нарочнаго человека способнаго из Генерал-Маиоров, с отрядом войска, соответствующим числом своим содержанию сего новаго приобретения, снабдя его не только полною от имяни вашего мочью, но и всем нужным наставлением, чтоб он, по приняти Кинбурна, постарался как наискорея привесть крепость в оборонительное состояние и удобно оною учинить к обитанию гарнизона, на степь, от стечения рек Буга и Днепра составляющуюся, в знак начавшейся Наше посессии или владения, немедленно ж после отдачи выставил и всегда содержал в пристойном месте сильной пикет, определяя же между нужному к Кинбурну округу, которой, по употребленному слову в 18-м артикуле, предоставлено отвесть довольной, воспользовался сим случаем к убеждению Очаковскаго, Паши и к тому уже, чтоб он равным образом приступил к означению межи принадлежащего и к Очакову Уезда, будучи одинакая в том нужда, чтоб как Кинбурнское, так и Очаковское, ведомство ныне в одно время определены были прочными знаками от простирающихся за тем земель принадлежности Татарской, желательно, когда только без сущей с Турецкой стороны претительности будет можно, чтоб округа Кинбурнская и далее назначилась по своему берегу Днепра, а Очаковская по своему не доходила до устья Буга, для сохранения удобности в переезде прямо на степь Очаковскую, не касаясь земли, к сему городу принадлежать имеющей. Не оставите вы напоследок предписать и подтвердить воинскому Начальнику, чтоб он во всякое время с Туретцкими подданными обходился ласковым и пристойным образом, а толь паче с их чиновными, с которыми он имеет будет взаимное дело развод, но в случае распрей представлял бы к вам, по чему и будете вы давать ему наставлении, соображаясь с означенными в начале сего рескрипта общими правилами Нашему политическая поведения в разсуждении Порты в настоящих обстоятельствах, и сносясь иногда и с Генералом Фельдмаршалом, Графом Румянцевым, ежели б, вопреки всякаго ожидания, настали вопросы, требующие разрешения, по важности своих следствий, чрез новое и взаимное его с Верховным Визирем соглашение.

Сказав Мы выше сего в своем месте все, к вашему наставлению уже потребное, в разсуждении Дунайской флотилии, в полной остаемся надежде к вашему попечению в изобретении способов к предупреждению всех Турецкой стороны подозрительных примечаний, на сии суда в военном употреблении бывшия.

При окончании же всего, ссылаясь на приложенную при сем копию с рескрипта Нашего, отправленнаго к Генералу Порутчику Щербинину, и другую с грамоты Нашей же к Калге-Солтану, как для известия вашего о восприятых Нами местах относительно к стороне Кубанской, по тому ж воспоследовавшаго мира случаю, так не меньше и для могущаго быть и с стороны вашей употребления по встречающейся иногда нужде, почитаем за справедливо и за должно отдать со всем удовольствием достойную цену усердной вашей службе, Нам и отечеству с пользою оказанной во все время предводительства вашего Нашею армиею, и что Мы всегда будем содержать оную и подъятыя вами труды и подвиги в покорении Крыма Нашей памяти и уважении отличном, по чему всегда же и останемся к вам Нашею Императорскою милостию и благоволением. Дан в Царском Селе, 19-го Августа, 1774 года.

Подлинной подписан собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: Екатерина.

Божиею милостию Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская, и протчая, и протчая, и протчая.

Нашему Генералу Аншефу Князю Долгорукову.

К крайнему усмотрели Мы сожалению из реляции вашей, от 3-го Августа, под j 20-м, о утвердившихся в Крымском полуострове Турецких войсках, и о предательстве Ханом Крымским бывшаго при нем в качестве Нашего Резидента, Статского Советника Веселицкаго, в руки Сераскер-Паши Гаджи Али-Бея, в такое время, когда, по обстоятельству заключеннаго Нашею Империею и Портою Оттоманскою мира, подобныя приключения совсем ожидаемы быть не могли.

Прежде нежели достигло сюда толь неприятное известие, каков заготовлен был для вас рескрипт Наш в наставление, Мы, однако ж повелели оной со всеми приложениями отправить к вам при сем, но только не для точнаго уже исполнения по всему содержанию, которым предполагалось и в части вашего ведомства свойственное дел состояние с следствиями заключеннаго мира, а больше для извещения вашего общих правил поведения в разсуждении Порты Оттоманской и Татарских народов, в ожидании поправления случившихся замешательств, и еще и для

того, чтоб не иметь нужды в повторениях приведенных в оном разных уважений, на которыя Мы ссылаться будем и в сем настоящем рескрипте.

Но не будучи Мы его от вас в подробности уведомлены, и не зная по тому, каким образом Хан Крымской мог соединиться с Турецкими Начальниками о осмелиться отдать им Нашего Резидента; в бытность вашу со своею предводительствуемою вами армиею посредине Крыма, следовательно, в близости от него, Хана, и при настоянии всех способов к содержанию с ним нужной связи и обсылки с Резидентом, и не зная такожде о дальнейших Ханских поступках и после всеобщаго в Крыме распространившагося сведения о пресечении войны, и что наконец положено на бывшем у него с Крымскими Начальниками совете, и о чем он, ответствуя на ваше сообщение о воспоследовавшем примирении, обещал уведомить вас в свое время, и находимся в необходимости настоящия Наши предписании составить главнейше из общих примечаний, предоставляя ближайшими снабдить вас наставлениями по получении точнейших известий о всем приключившемся, ежели б и еще в чем было нужно.

И так и не надлежит уже вам, при толь худых оказательствах, с стороны Ханской бывших, отправлять к нему грамоты, посылаемой на ваши руки при выше означенном рескрипте, разве бы он между тем и до получения сего рескрипта уже сделал формальное раскаяние в предательстве Резидента с нарушением прав всенародных и заключен наго с Нашею Империею трактата, и просил у вас прощения, с тем, чтобы и Начальники находящегося теперь в Крыме Турецкаго войска, достаточное о том сведение возымели, и ежели бы, сверх того, он же тем или другим образом, прямо и искренно согласным же представился в разсуждении и независимости Татарской, трактатом поло~ же иной, и удостоверенным учинился о пользе и выгодности такой прежняго жребия их перемены; без того же недостоин он совершенно сей, для него сперва назначенной, отличности, а довольно, что вы будете с ним продолжать от собственнаго вашего лица надлежащее сношение и негоциацию, для постановления его в положение, свойственное и соответствующее настоящему его званию владетеля независимаго.

Освобождение Резидента, предательством Татарским теперь находящагося у Секретарь-Паши Хаджи-Али-Бея, не смотря, что он вам отказал в том, до получения им непосредственнаго повеления от Порты, имеет, однако-же, и еще вами требовано быть, но не по силе положеннаго в мирном трактате артикула о военнопленных, а по точному содержанию 10-го артикула,

приведеннаго собственными словами в другом, здесь следующем, рескрипте Нашем, и коим вся кия успехи и приобретения между подписания мирных трактатов имянно уничтожаются, при чем вы приметите Паше, что пока Резидент в неволе останется, вы и приступить не можете к исполнению мирнаго трактата во всех онаго частях, до вас касающихся.

В самом деле, о первейшем из того, то есть, о испражнении от войск Наших Крыма, при настоящих обстоятельствах, и пока оныя не переменятся в сходственнейшия с мирным положением, отнюдь и не можно мыслить: по чему вы не прежде начало тому сделаете, как по оставлении Турками сего полуострова, а по крайней мере по той части и степени одни войски после других выводить будете, как и Турки с своей стороны тамошния места оставлять имеют; при том снабдение достаточными гарнизонами и начальниками, сей стражи достойными, повеленное другим рескриптом и сим настоящим, равным образом подтверждается, на случай такого исправления в свое время требовать могущей.

Что касается до представлений ваших об артилерии Перекопской крепости с воинскими снарядами и о заготовленных в Крыме магазинах, то когда 3-м мирнаго трактата артикулом соглашеность и условленось все Крымския и Кубанския крепости отдать во владение татарское, кроме двух выше означенных, не может из того изъмлема быть и Перекопская, следовательно, и находящуюся в ней ныне на лицо артилерию надобно уступить Татарам; а в разсуждении магазинов, при непредвидимости будущих произшествий, теперь ничего положительнаго сказать не можно, а лутче вы сами найдетесь в состоянии на месте разсмотреть и определить их употребление; сверх того, как и еще довольное время тому остается, то и после можно будет вам описаться, ежели нужда того востребует.

Между тем Мы давно уже как от вас, так и другими достоверными известиями, предупреждены были, о дурных качествах, а особливо малой способности к правительству, настоящаго Хана, но при том положении дел, в каком Мы в разсуждении Крыма и прочих народов Татарских находимся, нет пристойных способов к его низложению, как по праву породы и добровольным избранием всего общества получившаго сие достоинство, с особливо в то время, когда оно решилось отложиться от власти Турецкой; а из сего уважения Мы за нужно находим в том его еще и защищать, ежели бис Турецкой стороны восприялось намерение о уничтожении его стараться. По чему и повелеваем вам, естьли сие действительно уже не исполнено, такия могущия быть от них покушении отвращать вашими участием и потребными изъяснениями. Но впрочем как с

Турками, так и с Татарами, дабы не подано было с стороны Нашей ни малейших поводов к неприязнивости, поступать с такою разборчивостию, чтобы всегда от первых задоров удаляться; однако ж, ежели бы те, или другия, начали действительно наступать вооруженною рукою, делать им надобно будет тогда и отпор надлежащей, по мере их наступления.

Содержащияся в другом рескрипте предписании о Кинбурноской крепости, о степи между Днепра и Буга лежащей и о Дунайской флотилии, как не требующия никакой отмены, здесь не изъясняются, а имеют с вашей стороны во всей их силе исполнены быть в надлежащее время.

В протчем найдете вы здесь в приложении с отправленнаго ныне рескрипта нашего и к Генералу Фельдмаршалу, Графу Румянцову, по поводу сих же, у вас в Крыме неожиданным образом произшедших, замешательств, из которой вы со всею точностью усмотрите, на что главнейшие ваши примечании и старании обращены быть имеют, и коль по тому нужно и полезно, дабы вы в непрестаном с ним сношении находились и заимствовали его руководство и советы, которыя он вам будет подавать для способствования привесть дела вашей части в желаемое установление, на основании своих соглашений с Турецким Визирем и соображаясь со всеобщим наших дел с Портою положением.

Еще осталось вам сказать по вопросу вашему и о Калге-Солтане, на каком основании и где ему быть ныне по пресекшейся войне.

Мы, не зная, в каком расположении мыслей останутся Нагайския и Кубанския народы, не можем равным образом ни об нем, ни о заведенных на Кубань войсках ничего положительнаго определить, а довольстуемся вам только приметить, что когда Крым освободится от Турецких войск и тамошния жители успокоятся, могло б быть полезно присутствие его и там, как такого человека, который вник в пользу независимаго состояния и к искательству того со всем усердием уже прилепился. Но ежели б он, однако же, похотел и впредь остаться при Ордах Нагайских, и сие можно оставить на собственное его благоизобретение, по колику он, без сумнения, способствовал иметь к лутчему и сей стороны благоустройству, следовательно, и ко внутреннему обузданию самих Крымцов; а в разсуждении впредъявляемаго им негодования за то, что он от вас удерживается поступать строгим образом с своим подвластными, можете вы, сыскав какой-либо случай к нему, между других дел к стате отозваться, что советы ваши основаны были на одном человеколюбии, но что, однако ж, и при том ни что ему не

препятствует, по важности преступлений, употреблять, по своему разсмотрению, и всю строгость, свойственную его власти и дозволенную их обычаями, так как и каждая земля имеет суд и расправу в сходственность со нравами и образом жизни обитателей; а чтоб его, Калгу-Солтана, не употребляя ни в Крыме, ни на Кубане, по прежнему в наших границах содержать, сие было б не только совсем уже излишно, но и конечно вредно в нынешнее время, когда он только полезным образом, и совсем без предосуждения мирному трактату, в Крыме и на Кубане упражненным быть может, разве бы собственная его безопасность к тому необходимо принудила.

И как Кубанская стороны, по состоянию Нагайский орд и протчих тамошних народов, и всегда, только паче ныне при случившейся в Крыме разстройке, всего возможного внимания требует, то и находим Мы за нужно, чтоб Генерал-Порутчик Щербинин продолжал еще по прежнему тамошния дела и, сносясь с вами, пока вы предводительствовать будете Нашею армиею, получал все потребныя от вас пособии.

Мы, повелев приложить при сем, для вашего известия и исполнения, копию с Нашего рескрипта, в следствие сего к нему отправленнаго, наконец всего и войски на Кубань заведенныя, когда можно будет, возвратить к Нашим границам, удобнее к тому время назначить предоставляем вашему с помянутым Генералом Порутчиком соглашению, и по расположению Нашего Генерала Фельдмаршала, Графа Румянцова. В прочем Мы совершенно надеемся, что истинная ваша ревность и усердие будут вам лутчими руководителями в исполнении всего, что здесь предписуется. И пребываем к вам Нашею Императорскою милостию благосклонны. Дан в Царском Селе, Августа 22 дня, 1774-го года.

Екатерина.

Копия с реляции Генерала Князя Долгорукова из крепости Перекопской, от 26 Августа, 1774 года.

Вашему Императорскому Величеству удостоиваюсь всеподданнейше донести, что, в силу полученнаго мною из Военной Вашего Императорскаго Величества Коллегии Указа о выводе войск из Крыма в определенныя им, по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелению, квартиры, приступил я к сему исполнению, и большая уже часть войск, выступая отсюда, имеет отдохновение при Днепре, для поправления изнуреннаго скота и заготовления на свой путь хлеба, а через четыре дни считаю я, Всемилостивейшая Государыня, выступать, кроме назначеннаго в Керче и Ениколе

Белевскаго пехотнаго полку: я, же, выпуская полки, стараюсь между тем все нужныя, доставленныя сюда припасы, как артилерийские, так и коммисариатские, и всех больных отправить при себе в границы Империи Вашего Величества, которыя, по наложении на запасные лафеты, и отправились уже с парком, я не приминул, Всемилостивейшая Государыня, пристойным образом и крепости Перекопской.

О Крымцах, Всемилостивейшая Государыня, сколько я очевидно понимаю, столько и сами они явно оказывают совершенную свою безчувственность даже до того, что находящемуся при мне от Правительства Приставу велено сделать мне отзыв, что они недовольны Высокомонаршим Вашего Императорскаго Величества попечением о бытии им навсегда вольными и независимыми, но намерены к Вашему Императорскому Величеству отправить свои прошении, чтобы дозволено им было остаться под Портою Оттоманскою, коей они и предъявили уже желании свои, но не получили еще формальнаго ответа. Войски же Турецкия, как морския, так и сухопутныя, не отходят еще от берегов Крымских, чему Гаджи-Али-Паша, Капитан-Паша Мехмет-Гирей, в своих со мною переписках, полагают причиною неполучение о том фирманов от Порты; а сколько я мог сведать чрез конфицентов, приобретенных мною с их стороны, то заподлинно меня уверяют, что флот по выходе моем отправится в путь свой, а пехота, до двадцати пяти тысяч простирающаяся, непременно останется зимовать в Крымской области, и в Ханское достоинство возведен будет Девлет-Гирей-Султан, что все и легко статься может, Всемилостивейшая Государыня, в разсуждении безумия здешняго народа. Я условился, Всемилостивейшая Государыня, с Гаджи-Али-Пашею, отдать ему содержащихся в Арабате двадцать шесть человек пленных Турков, а он взаимно обязался свободить Казаков, преданных ему от Эдишкульской орды, с Приставом Капитаном Павловым, оставляя сего последняго у себя до тех пор, доколе возвратится в означенную орду их аманаты, я не оставил и вчерашняго еще дни писать к Гаджи-Али-Паше как о Господине Резиденте Веселицком, так и о Капитане Павлове, требуя их увольнения; ибо как все Турецкие пленные получить должны свободу, в силу заключенных артикулов, то конечно ему, яко Резиденту и преданному от Татар, а также и Капитану Павлову, преимущественно пред другими надлежит тем воспользоваться. Но Паша не задолго пред сим изъяснил мне, что он о Господине Веселицком донес уже ко Двору своему, следовательно, об отпуске его и должен он ожидать повеления, а без онаго к сему приступить не смеет. Равным отзывается он и Татара не

получением сведения от Порты о уступке во владение Вашего Императорскаго Величества Ениколя и Керчи, но я их ясно обличил посланными от меня к ним артикулами постановленнаго с Оттоманскою Империею мира. Я совершенно сведал, Всемилостивейшая Государыня, что Гаджи-Али-Паша старается наивящше утвердить Крымцов в суровости и жестокосердии противу Империи Вашего Императорскаго Величества, и что они, крепко обнадежась на него, ни на что мне не ответствуют, не посоветовав с Пашею Гаджи-Алием. Сегодня решилось требование мое о перевозке на Татарских подводах из Салгирскаго, Арабатскаго и Булзыцкаго магазейнов провианта и овса в Керчь и Ениколь по шестидесяти копеек с четверти, и о взятье на из сохранение побережных Козловскаго и Белецкаго магазейнов до тех пор, пока в нынешней ли год, или в будущей, прибудут из Керчи суда для забрания онаго, а чем я не оставил еще писать к Господину Виц-Адмиралу Сенявину. Перекопский провиант оставлю я, Всемилостивейшая Государыня, под ведомством Офицеров, сложа его подле линии Перекопской, вне Крыма. А как доходят ко мне сведении из Канцелярии Губернии Новороссийской, что в сей Губернии нынешний год худой был урожай хлебу, так что перешедшим в Екатерининскую провинцию на поселение из Комаринской волости дворцовым Вашего Императорскаго Величества крестянам, по требованию Губернии Новороссийской, в разсуждении крайних нужд, принужден я был отпустить заимообразно из Бахмутских магазейнов до тысячи четвертей, то не благоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству повелеть публиковать в Украине, чтоб желающие брали состоящий здесь провиант и, вместо того, в будущем году отдавали бы онаго тож число в Украинских магазейнах, или в Губернии Новороссийской, и я думаю, что сыскались бы на сие охотники. Я сносился, Всемилостивейшая Государыня, с Очаковским Сераскером трехбунчужным Киор-Пашею о Кинбурне, но он ответствует также, что об отдаче сего замка нет фирмана, а как его получит, то уведомить обещает немедленно; я же для принятия его, назначил Инженер-Маиора Бачманова, который: и будет ожидать от Очаковскаго Паши чиновников, в приняв от них Кинбурн, введет оставленный для сего баталион пехоты и двадцать оружий артилерии. Я старался разведать чрез Татар и близ живущих Запарожских Казаков, какия принадлежат к Кинбурну земли, а, по согласным их объявлениям, простираются оныя идущим от Кинбурна к твердой земле языком не более двадцати пяти верст до последних соляных озер, имянуемых прогонями.

Вчера получил я, Всемилостивейшая Государыня, чрез

прибывших ко мне от Войсковой Донской Канцелярии и от Генерал Маиоров, Князя Багратиона и крепости Святаго Димитрия Обер-Коменданта Потапова, курьеров уведомление о злодейских стремлениях изменника Пугачева, производящего варварства свои к Дону, а Комендант Царицынской, Полковник Цыплетев, рапортует, что овладел он и Саратовом, чрез измену перебегших к нему артилеристов с своими Офицерами и Маиора Салманова с гарнизонными солдатами и жителями, Комендант же, Полковник Бошняк, с малым числом рядовых и несколькими Штаб и Обер-Офицерами, взяв два знамя и пробившись сквозь толпу, ретировался к ближайшей крепости. По чему я, Всемилостивейшая Государыня, и подтвердил Генерал-Маиору Князю Багратиону, чтобы он, не страшась многочислия изменническим толп, храброю рукою их поражал, а Бригадиру и Кавалеру Бринку, которой, по первому еще моему повелению, отрядил, в содействие означенному Генерал-Маиору, с половины сего месяца, Селенгинской пехотной полк, шестые эскадроны Слободских гусарских полков и два эскадрона жолтых поселенных гусар, отправляя еще вперед к войску Донскому и три Казачьи полка, предписал я иметь крепкое внимание на Дон, куда он и делает движение. Сверх того Ряжскому полку, к Бахмуту идущему, приказал я, облегчась от всех тяжестей, с одними полковыми пушками, по достижению Бахмута, следовать к верховным Донским станицам, способствуясь хотя обывательскими лошадьми; для чего и осмелился я, Всемилостивейшая Государыня, дать ему подорожную на сто пятьдесят подвод. А между тем Астраханскаго драугнскаго полку четыре эскадрона надеюсь близко уже Дона. Хотя прежде и доносил я Вашему Императорскому Величеству о командировании Генерал-Порутчика, Графа Мусина-Пушкина, но как получил я Указ Военной Вашего Императорскаго Величества Коллегии, двух гусарских и двух пикинерных полков с одними Штаб-Офицерами в команду Генерал-Майора Волкова, то, по прибытии означенных полков, и приказал я Графу Мусину-Пушкину, дождавшись своего обозу, следовать к Московской дивизии, куда по расписанию назначен.

Как уже со стороны армии моего предводительсво Ростовской карабинерной полк, часть деташамента Бригадира и Кавалера Бринка и Астраханской драгунской полк, обращены к закрытию Дона, то я и не дерзнул, Всемилостивейшая Государыня, умножить там числа войск регулярных, а отправил отсюда тысячу двести отборных Донских Казаков, коих Полковники обнадежили меня чрез две недели туда достигнуть на поражение злодеев.

По доходящим известиям, что изменник Пугачев

предприемлет намерение с Дону следовать в Нагайския орды, чтобы, сей ветреной народ приглася в изменническую свою шайку, удобнее мог он производить злодейства свои, решил я, Всемилостивейшая Государыня, послать к Калге-Солтану и Джан-Мамбет-Бею артикулы мирнаго постановления от Генерал-Фельдмаршала, Графа Петра Александровича, ком не присланные, прося их оные обнародовать, а по тому считая, что не так легко могут поползнуться сии варвары, когда совершенно удостоверены будут о заключенном мире. Хотя же и повелено было от меня Господину Бригадиру Бринку скрывать от Нагайцов смятение в Государстве, но он доносит, что обстоятельства сии им известны и слух между ними носится, будто в Донских селениях некоторые из подлаго народа охотно ожидают его прибытия. По таковому поведению сих плевел, препоручил я, Всемилостивейшая Государыня, Бригадиру Бринку иметь особливое примечание и надзор, приемля меры достаточныя к уничтожению предполагаемых злодеями намерений. Калге-Солтану сообщил я, Всемилостивейшая Государыня, что где бы он в границах Империи Вашего Императорскаго Величества ни восхотел иметь убежище, везде будет пользоваться Высочайшим Вашего Императорскаго Величества покровительством.

Отъезд мой к Полтаве предприму я, Всемилостивейшая Государыня, не прежде, как по выпровождении отсюда всего нужнаго, надеясь окончить сие в начале Сентября месяца. А Крымския дела, равно как и Кубанския, особливаго внимания требующия, на кого Вашему Императорскому Величеству возложить благоугодно будет, испрашиваю Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повеления, считая, по скудоумию моему, за нужное продолжать с ними переписку к лучшему о их обращениях сведению. Я же, Всемилостивейшая Государыня, с дня на день от здешних Ханов новыя получаю требования, которыми ищут они удовольствия в заплате старинных еще долгов, находя оные лет за пятнадцать и сколько в первую кампанию за Днестром побито у них Мурз и чиновников, тех всех настоят об отпуске, а я на все то с пристойностию им ответствую, видя, что сии варвары желают меня чем ни есть раздражить к удобнейшему чрез то отпадению от союза с Державою Вашего Императорскаго Величества, и стану стараться, по распоряжении всего, удалиться от пустых их претензий, будучи между тем, Всемилостивейшая Государыня, по нещастию моему, в слабом состоянии своего здоровья, так что с трудом из избы выходить могу, и не знаю, каким образом возмогу совершить путь свой.

Божию милостию Мы, Екатерина Вторая, императрица и Самодержица Всероссийская, и протчая, и протчая, и протчая.

Нашему Генералу Князю Долгорукову.

Усматривая из реляции вашей, от 26-го Августа, с одной стороны, что вы все под предводительством вашим войски из Крыма выводите, и оныя, по присланной к вам из Военной Коллегии репартации, отпускаете во свояси, а с другой уведомясь о слабом состоянии здоровья и о представлении вашем, чтоб Крымския и Кубанския препоручены были кому другому, Всемилостивейше дозволяем вам возвратиться в Москву, и поручить команду над Нашими войсками старшему, находящемуся при вас Генералу Порутчику. Сей Генерал, поколику токмо возможно будет по настоящему положению, в котором армия наша тогда найдется, имеет употребить все свое попечение, дабы сколько ни есть привести в исполнение данныя вам предписания последним нашим рескриптом, от 22-го минувшаго Августа, для чего, как оной Наш рескрипт, так и сей оставит вам у него, объявя ему при том, чтоб он о всех новых произшествиях доносил Нам реляциями, а о том, чтоб же о всем писал и к Нашему Генералу Фельдмаршалу, Графу Румянцову, и состоял под его повелениями, и чтоб он же находился в тесном сношении с Нашим Генералом Порутчиком Щербининым, и по его требованиям поступал, котораго, по его долговременному знанию Крымских и Кубанских дел, Мы при оных вновь оставляем особенным рескриптом, ныне же к нему отправляем. Что же касается до стостояния, в каковом остаются Крымския дела, то Мы видим, с одной стороны, что Турецкия войски заняли уже, или занимают, знатнейшия Крымския места, а с другой не ведаем еще; по содержанию рескрипта Нашего от 22-го Августа, к вам при толь смущенных обстоятельствах дошедшаго, какое могли вы учинить исполнение, а еще меньше предусмотреть здесь можно, пособлено ли тому, или еще и совсем нет полученными иногда между тем и от Нашего ГенералФельдмаршала, Графа Румянцова, предложениями, и преподанным вам от него руководством: то Мы, при толь малом достатке сведения о настоящем вашем положении, и предполагая, ежели бы дела вашего края в прежнем затруднительстве были и вы еще не предуспели возвратить оныя по Нашим предписаниям и советам Генерал-Фельдмаршала, Графа Румянцова, сколько ни есть на степень, сходственнейшую с договорами мира, Мы и находим уже за нужно, чтоб в таком случае имеющий быть вам преемник, в отвращение продолжающегося неудобства, отозвался к командующему в Крыме Турецкими войсками Сераскеру по следующей здесь форме письма, и представил ему непристойность его поведения, и чтоб при том и войски Наши в таком виде и состоянии находились, по

которому бы совершенно и всячески оказывалось, что дела тамошния не вовсе оставлены, но что нужная стража, однако же, продолжается. Сверх того здесь же Мы еще восхотели вам приметить, что и назначенные вами гарнизоны для Яныкол я и Керчи для настоящаго времени видятся быть недостаточны, разве бы сии оба места по малости своей не могли помещать множайшаго числа, как равным образом и для содержания Кинбурна одного баталиона очень мало же, по всем до сего места принадлежащим уважением, и по тому Мы вам повелеваем, сколько будет возможно, не только Яниколь, и Керчь, по силе предыдущаго рескрипта, снабдить довольным гарнизоном и комендантами, в искустве и расторопности испытанными, но и для Кинбурна приготовить отряд войска, соответствующий важности сего новаго приобретения, определяя И туда начальником, по силе того же рескрипта Офицера знатнаго и искуснаго. И пребываем к вам Нашею Императорскою милостию благосклонны. Дан в С.Петербурге, 15-го Сентября, 1774 года.

Подлинной подписан Ея Императорскою Величества рукою тако:

Екатерина.

Форма письма к командующему в Крыме Турецкими войсками Сараскеру от имени Генерала Аншефа Князя Долгорукова, или его преемника.

По титуле:

Российской Императорской Двор с удивлением, уведомился, что, когда, по праву войны, в Крымском полуострове находившийся Ея Императорского Величества, Самодержицы Всероссийской, моей Всемилостивейшей Государыни, войски оставляют сей полуостров и бывшия в занятии все места, по силе заключеннаго между обеими высокими Империями трактата, кроме двух выговоренных крепостей, предваряя в том и положенные оным сроки, с полною доверенностию на добрую веру священных обязательств, каковы суть артикулы мирнаго трактата, в то время, напротив того, ваши войска совсем в противность онаго же трактата, имянно третьяго из того пункта, по которому наиторжественным образом признаны Татара народом вольным и ни от кого не зависимым, с присвоением им полнаго и неограниченная владения над Крымскими местами, занимают, однако ж, наизнатнейшия из того, распространяясь по всему Крыму, который им равным образом оставить надлежало, как то уже с стороны Русских войск действительно и исполняется.

Я при таких обстоятельствах должностию моею и почел представить Вам непристойность сего Вашего поведения, и что

тем меньше что либо подобное ожидаемо быть могло, поелику обе высокия Империи, превратя, к благополучию обоюдных подданных продолжавшуюся войну в дружбу и доверенность, согласились со всею искренностию и истинным желанием в точности исполнять все положенныя договоры мира, по чему вы и пред собственным вашим Двором ответствовать можете в неприятных следствиях таких ваших самовластных распоряжений и предприимчивостей, кои в самом основании нарушая один из главнейших пунктов мирнаго трактата, суть наиудобнейший к произведению между обеих сторон новой остуды и новых затруднительств, которыя до отвратит Всевышний!

Но по сим толико справедливым основаниям и остается мне ожидать от Вашего благоразумия, свойственна го вашему званию, что Вы, соображаясь с истинными намерениями обеих высоких Империй, не оставите принять в достойное уважение мои необходимый изъяснении, и следовательно впредь уже воздержитесь от всего, что не может быть согласно с настоящим взаимных дел положением, сделав и всему прошедшему надлежащее и удовольствительное поправление.

В протчем я есмь Вам довброжелательным.

Записка

Резидент Веселицкий, удостоверясь от конфидентов о действительном развратe всех Крымских Татар, кои чрез Молдов от имени всего злонамереннаго Правительства в мечетях весьма тайно приличными из Алкорана увещаниями к тому приуготовлены, и всем начальникам наистрожайше подтверждено с подчиненными Татары в такой быть готовности, дыбы при первой повестке, неотменно и под опасением живота, к назначенному месту следовать могли, для нападения на Российское Императорское войско, а между тем бы с Российскими военными людьми везде ласково обходились не подавая отнюдь никакого вида к подозрению, что от Правительства на горах к морю разставлены часовые с повелением, при обозрении Турецкаго флота, чрез наряженных для того доброконных Татар, Хану донесть, что в Диване диспозиция уже опробована и подписана, кому из главных начальников Татарских на какую часть разделеннаго по разным постам Российскаго войска нападение делать. О всем том подробно в то ж время, как Предводитель второй армии, так и Командующий тогда расположенным в Крыму корпусом, Генерал Маиор Якобий предварены.

8-го числа Июня Турецкой флот к Азовскому проливу приплыв и супротив Российской флотилии построясь, на якорях

стал, в намерении высадку предпринять, но, приметя везде довольное число войска на отражение всякаго с Турецкой стороны покушения, присылай от Хаджи-Али-Паши и Девлет-Гирей-Хана нарочной, в Татарском платье Турок, с письмом к Хану и Правительству, следующего содержания: «Порта, снисходя на неотступное их прошение, отправила, под предводительством реченнаго Хаджи-Али-Паши, для избавления Крыма, немалое число войска, которое стоит против урочища Такли; но как на берегу повсюду видима взятая от Россиян военная предосторожность, затрудняющая предприятие десанта, то должность их требует сделать по своей диспозиции со всех сторон на Россиян одновременное нападение, а Хану с своею частию стремиться на те войска, кои супротив флота стоят, для облегчения высадки. На что было и соглашенось. Резидент, сведав о том и видя съезжающихся большими толпами вооруженных Татар в Бахчисарай, истребовал у Хана аудиенции, на которой наведался, чтоб такой съезд вооруженных Татар значил; ибо все на площади и в кофейных домах явно, без всякаго зазрения, говорят, что Его светлость намерен, чрез два, или, три дни, в поход выступить; а как он, Резидент, от Всеавгустейшей Российской Императрицы и всей Татарской области великодушный покровительницы, единственно к особе его акредитован, то, по обращающейся дружбе, прилежнейше просил о разрешении ему сей загадки, которая для него весьма темна, и если подлинно отлучиться изволит от своей резиденции, то при свите ли ему следовать, или отъехав до обратнаго Его Светлости прибытия к Командующему корпусом Генералу; ибо в отсутствии Хана оставаться ему в Бахчисарае невместно. Ханский и Визирской ответы воспоследовали, по привычке с клятвами наисильнейшими и целованием Алкорана, что они свои обязательства свято и ненарушимо сохраняют, и для того просили Резидента площадным речам не внимать; ибо подлость от невежества болтает все, что на мысль взойдет; однако сия Резидентская попытка намеренной поход и остановила: ибо в тот де день собрав крайнее употребить старание, а что разведано будет, его уведомлять. Между тем Резидент уведомился, что в деревне при Абдувели Наше более 3000 Турок и Татар собрано; по чему и просил господина Полковника Нарышкина, для подлиннейшаго о том рзведания, отправить одного исправнаго Офицера с пристойною командою в ту околичность, под претекстом снимания плана; ибо, после заключения с Крымцами трактата, условленось Татарам большими толпами вооруженным не ездить, а если где более 30 человек вооруженных усмотрены будут Российскими разъездами, то таковые сочтены быть имеют

за неприятелей, и поступится с ними по военному праву; но посланной Офицер остановлен Татарским в трех верстах от деревни разставленным постом, и далее не пропущен. А как для предосторожности необходимо было о подлинности того скопища сведать, то вновь отправлен туда господин Полковник Либгольд с небольшою Казацкою командою, которой равномерно от Татарскаго поста остановлен и Абдувели-Паше о его приезде с известием, что сам Паша к нему выехать намерен, но Полковник Либгольд, сказав, что он не для того приехал, чтоб такого почтеннаго старика утрудить, а только для свидания и отдания ему почтения, поехал в деревню и прямо в нему на двор, где нашел более 600 человек вооруженных в строю, и по нескольких суровых с обоих сторон в том словесных отзывах, обратно прибыл, о чем такожде Предводителю и Командующему корпусом сообщено.

По таким обстоятельствам Резидент видя, что Татарския дела со дня в день опаснее становятся и разрыв неминуем, отправил фамилию и часть экипажа в Перекоп, снабдя оную просительным к Предводителю письмом о дальнейшем оттуда препровождении; но по прибытии Предводителя на легке в Перекоп и по прочтении письма, с улыбкою отозвалось: «Наш старик уже трусом стал. За чем в Россию ехать? Нам 6-ти недельной карантин в степи выдержать надобно. Какая в Бахчисарае опасность? Все пустое, ничему не бывать!» а пред возвращением к полкам, в тот же самой день по полудни, приказал фамилии в Перекопе ждать до вступления его с полками второй армии в Крым, и тогда уже решительной ответ получит. Чрез неделю полки в Крым вступать стали, а Предводитель вновь в Перекоп прибыл, где советовано фамилии возвратиться в Бахчисарай.

Между тем переписка у Хаджи-Али-Паши с Ханом и Правительством производилась. Первой настаивал в том, чтоб Хана с Татарами сделал на Российския войски нападение, для облегчения его высадки, а последние извинялись невозможностию, что у Татар пушек нет, а у Россиян, напротив того, множество оных но представляли, что они совсем готовы на коня сесть, только бы им Паша несколько орудиев доставил; Паша на то согласился, и требовал, для возки пушек и снарядов, несколько сот повозок и до тысячи пар быков; исполнение того поручено Мегмет-Гйрей-Мурзе, коему велено до пяти сот арб собрав и до тысячи пар волов, поставить оные к удобном, за Старым Крымом, месте, близ берега. О чем Предводитель был уведомлен. Резидент, предвидя по всем обстоятельствам скорой злонамеренных Татар разрыв и нападение, писал к Предводителю о той опасности, которой он дальним в Бахчисарае пребыванием

подвержен быть может, и прилежнейше просил, если он того стоит, подать ему руку помощи присылкою нескольких повозок с упряжкою и конвоем, для препровождения к армии; ибо без того спасти себя и своих не может, а в противном случае удостоверяя его, что он готов жертвовать собою и всем семейством лишь бы только оное в пользу любезнаго отечества обратиться могло; которое письмо отправлено было с надежным конфидентом, на коего и словесное донесение сослалось. В самое то время Предводитель следовал с полками к Ак-Мечету, разстоянием от Бахчисарая 25 верст; ибо, по известиям, Турецкой флот, подняв от Такли якори, плыл к Алуште, против которой и на якорях стал, ответ Предводителев был, что он спешит на поражение Турок, и по тому не в состоянии отделить военных людей для Резидента, коему руки не были связаны, а советуем ему уповать на Бога. На кануне того дня Генерал-Маиор Кохиус, отряженный с конным и пехотным деташаментом на подкрепление Балаклавскаго и Белецкаго поста, первой разстоянием от Бахчисарая в 25-ти, а последней в 20-ти, верстах, следовал от Бахчисарая не далее 3-х верст. Слухом барабаннаго боя Резидент ободрен был, надеясь, что послан деташамент для избавления его. Но в самом том размышлении от Хана присылан был чиновник наведаться у Резидента, не к Бахчисараю ли войско прислано? Резидент отвечал, что он неизвестен, а думает, если б к Бахчисараю войско шло, то, без сумнения, он от Предводителя предуведомлен был бы, разве в разсуждении шатающагося около берегов Турецкаго неприятельскаго флота, не отрядил ли иногда Предводитель для защищения Ханской особы и столицы его от неприятельских нападений.

Но на четвертый день после того, а имянно 24 Июля, пред полуднем, в 8 часу, присылан к Резиденту чиновник, Куллар-Агасы, наведаться от имяни Ханскаго и Правительства чинов о здоровьи, с приглашением на конференцию. Резидент с обыкновенною свитою и поехал, в предшествии помянутаго чиновника, но, по выезде из переулка на большую улицу, нашел оную, по обеим сторонам вооруженными конными и пешими Татарами занятую, между коими проехал до самых ворот замка, где незнакомый чиновник, обнажа саблю, остановил Резидента и, приложа конец сабли ему в правый бок, воскричал: «Сойди с лошади, неверный!» Резидент, оборотясь к нему, сказал: «Не съума ли он сошел, или не знает, кто он?» но Татарин, придавив сильнее концем, то ж самое вскричал. Резидент, видя настоящую опасность, с лошади сошел, а свита его прикрыла сзади; тогда Татара кричать стали: «Коли, руби и стреляй!» и саблями поверх головы махали, а предшествующий чиновник кричал не трогать

Резидента. С таким шумом и криком, вместо Ханской комнаты введен был Резедент со всею свитою в особливой покой, в коем окна, по летнему жаркому времени, были открыты, в коих стоявшие на дворе Татара, взводя с ружей курки, прикладываться стали по них стрелять, но, по щастию, в том же покое от дверей перегородка была чрез всю горницу, за которую Резедент и вся его свита попадали: в самое то время вошли знакомыя чиновники: Ахтаджи-Бей, Ханской Обер-Шталмейстер, и Тефтердар Каза-Азамат-Ага, бывший в Санктпетербурге Депутатом Крымским, которые Резидента спросили, что он делает, а он им указал Татар приложившихся по нем стрелять. Они, увидя их, тотчас отогнали и запретили к окнам подходить. Резидент, встав и вышед из за перегородки, стал чиновников спрашивать: «Не сия ли конференция приятельская, на которую чрез нарочнаго чиновника приглашен?» Ахтаджи-Бей ответствовал: чтоб он не прогневался: такое Ханское повеление, которое велел объявить Резиденту, что мир не с их стороны нарушен, но с Российской, разорением вблизи Ак-Мечета, села Енисале, где помещика, почтеннаго стараго Мурзу, били и мучили, волоча по земле, тож и дочь его, жену Балджи-Баши. Резидент отозвался, что он не сведом; ибо от Предводителя чрез 5 дней никакого известия не получал. Вдруг прибежал чиновник с Ханским повелением, чтоб Офицеров и кого Резидент захочет, оставить при нем, а достальных людей в другое место отвести. Резидент Капрала, три человека гусар и своего конюшаго отделив, отдал присланному, который, выслав их под караулом, стал спрашивать, много ли на почте Казаков? Сказано ему 30 человек. Он отвечал: «Хан приказал послать к ним сказать, чтоб они смирны были и не тревожились," куда гусарский Вахмейстр и послан. Другой чиновник, пришед, объявил Ханское повеление, чтоб оставить при Резиденте только сына его и переводчика, а прочих всех в другое место отвести. Резидент спорить стал, что они все Офицеры, ком им самим знакомы, а по тому и надобно им остаться при нем; однако, не взирая на то, взяли Порутчика Брянскаго полку Иванова, Прапорщика чернаго гусарскаго полку Раичича, шурина Резидентскаго Леонтовича, двух толмачей, Канцеляриста и Подканцеляриста, и потащили их от Резидента за волосы в другое место. Резидент просил, чтоб жене его, которая только пред 22 днями от бремени разрешилась и еще слаба, с постели не встает, и детям никакой обиды причинено не было, что дом и прислуга сохранены были и фамилию уверили, что Резидент жив. Ахтаджи-Бей, взяв на себя о том попечение, поехал, спустя несколько возвратился и объявил, что поставлен по Ханскому повелению караул и не велено никого туда впускать, а после попросил у

переводчика часы, которые ему и отданы. Вдруг услышаны выстрелы ружейные, а между тем и принесена одна голова Донскаго Казака, коих всех пристрелили. Оставленный при Резиденте Булюк-Баша потребовал у него шпаги: Резидент отвечал ему, что она не привыкло по чужим рукам ходить, но Булюк-Паша стал угрозами об отдаче домогаться, по чему Резидент и принужден был оную отдать. После того Ханской Везирь, из Дивана вышед, мимо окон того покоя, где Резидент содержался, прошел, не оглядываясь, за ним, в нескольких шагах Казаскер таким же образом шел, а за сим по нескольких минутах Нурадин-Султан последовал; сей, взглянув на Резидента и идучи, кивал головою и жал плечьми. Резидент ожидал Ханскаго выхода, в намерении остановить его, протестуясь Всевысочайшим Монаршим именем о нарушении всенароднаго права. На знатно предупрежден был его чиновниками выйти чрез Харем, чтоб Резидент его не' видел. По отъезде Хана вызван был Резидент тем же Куллар-Агасы, и привед к месту, где обыкновенно лошадь Резидентская подводима была, показал ему коня, тож пасынку его и переводчику, но Резидент спросил, где его лошадь с убором? Чиновник сказал, что она не пропадет, а между тем сели бы все на лошадей; ибо дорога, куда ехать, не близка. Дорогою чиновник, видя у Резидента часы, стал оныя требовать, говоря, что и без того Турки отымут, которым ему и отданы; и так отведен Резидент под караулом, окружен 20 Татарами, чрез горы в Алушту, к Хаджи-Али-Паше, разстоянием от Бахчисарая более ста верст, куда прибыли часу в 11 по полудни, где введен в одну палатку, а из оной в другую. По входе Резидент, видя молодаго пред собой Турчина, богато одетаго, отозвался, что хотел бы знать, у кого он в гостях; хозяин и отвечал, что у него! сей был племянник Хаджи-Али-Паши, сын Сулейман-Паши. Резидент присовокупил, что он себе за честь поставляет быть гостем у такого знаменитаго человека: он стал извиняться, что в палатке худо прибрано кроме одной подушки, и ковра нет, по тому что все приборы и постели еще на корабле; после спросил Резидента, станет ли ужинать, кушанье поставлено, но никто не ел, только что по чашке кофе пили. Хозяин, поставив 12 Янычар на стражу, пошел в другую палатку. Резидент лег спать с обоими его товарищами, а на разсвете чувствовал, что некто около шеи его трогает и примеривается обнаженною саблею к шеи, говоря товарищам своим, куда ловко отсечь сей свинье голову, но другие Янычара его бранили и ругали, время ему отойти прочь, однако он тож самое сделав над пасынком и переводчиком, сел возле Резидента и говорил товарщам: напрасно они его бранили, а он знает, если бы отрубил неверным головы, Паша бы его разве

только выбранил, или выбить велел. После сего Резидент встал, притворяясь, что очень крепко спал, между тем подчиван кофеем, а спустя с час времени Тефтердаром и Диван-Эфендием в другую палатку, по Турецкому обряду изрядными коврами устланную, введен, где вновь кофеем подчиван и, высылке служителей, объявлено ему, что Паша хочет ведать, много ли при армии в Крыму Генералов, и сколько при них войска? Сказано десять человек по именам, тож самое, что и любопытным Татарам всегда твержено: войска пехоты 13 полков, исключая Еникальской и Керчинской гарнизон. На вопрос, как велики полки, ответствовано: по 2400 человек рядовых, из коих 400 человек остаются всегда в непременных квартирах, кои называются разсадою; ибо всякой год из них комплектуется полк, а на место тех новые рекруты принимаются и обучаются, так что никогда недостатка в людях не бывает. Конницы 6 полков, в коих только вполы против пехоты; из сих 200 человек для того ж остаются всегда в непременных квартирах, как и в пехоте. Гусар 4 полка, в которых рядовых по 400, из них 2000 выступают в поход, а другая половина остается в резерве, в разсуждении том, что сии полки пограничные; пикинеры 4-ре ж полка, кои числом равны с гусарскими, яко пограничные. Донских 5 полков, каждой по 500 человек, компанейских три полка, по толикому ж числу; Малороссийских 4 полка, тож по 500, и 2000 Запорожцев; сверх того при полевой и полковой артиллерии 3000 канониров и бомбардиров, да егерской 2000 корпус. Сие все записав, объявили Резиденту, что Паша такожде желает ведать содержание трактата, заключеннаго с Татарскою областию. Резидент предварительно себя извинил, что он может иногда в артикулах ошибиться, поставляя вместо 4, – 6, а вместо 6–8; однако за то ручается, что из всего содержания ничего проронено не будет, которой им и пересказан; они все записав, резидента в палатке оставили, а сами к Паше пошли.

Спустя несколько минут чрез Обер-Церемони-мейстера представлен Паше Резидент: у Пашинской большой палатки, с трех сторон полы были подняты, а с четвертой опущена, от которой, в разстоянии одной сажени, начиналась, вдоль палатки, софа аршина в два ширины, устланная полосатым атласом, покрытым матрацом, вокруг обставлена парчевыми подушками. Вокруг все палатки стояли полумесяцем в 8 шеренок вооруженные Янычары с ружьем к ноге, всех казалось около 3000 человек, а за софою в четыре ряда стояли служители. Паша сидел в углу, наклонясь на подушки, а против него, в разстоянии о, или 7, шагов, сидел на коленах Тефтердар-Ага. Как скоро Резидента; Паша завидел, закричал на предстоящее войско: «Не трогай!» при

входе в палатку поставлен табурет возле софы, шагах в 8-ми от Паши, на которой Резидент, только что успел сесть, подчиван кофеем. Первый Пашинской вопрос был: «Как вы этим бездельникам поверили?» Резидент отвечал: «В обширной Российской Империи есть разных наций и законов люди, коим, при учинении по их Закону клятвы, верят, а Татара не только по своему Закону многократно клялись, но и целованием Алкорана оное подтверждали: как же им по человечеству не верить?» Он повторил: «Вы их не знали, а теперь узнаете, сколько на их клятвы полагаться можно.» После спросил, какой Резидент нации, где по Турецки выучился, и был ли в Царьграде? Резидент отвечал: «Родился в Далмации, вывезен оттуда, как ему сказывали, в Россию 15-ти недель; по Турецки, по Волошски и Гречески, когда стал себя помнить, в ребяческих летах уже говорил, по тому что таковых наций около его услуга была; по девятому году посылан от родственников в Вену обучаться наукам, где пять лет находился, а после наук два года вояжировал и намерен был ехать в Царьград, любопытствуя видеть примечания достойную прежних Греческих Императоров, а ныне Турецких султанов, столицу, но чему и доезжал до Букарешта и Рущука, где попеременно жил 10 месяцев, наджидая известия о пресечении, весьма сильно продолжавшагося тогда в Царьграде мороваго поветрия, но не могши дождаться, возвратился в отечество.» Паша присовокупил: «Так теперь его намерение исполнится; ибо он его отправит в Царьград и там посажен будет в Едикуль.» Резидент сказал ему, что он теперь в его руках, следовательно, зависит от его воли; но если Паша примет во уважение всенародное право и то обстоятельство, что он от такой великой в свете Императрицы акредитован при Крымском Хане Резидентом, то он благонадежен, Паша дозволит ему пользоваться, свойственными характеру его, преимуществами. На сие Паша однако только улыбкою ответствовав, поручил Резиденту к Предводителю отписать, чтоб он всём предводительства его Туркам, кои во время баталии в полон отдаются, приказал головы рубить, чего и он с своей стороны неотменно над Русским исполнять подтвердит; а сие он в таком намерении делать предпринял, чтоб обоюдные ратные люди, устрашась тем, вернее Государям служили и до последней капли крови мужественно дрались. По сих разговорах отпустил от себя Резидента, который в палатку тем же Обер-Церёмонимейстером препровожден, где внесен, по Турецкому обыкновению, большой круглой поднос с кушаньем для Резидента. В то время пришед Грузинской об одном глазе Хан Еоргий, сел возле Резидента и спросил о Графе Тотлебене и

Генерал-Маиоре Сухотине; о первом ответствовано: в Польше преставился, а о последнем, чаятельно, в Москве находится. Он начал свое приключение рассказывать, что, будучи в Грузии Ираклий, по некоторой причине, стал на него злобствовать и, арестовав, приказал оба глаза ему выколоть, но тот, кому экзекуция поручена была, по человечеству сжалился на него, и только один глаз ему выколол, который прикрыт черным бархатом, жемчугом обнизанным, а другой слегка оцарапан, как и видно, после чего он и принужден был оттуда удалиться с своими людьми и прибегнуть под протекцию Хаджи-Али-Паши. На вопрос Резидента, многолюден ли его корпус, сказал: более не имеет как 39 человек.

После полудня в четвертом часу Обер-Церемонимейстером Резидент, с сыном и переводчиком, отведен на Адмиральский корабль Капитана, для представления Капитан-Паше, где весьма сурово и гордо принят и немалое поругание слышал, а оттуда на Пашинской корабль Патрона, где для него особливой кают возле Капитанскаго уже приуготован был; Капитаном корабля принят изрядно, только от прочих немалое ж сносил ругательство до получения известия о мире, которое на 4-й день после арестования Резидента получено. В тот же самый день, как Резидент на корабль приведен, просил чрез Обер-Церемонимейсте-ра у Паши дозволить ему писать к Предводителю и к жене, однако не дозволено. А когда о мире извести получено, то сперва Капитан-Паша, чрез Тефтердара, Резидента поздравил, объявив при том, что он считается у них уже не невольник, но их и Государя их гость; после того призыван к Паше на берег, который равномерно его тем поздравил и весьма ласково принял, а при том отозвался: «Слава Богу, ныне стали приятелями, так и должно, приятельски обходясь, один другого пользы наблюдать, отнюдь не желая вреда своему приятелю и не допуская онаго до предвидимаго разорения.» Резидент сказал: «То правда, что чистосердое между приятелями обхождение Богу угодно.» Он присовокупил: «Когда так, то намерен, в разсуждении годоваго времяни, в коем штормы на Черном море обыкновенно начинаются, для избавления флота от гибели на открытом море, завесть оный в Кафинскую бухту, по тому что в полученном фермане только ему предписано остановить не приятельства повсюду; ибо с Россиею мир заключен, а впредь обстоятельное обо всем ему предписано будет.» Резидент отвечал: «Намерение его весьма благоразумное; но если, по новости приятельства, дозволено ему безпристрастно и нелестно изъясниться, то видится, благопристойность того требует, чтоб о своем намерении уведомить Предводителя Российско-Императорской

армии, требуя его на то согласия, и до получения ответа флот оставить в нынешнем положении.» Он, на сие согласясь, приказал Тефтердару в такой силе писать, а Резидента просил то ж, сделать. Но как в то время и от Предводителя, Его Сиятельства, Князь Василья Михайловича Долгорукова, прислан был нарочный с письмом к Паше, требуя увольнения Резидента, с находящимся при нем, то Паша поручил Резиденту отписать сходно с Пашинским о том ответом, яко Резидент теперь у него гость; а как, до получения обещаннаго ему фирмана, могут случиться какия либо о выступлении обоюдных войск из Крыма дела, то он его удерживает при себе, а тогда его отправит, и только отпускает одно переводчика, при чем Резидент и наведался о своей фамилии. Паша его уверил, что жена и дети его живы, а людей всех и свиту Татара вырезали и дом разграбили. Резидент к Предводителю писал, прося о присылке ему белья, платья, шубы, денег, других надобностей и человека другого для услужения; тож и к жене, буде осталось после грабежа что нибудь.

На третий день, то есть 1-го Августа, посланные возвратились с письмом от Предводителя к Паше, что он согласен с намерением его, а Резиденту прислано: камзол теплый, халат, штаны, 6 рубах, 4 пары чулком, чаю фунт, сахару голова, часть пармазану, 50 червонных и два извощика для услуги, а по Резидентскому уведомлению пленным, на кораблях содержащимся, капитану Павлову и Мичману Лисевскому, по 10 червонных Голландских. В тот де самый день пехота Турецкая и Хаджи-Али-Паша перешли на суда, а конница, под командою Мегемет-Бея, Пашинскаго племянник, сухим путем отправилась в Кафу.

Августа 3-го флот, состоявший из 5-ти фрегатов о 66-ти пушках и других 52-х трех и одномачтовых судов, в 24-х галерах и несколько рыбачьих Некрасовских больших и мелких лодках, на коих, по прележном разведывании у Греков, кои матросы определены были, с морскими служителями, войска более не было, как от 30 до 35 тысяч всех чинов, подняв якори, с распущенными парусами поплыли в море, но противною погодою пятичасовой путь едва в три дни переплыли. На другой день по входе в Кафинскую Бухту и опущении якорей, паша наведывался у Резидента, правда ли то, о чем его один из Султанов Татарских, а имянно Алим-Гирей, чрез нарочнаго, уведомил, извиняясь болезнию, что он сам приехать не мог, будто под всем городом мины подведены, и что, по вступлении его с войском в город, оный подорван будет. Резидент его уверил, что то неправда, и Паша бы на его уверение смело, как на прямаго приятеля, положился.

9-го Августа Паша, при пушечной пальбе, перешел с корабля в город, а за ним и все сухопутное войско последовало, но Резидент оставлен на корабле, который 12-го призывай к Паше и спрашивай, в присутствии одного только наперсника его, Тефтердара, смеет ли кто из знаменитых чиноначальников в России о политических и государственных делах что ли ложное, выдумав для собственнаго только своего интереса, написать и обнародовать? Резидент его уверил, что отнюдь того никто не осмелится, зная заподлинно, что за такую дерзость живота лишен будет, разве какой изменник, коему уже жизнь наскучила, на то отважится. Паша, перебив ему речь, сказал, с некоим удивления видом: «Вот как далеко простирается

Татарское коварство: Сагиб-Гирей-Хан вздумал его обмануть, написал к нему, что он с нарочным получил письмо от Бахти-Гирей-Султана, сына Крым-Гирей-Хана, что в заключенном с Россиею мирном трактате будто выговорено остаться Крымской области на таком основании под Турецкою областию, на каком до нынешней войны балы, а не вольною и независимою, как от Предводителя второй армии сообщенные артикулы гласят, да и что он, Бахти-Гирей, пожалован от Порты Калга-Султаном и скоро из Царьграда в Крым отправится. Резидент уверил Пашу, что сообщенные Его Сиятельством, Князь Васильем Михайловичем Долгоруковым, пункты мирнаго трактата о Крыме присланы прямо от Его Сиятельства, Господина Генерал-Фельдмаршала, Графа Петра Александровича Румянцева, под руководством котораго мир заключен и спокойство обоюдным сторонам доставлено. Паша присовокупил: «О если б Султан Турецкий и Российская Императрица ныне приятелски согласились и повелели своим предводителям истребить весь коварной татарской род (разумея одних Султанов из знаменитых пород), а потом, когда условленось остаться Крыму уделом Султанским, прислать на управление Везира, а если Российской Императрице, то определить Генерал Губернатора, подлость был б предо вольна, а Россия и Турция, избавясь лишних хлопот, были б спокойны.»

Предводитель второй армии неотступно домогался у Паши о увольнении Резидента и о выступлении Паши со всем войском из Крыма, дабы одновременно и Предводитель с Российским войском из Крыма выступить мог; по чему оный и призыван был к Паше, коему содержание письма Предводителя читано; однако Паша приказал своему Тефтердару отписать, что он, по предуведомлению от Верховнаго Везира, ожидает прибытия чиновника, а имянно Фейзулаг-Эфендия, чрез коего получить имеет обстоятельный обо всем ферман, а до того время Резидента

отпустить Не может; елико же до его армии принадлежит, то сослался на Резидента, что половина оной в Анатолию уже отпущена, котораго и просил Предводителя о том уверить. А сие войско, как Резидент сведал, послано в Анатолию, по полученному чрез нарочнаго известию о взбунтовавших Левентов, под предводительством Некоего именитаго разбойника Кара-Мустафы.

3-го Сентября Резидент с корабля переведен в Кафу на квартиру, а 4-го был у Паши, который ему, выслав всех своих людей, на едине сказал: «Приятели должны по обязательсву с истинною обходиться откровенностию: он с своей стороны следует тому правилу," и вдруг спросил резидента: «Знает ли он Якуба Липку, который при Предводителе? У него есть слуга Бекир, который посланному с письмом Пашинскому человеку в крайней тайности, отозвав его особливо, сказал: «Напрасно Оттоманская Порта поторопилась заключением мира: теперь то настало было время Русских гораздо прижать и законы им предписывать, по тому что некий из знаменитых Генералов сделал бунт и своим немалочисленным войском, состоящим из Киргизов, Казанских татар, Дагистанцов и других Казаков, уже двумя знаменитыми городами овладел и следует к Москве; с другой стороны Шведы осадили две крепости, а с третьей между Министерством и Генералитетом великое несогласие: одни хотят, чтоб государствовала Императрица, а другие, чтоб возвести на престол Наследника, чего ради Предводитель уже и отправил в Россию конные полки, а и сам с пехотою готовится выступить туда ж и поспешать походом;" так надобно предостеречь Предводителя о таких злых, окружающих его людей. Резидент, по признательнейшей за сообщение благодарности, явил ему, что все сии известии несправедливы, ибо названный знаменитым Генералом есть самый разбойник, простой Казак, называемый Емелька Пугачев, который, собрав себе из таких же бродяг и злодеев шайку немалую, разбивал и грабил в отдаленных местах, где мог, однако вся шайка его разбита и истреблена, а он пойман. Шведы с Россиею в дружбе и добром согласии; ибо и Посланник Швеции при Императорском Дворе пребывание свое имеет; а Министерстве с Генералитетом не может быть по тому пункту несогласии, в разсуждение что Императрица Российская есть Самодержавная Монархиня; а что кавалерия за Перекоп выступила, то всеконечно для подножнаго корму; ибо в околичности Перекопа ни травы, ни довольно пресной воды, для толикого множества лошадей и людей, нет. О сем сообщении уведомлен Предводитель.

Между тем Резидент старание употреблял о освобождении

пленных, находящихся на кораблях, из коих Паша ему Капитана Павлова и 42 Донских Казаков вместе с Капитаном Эдишкульцами пленных, ему и отдал; а из морских служителей, кои в ведомстве Капитан-Паши, и из взятых в плен при разорении Ялты солдат, не взирая на неотступное настояние, едва только одного матроса, определеннаго на корабле для услужения Резиденту, освободить мог. Из освобожденных 40 человек отправлено на, случившихся тогда в Кафе, подводах, привезших, по домогательству Хаджи-Али-Паши, Турецких, в Еникале содержавшихся пленных, Коменданту Еникальскому, Господину Полковнику Ступишину, а Капитан Павлов оставлен при Резиденте с одним толмачем и казаком, тож и матрос.

16-го числа ожидаемый Фейзулаг-Эфенди прибыл, три дни сряду съезжалися Сагиб-Гирей Хан с Правительства чинами к Хаджи-Али-Паше на конференцию, а на четвертый призывай был Резидент к Паше, коему объявлено, что ожидаемый чиновник уже прибыл, однако он с ним желаннаго фермана не получал, а только привез ферман к Хану и Правительству, чтоб они пред Пашею и реченным Фейзулаг-Эфендием в том прямым образом без коварств признались, для чего обманывали две толь сильныя Державы, какова Турция и Российская, уверяя одну, что желают вольность и независимость на древних татарских обрядах, правах, и что трактат соглашен и подтвержден добровольно, по чему Порта, держась, разума того трактата и уважая представления Российских Уполномоченных, за справедливо почла признать татарскую область в заключенном трактате вольною и независимою; в другой не престают и теперь жалобами своими докучать, что они то принужденно делали, и что не желают быть вольными, а хотят быть по прежнему под Портою? Содержание другого фермана к Паше в той же силе, а для лучшаго о том уверения Резидента, послал пригласить реченнаго Эфендия, который чрез несколько минут вошел в комнату, пред коим Паша на своем месте встал и стоя его принял. Эфендий, сделав пред ним земной поклон, поцеловал его в полу, и тотчас Паша на своем месте сел, а он, отступя 4 шага, против него опустился на колени. Паша, указывая на Резидента, сказал ему, что он от Российской Императрицы акредитован был при Хане Сагиб-Гирее, а сей, его схватя, прислал к нему с сыном и переводчиком, в залог своей татарской к Порте Оттоманской верности и доброжелательства, разграбив потом весть его дом и порубив всю его свиту и услугу, котораго он, Паша, почитая у себя, по заключении мира, гостем и приятелем, не хотел отпустить до прибытия его, Фейзулаг-Эфендия, о чем и Предводителю Российской армии писал, надеясь, по предуведомлению, что

получит от Порты Разрешительный о всем ферман, и для того просил его, чтоб он Резиденту приятельски объявил, с какими фермана ми он приехал. Фейзулаг-Эфендий точно то ж самое, что и Паша сказывал, повторил, чем свидание и кончилось.

На другой день паки Резидент к Паше приглашен, коему объявлена чрез три дня свобода и посылка к армии в Перекоп, а при том поручено ему уверить Предводителя, что есть он до Дмитриева для, по их до Касыма, фермана не получит о выступлении из Крыма, то, не взирая ни на что, уедет в Анадолию, а достальному своему войску приказал уже на суда убраться, из коего при себе более не оставит, как только 200 человек для караулу. Резидент, благодаря за объявленную ему свободу, возвратился в квартиру, где нашел однаго чиновника Турка, который прислан от Абдурагман-Бея, пасынка Хаджи-Али-Паши, поздравить Резидента с свободою, и для препоручения ему бывшаго у него с начала войны купленнаго у Татар, пленнаго Ахтырскаго полку гусара, коему он при покупке слово дал, если верно послужит, при замирении увольнен будет в отечество, что теперь, в разсуждении его службы, и исполняет. Резидент, благодаря за такой великодушный поступок, принял пленнаго.

Между тем присылай от Девлет-Гирей-Хана-Татрской чиновник с истребованием Капитана Павлова. Резидент в том отказал, объявив, что реченный Капитан ему с тем отдан, чтоб он его, при увольнении от Паши, с собою взял, о чем как паша, так и Резидент, Предводителя уведомили; но и вторично с таким же домогательством присылай другой: чиновник, а если не хочет его отдать, то б сам у Хана побывал. Резидент, взяв Пашинскаго Баш-Чегодаря, пошел к Хану, у коего нашел восемь человек из Правительства чинов и двух его братьев. По обыкновенном приветствии, Хан стал требовать отдачи Капитана, а Резидент на то не соглашался, повторя выше реченной ответ; если же Хан силою его взять хочет, то состоит в его воле; однако видится ему, что такой поступок бы весьма непристоен и предосудителен. «Не уже ли такого великаго Государя, каков Его Величество, Султан Турецкой, Везирскому слову никакого уважения нет?» Хан на сей Резидентский отзыв замолчал, а, собравшись мыслями, присовокупил, что он имеет право требовать Капитана; ибо Эдичкули ему с условием отдали, чтоб до тех пор у него содержался, пока аманаты Эдичкульские и меньшой брат, Узун-Али-Мурза, из Харькова на смену пришлются, с чем оный от Хана Хаджи-Али-Паши со всеми Казаками и отдан был, а по тому и просил Резидента с Пашею посоветовать; ибо от Эдичкульской орды нарочные Мурзы присланы для взятья его в их орду; по чему Резидент, в квартиру возвратясь Баш-Чегодаря, просил

услышанное Паше донести. От Паши присылай Церемонимейстер спросить, много ли Резиденту подвод надобно? О ответствовано: «Две арбы.» Под вечер призывай Резидент к Паше, которой выхвалил его с Ханом разговор относительно Капитана, а при том советовал отдать его. Потом, отдав ему письмо к Предводителю, в коем сослался на словесное объявление Резидента, сказал, что все войско уже отправлено в тот самый день в Анадолию, а осталось при нем только 200 человек, и, повторя прежния слова, что он далее Дмитриева дня не останется в Кафе, уверил Резидента о своей дружбе, ожидая от него взаимства, а Предводителю поручил засвидетельствовать почтение, и объявить ему, что хотя заочно приятелями и сделались, однако он пребудет его истинными приятелем, а если война между тем сделалась бы, то он Государя и у Государыни Императрицы просить будет повелеть ему против Его Сиятельства Князь Василья Михайловича Долгорукова, воевать, а с другими предводителями дела иметь не хочет. Напоследи, взяв с подушки карманные золотые часы, сказал резиденту: «Старые приятели его так ограбили, что и без часов оставили, а он, яко новый, в знак дружбы, снабжает его на дорогу часами, в том намерении, чтоб, смотря на них, его помнил;" а пасынка подарил Турецкою парчицею на камзол и, пожелав им благополучнаго пути, от себя отпустил.

Приложение 13
О правах Российских государей на Крым, яко издревле России принадлежащий, также по праву завоевания и по праву наследственному

Херсон, именовавшийся потом Крымом, был в самой глубокой древности обитаем россиянами, известными тогда под именем Европейских скифов, которых владение уже за несколько сот лет до Христа простиралось от берегов реки Волги и Хвалынского моря, даже до Днепра и Дуная, а от Балтийского моря не только до берегов Черного моря, но и до самых Таврских гор. Обитавшие же из сих Россов по разным местам получили разные имена, как то: жившие в Херсоне при Кимерическом Воспоре назывались кимерами, а у хребта Таврских гор таврами, из коих часть переселилась после к однородцам своим кимерам в Херсон. Греческие писатели обыкновенно называли их тавроскифами, по имени которых без сомнения и весь Херсон Таврическим прозван, а что тавры назывались прежде и Россами, о том свидетельствуют Зонар, Кедрин и другие писатели. Владение сих Тавроскифов или Скифов-Россов было только внутри Крыма, приморские же города принадлежали тогда Грекам. В последовавшие же времена, будучи утесняемыми то Римлянами, то Греками, принуждены были в исходе седьмого века Херсон оставить и переселиться ближе к Киеву, а на их места вошли Козары, кои попеременно с Половцами владели Крымом лет двести.

В 988 году великий князь и Самодержец Всероссийский Владимир собрал великое войско и пошел сам в Крым, во время же сего похода покорил он под власть свою свою всю Таврикию или Крым, и учиня тамошние народы данниками своими, исключая город Феодосию и несколько других приморских мест, кои он по просьбе супруги своей Анны, возвратил Греческим императорам. От Российских Государей было зависимо и Княжество Тмутаракань. В половине же третьего на десять века при Менгутимуре хана Кипчатском, достался Крым в руки Татарам.

Государи Российские имеют законное право на Крым: 1) потому, что он издревне России принадлежал; 2) по праву завоевания.

Сверх же вышепредьявленных на Крым прав Россия имеет в

свою пользу еще самое важнейшее и древнейшее право превосходного своего над Татарами могущества, которое они и сами всегда в свою пользу беззазорно употребляли, и чрез то почти над большею частию обитаемого света сделались господами; а мы видим, что самые премудрейшие Государя и политики, как прежде сего, так и в наши времена, весьма часто право сие в действо производили, каковых примеров исполнена История всех народов.

Картина или описание всех нашествий на Россию татар и турков, и их тут браней, грабительств и опустошений, начавшихся в половине десятого века и почти без перерыва чрез восемь сот лет продолжавшихся. С приложением нужных примечаний, разных известий касательно Крыма и прав Российских Государей на оный. Сочинение действительного статского советника Павла Левашова. СПБ, 1792.

Приложение 14
Манифест о принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны, под Российскую державу

Божиею милостию Мы, Екатерина Вторая Императрица и Самодержица Всероссийская и прочая, и прочая, и прочая.

В прошедшую с Портою Оттоманскую войну, когда силы и победы оружия нашего давали Нам полное право оставить в пользу Нашу Крым, в руках Наших бывший, Мы сим и другими пространными завоеваниями жертвовали тогда возобновлению добраго согласия и дружбы с Портою Оттоманскою, преобразив на тот конец народы татарские в область вольную и независимую, чтоб удалить навсегда случаи и способы к распрям и остуде, происходившим часто между Россиею и Портою в прежнем Татар состоянии.

Не достигли мы однако ж в пределах той части Империи Нашей тишины и безопасности, кои долженствовали быть плодами сего постановления. Татара, преклонялся на чужие внушения, тотчас стали действовать, вопреки собственному благу, от Нас им дарованному. Избранный ими в таковой перемене бытия их самовластный Хан был вытеснен из места и отчизны пришлецом, который готовился возвратить их под иго прежнего господства. Часть из них слепо к нему прилепилася, другая не была в силах противуборствовать. В таковых обстоятельствах принуждены Мы были, для сохранения целости здания, Нами воздвигнутаго, одного из лучших Наших от войны приобретений, принять благонамеренных Татар в Наше покровительство, доставить им свободу, избрать себе на место Сагиб Гирея другого законного хана, и установить его правление; для сего нужно было привесть военные силы Наши в движение, отрядить из них в самое суровое время знатный корпус в Крым, содержать его там долго, и наконец, действовать противу мятежников силою оружия; от чего едва не возгорелося с Портою Оттоманскою новая война, как то у всех в свежей памяти. Благодарение всевышнему, миновала тогда сия гроза признанием со стороны Порты закон наго и самовластнаго Хана в лице Шагин Гирея. Произведение сего перелома обошлося Империи Нашей не дешево; но Мы по крайней мере чаяли, что оное наградится будущею от соседства безопасностию. Время, да и короткое,

воспрекословило однакож на деле сему предположению. Поднявшийся в прошлом году новый мятеж, коего истинные началы от Нас не скрыты, принудил Нас опять к полному вооружению и к новому отряду войск Наших в Крым и на Кубанскую сторону, кои там доныне остаются: ибо без них не могли бы существовать мир, тишина и устройство посреди Татар, когда деятельное многих лет испытание всячески уже доказывает, что как прежнее их подчинение Порте было поводом к остуде и распрям между обеими державами, так и преобразование их в вольную область пр неспособности их ко внушениюплодов таковой свободы, служит к всегдашним для нас беспокойствам, убыткам и утруждению войск Наших.

Свету известно, что имев со стороны Нашей толь справедливые причины не один раз вводить войска Наши в татарскую область, доколе интересы Государства Нашего могли согласоввать с надеждою лучшаго, не присвоили Мы там себе начальства, ниже отмстили или наказали Татар, действовавших неприятельски против воинства Нашего поборствовавшаго по благонамеренным в утушение вредных волнований.

Но ныне, когда с одной стороны приемлем в уважение употребленный до сего времяни на Татар и для татар знатныя издержки, простирающаяся по верному исчислению за двенадцать миллионов рублей, не включая тут потерю людей, которая выше всякой денежной оценки; с другой же, когда известно Нам учинилось, что Порта Оттоманская начинает исправлять верховную власть на землях Татарских, а имянно: на острове Тамане, где чиновник ея, с войском прибывший, присланному к нему от Шагин-Гирея Хана с вопрошением о причине его прибытия, публично голову отрубить велел и жителей тамошних обьявил Турецкими подданными; то поступок сей уничтожает прежние Наши взаимные обязательства о вольности и независимости Татарских народов; удостоверяет Нас вяще, что предположение Наше при заключении мира, сделав Татар независимыми, не довлеет к тому, чтоб чрез сие исторгнуть все поводы к распрям, за татар произойти могущие, и поставляет Нас во все те права, кои победами Нашими в последнюю войну приобретены были и существовали в полной мере до заключении мира; и для того, по долгу подлежащего нам попечения о благе и величии отечества, старался пользу и безопасность его утвердить, как равно полагая средством навсегда отдаляющим неприятные причины, возмущающия вечный мир между Империями Всероссийскою и Оттоманскою заключенный, который мы навсегда сохранить искренно желаем, не меньше же и в замену и удовлетворение убытков Наших решилися Мы взять под державу

Нашу полуостров Крымский, остров Таман и всю Кубанскую сторону.

Возвещая жителям тех мест силою сего Нашего Императоского манифеста таковую бытия их перемену, обещаем свято и непоколебимо за Себя и преемников Престола Нашего, содержать их наравне с природными Нашими подданными, охранять и защищать их лица, имущества, храмы и природную веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно; и дозволяить напоследок каждому из состоянию все те правости и преимущества, каковыми таковое в россии пользуется; напротив чего от благодарности новых Наших подданных требуем и ожидаем Мы, что они в щастливом своем превращении из мятежа и неустройства в мир, тишину и порядок законный потщатся верностию, усердием и благонравием уподобиться древним Нашим подданным и заслуживать наравне с ними Монаршую Нашу милость и щедроту. Дан в Престольном нашем граде Святого Петра Апреля 8-го дня от Рождества Христова 1783-го, а государствования Нашего в двадесять первое лето.

Екатерина.

Крымский пейзаж